

**НОВЫЙ
Журнал**

143

**THE NEW
REVIEW**

*THE
NEW REVIEW
Новый Журнал*

Основатели — М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 до 1975 редактор Роман Гуль

С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор),

Г. Андреев, Л. Ржевский

Сороковой год издания

РЕДАКЦИЯ: РОМАН ГУЛЬ И Е. Л. МАГЕРОВСКИЙ
СЕКРЕТАРЬ: ЗОЯ ЮРЬЕВА

NEW REVIEW, JUNE 1981

Quarterly No. 143

2700 Broadway, New York, N. Y. 10025

Subscription Price \$24 — for one year

Publisher New Review Inc

Second Class Mail postage paid

at New York N Y

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Г. Сомов</i> — Пушкин	5
<i>И. Чиннов</i> — Стихи	42
<i>Ю. Кротков</i> — Ностальгия	44
<i>О. Ильинский</i> — Стихи	52
<i>М. Булгаков</i> — Курс истории СССР (публикация А. К. Райт)	54
<i>А. Туланова</i> — Стихи	88
<i>С. Рафальский</i> — Прощание с Россией	89
<i>Л. Алексеева</i> — Стихи	104

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ:

<i>Ю. Фельштинский</i> — История одной провокации	105
<i>К. Высотский</i> — Шаляпин на Шмаровинской "Среде"	136
<i>Письма Б. Зайцева И. и В. Буниним</i> (публикация М. Грин)	143

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА:

<i>М. Бернштам</i> — Смысл коммунистического уничтожения народов	162
<i>П. Палий</i> — К. Э. Циолковский	216

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ:

<i>Л. Магеровский</i> — Судьба Бахметевского Архива	228
<i>От редакции</i>	233

БИБЛИОГРАФИЯ: *Л. Ржевский*. Андрей Седых. Пути, дороги. *Д. Дингли*. To honor N. Andreyev on His Seventieth Birthday *Е. Климов*. Женский портрет в русском искусстве... 234

Printed in the United States of America
by Computoprint Corporation
335 Clifton Ave. Clifton, N.J. 07011
Tel. (201) 473-5071

ПУШКИН

ГЛ. 3. ХОЛЕРА МОРБУС

6

Ничего человеческого около и быть не могло.

Гульливая морская волна заразительно подлизывала кривую песчаную отмель, путала по гальке празелень медленно тянувшихся водорослей, лукаво переблескивая, отступала, и вслед ей радужным, как мыльные пузыри, открывались там-сям не часто позабытые раковины. С верхом была полна округа стеклянной густой тишины и не окоём, белою пеною отравленный, не тяжёлыми виноградниками поросшие склоны скал просматривались здесь, — но сотрясаемый прибоем воздух; его можно было из горсти в горсть цедить.

Кажется, босиком спешил Александр Сергеевич к убитой водой полоске песка, став плотно на тёплое тело её, сам не знал, кому туда, на землю рукой махнул и тотчас же оборотился спиной к берегу. Прямо в очи ему — под белыми ветрилами на синей лебяжьего изгиба волне — бриг качался. С пустынной палубы крепко тянуло кофе. Печально и радостно вместе сияли круглые окошки кают, а на плечах венчавшей нос корабля наяды сидел, ноги у ней на груди скрестив, арапчонок тощий, звал зазывно, прижигая каждое слово белозубой улыбкой: "Скорей, бачка, к нам ступай! В путь пора!" — "Очень хорошо, — горячо согласился с ним Пушкин. — Я готов уж! Руку мне дай, дай руку!" Но как не понимал мальчишка. Словно песню какую горланил: "Покатаемся, бачка, покатаемся!" А сам

полегоньку отталкивал корабль прочь. Тогда, чтоб поспеть за ним во что бы то ни стало, прямо в воду бросился Александр Сергеевич, да — смотрит — исчезла вода, один песок округ, пыль глаза забивает. Попробовал было бежать, только куда там: всё так и сыплется из-под ног. В беспомощности полнейшей остановился и — необходимо было маленьким, незаметным стать — комком сунулся в колюче из-под лица шуршащий песок, попросил: "Мне надобно было сие! Непременно!" И оттого что не ответил никто, забился и закричал так, что сам перестал слышать себя, щемило лишь донельзя отверзтые губы...

Первое, что понял, просыпаясь — Ташин почему-то солёный пальчик на губах. Высоко куда-то мелькнул белый, как кипень, парус. Женка над ним клонила лицо, улыбалась:

— Что я слышала!

— Погоди, душа моя, — уже усталыми глазами он повел по стенам, по потолку, шурясь, оглядел пол: — Ты... ты давно здесь?

— Нет, ну только что вошла, — дышала часто Таша, — на крик твой! Так кричал — ужас!

— А что?

— Не поняла я, — округлила глаза она. — Путаное что-то. Разобрала — бачка и бачка, — а что значит — не ведаю.

— "Бачка" — такое слово, которое лишь за чаем объяснить можно, — тихо отозвался Александр Сергеевич. — Так что ты поди, женка, распорядись, покамест я в порядок себя приведу.

Однако за завтраком ничего он ей не рассказал, а ещё и сам пристал, чего, мол, она во сне видит. Таиться Таше нечего было, и она не только свои сны Александру Сергеевичу передала, но и Азиных порядочную долю прихватила. С лицом, будто в кабинете над бумагами своими сидел, внимал ей Пушкин, и правая рука его, небрежно на край стола брошенная, безымянным перстом, как пером, пользовалась — чертила что-то. Приметив это, замолчала Таша. Александр Сергеевич с лишком минут через пять на тишину внимание обратил, ласково помычал и объявил, что в Петербург-городок затеял съездить дни на два. Таша не обиделась, но изумлённо насторожилась:

Холера ведь, говорят, кругом!

— Ну, кому повешену быть, так тот не потонет, — мялся

перед ней Пушкин. — А дела мои, меж тем, копятя да копятя. Право, мой друг, поеду. — И в лоб её поцеловав, наказав за кухаркой следить, собираться пошёл.

Томительно было Таше из окна во двор наблюдать: неладно всё как-то клеилось у отъезжающих.

Начали с того, что расковавшуюся лошадь в корень запрягли, покуда бегал кучер за кузнецом, Никитушка Козлов потерялся. Александр Сергеевич выругался матерно — нет ответа, людские помещения обежал — как сквозь землю провалился, подлец, выскочил во двор — всё готово уж было, садись только да поезжай — нигде не видать! Ах, ты мать честная! Пустился в дворницкую. Ну так и есть: прикорнув на лавку бочком, сладко отдувал Никитушка брыластенские свои щёчки, спал. Пушкин его за ворот приподнял, тряхнул основательно. "Ахти мне! — чуть ли не прямо в лицо барину чихнул Козлов и, вытаращив глаза, изумился: — Александра Сергеевич, вот точно об этот момент вас поминал!" Чтоб не улыбнуться, Александр Сергеевич его в толчки из дворницкой выкинул, мигнул в окошко Таше и — на ходу хотелось в коляску прыгнуть — "Пошёл!" — страшным голосом закричал.

На подножке Никитушка Козлов подсобил барину, насупротив себя усадил, в ноги от пыли кожаный полог постлал, пожаловался:

— Что, значит, так я, Александра Сергеевич, расстроился, прямо сил никаких нету!

— У дворника что-ли когда спал? — строго ещё спросил Пушкин.

— Знамо, там! — дальше моргал Никитушка. — Взошёл я будто в камору его треклятую и диву дался, ну так глазоньки и слипаются, а сердце вот ноет и ноет...

— Добро, — кое-как усмехнувшись, оборвал Александр Сергеевич. — Сердце, коли хочет, пусть его ноет, а ты помолчи-ка!

— Да кабы сызнова от волнений не уснуть-то, — потупился Никитушка.

— Вот — ладно! — отворотился от него Пушкин.

Нет, таки на колёсах, верно, родился Александр Сергеевич. Довольно было оторваться коляске от клубящего столба

пыли и в хвосте оставить вымеренное существование Царского — нутром почуял Пушкин: никого и ничего нет меж ним и ласковым миром Божьим. Казалось, будто безболезненно и необходимо снимают с тела одубевшую старую кожу, и свободное от границ естество, ничуть себя не теряя, вольно устремляется разделить жизнь густеющего по лошинам леса, никнет к отягчённым жаром полям, беззаботно звучит в гуле неблизкого благовеста. Там, в квартире, с Ташею всё слишком рядом было, здесь же — даже похрапывающий Никитушка, даже отдающий овчинами кучер — далеки.

“Кабы ещё не жарило так, — ногти покусывал Александр Сергеевич, — вовсе бы славно было”. Впрочем, тут он намеренно путал себя: не одна жара досаждала. Набухающей занозой сидел под сердцем давешний разговор с Россет, и в неуёмное куда-то звал, подсмеиваясь, утренний сон. “Вот чёртова баба, — горячилось ему. — Толкнул же бес под ребро! Ну, прочёл стишок — и ладно бы, так нет — замысел разболтал!” Это хуже всего было. По складу характера, из-за гнутых, а зачастую и гнусных даже обстоятельств жизни многое приходилось Пушкину прощать себе; одного только, с юности ещё, всеми силами старался не допускать он — заглазного выхваления ненаписанного. Тут самое сокровенное суеверно жило. Как наёмной лошадьё, без пошады пользовалось оно Александром Сергеевичем, писало за него и стихи и прозу, нудило неимоверно, постоянно в страхе держало и раздражении, — но суесловием оскорблять его нельзя было, ибо с ним вместе могло всё кончиться: мёртвою тишиной устало бы душу, и никогда бы не повторились более те силою, а не сладостью, исполненные мгновения, когда не то что весь мир, но и Творца самого будто бы свысока созерцал Пушкин. То, что вчера ещё недовольством лишь было, нынче в смертельную боязнь превращалось. “С дури-то пошло! — простить себе не мог Александр Сергеевич. С предвзятости обыкновенной! Захотелось, видите ли, Александре Осиповне поляков пожалеть — вот на всё кроме и закрылись глаза! Это что ж получается, если, положим, написал поэт о море, так любой, кого морской болезнью выворачивало, уж и критикуй его, что ли? И потом поляки, что за святость такая? Отчего это смуту худородных

шляхтичей-горлопанов смутой назвать нельзя? А кровь? встряло воспоминание. — Да, вот о крови она давеча много толковала, — наморщился Пушкин. — Но кровь-то затем и жидка, чтоб течь! И разве после Годунова мало шляхта на Руси народу извела? Так что все нынешнее — лишь установление справедливости политической, не более! Здесь я себе совершенно не лгу! Уверен в сем истово! Тем паче, что кровь прошедшего в настоящем — навоз и только!” Но мелькнула ему с последними словами бледная Россет: “Там, Александр Сергеевич, полки дибичевы огнём и мечом мир сеют!”

— Сем-ка, я пройдусь, — перевёл дух Пушкин, придержал чуть кучера и, не встревожив Никитушки даже, сыркнул наземь: — Ты поезжай, как хошь — сам догоню, — и подвертывая на ходу затёкшие ноги, медленно тронулся обочиной.

”Нравственное из поэзии должно выводить, а не поэзию из нравственного, — стараясь попадать за коляскою так, чтоб не свивало на лицо пыль, продолжал спорить Александр Сергеевич. — Что же удобнее можно придумать, чем заочное обвинение замысла? Эдак я всегда кругом виноват буду! Хоть не пиши вовсе!”

Ему невыносимо жаль было того стройного, с печалью несколько, настроения, каким и предполагал он писать, но вместе с тем на противоположное мнение, хоть не надолго, а тоже тянуло взглянуть,: “Как и все на земле, Россет права! Да, привыкши замечать и объяснять явления только по видимой их связи меж собой, не хотим, а — вернее — не умеем мы прозревать и постигать начал. Оттого и не наступить никогда гармонии — всё будет отверзто, разворочено и окровавлено насущным, а кто как я желает себе скорейшего удовлетворения, тот не только ближнего поражает, но и самого себя!”

Неловко-таки было по иссохшейся на дороге глине ступать! Чтоб по пустыкам не сбиваться с мысли, Пушкин, поотстав от коляски своей, травой зашагал: “Вот — славно! — вслух произнёс он. — В мире со всем надобно жить! В мире! — и тут же безнадежно усмехнулся. — В мире лишь блаженненькие живут! Людям же в постижении друг друга жить необходимо, а не в мире, ибо мир наш ничем, кроме бунта или смуты, не о раничен!

Одним тем уж он не хорош, что без резни и понятия такого не возникло бы никогда! Мир — суть следствие войны! Уповать на него — то же, что уповать на брань!"...

— Александра Сергеевич, — прорывался к нему откуда-то со стороны знакомый донельзя голос. — Александра Сергеевич!

"Я! Я! — про себя ответил Пушкин и хмыкнул: — Мир? Нет, вы скажите прежде из чего живёте?"

— Не пушают, Александра Сергеевич, дальше! — уже за рукав схватил его тот же голос. — Не пушают!

— Кого не пушают? Куда? — не думая вовсе о том, спросил Пушкин, глядя, сощурился, на взявшегося перед ним невесть откуда Никитушку Козлова с шапкою под мышкой.

— Кого? Кого? Вас, известно, — объяснял тот, скребя в затылке. — Карахтин будто ладят.

— Что?

— Как бы сказать, от всяческой холеры, — рассказывал Никитушка, остороженько беря барина под ручку и направляя его из перелеска, где найден он был, на дорогу: — Там, значит, куда самый поворот нам, имают меня, как был спамши, из коляски и говорят: тпру, такой, мол, сякой! Али ты беглый, али от болести-холеры помирающий. Как жа, говорю, помирающий, ежели только что во сне целовальника видал...

— Ну, ну, ну, — кивал ему Александр Сергеевич и вдруг остановился, как вкопанный. — Какой целовальник? Ты чего врешь? Толком сказывай!

— Толком, — чуть даже обиделся Никитушка. — Толк вона где — он будто наугад, но верно ткнул рукой: — Видишь?

С пригорка им хорошо виднелся косо развернутый на средокрестье трёх дорог свежепокрашенный шлагбаум и десятка полтора шустро снующих около него инвалидов. Пушкинская тройка с уныло поникшим на козлах кучером стояла далеко на обочине. Близ неё, покуривая из крошеного чубучка, выхаживал голенастый чиновник в обтрёпанном мундире. Запах его едкого табаку заметно перебивался серой. Ускорив шаг, Пушкин легко перемахнул ров и заступил чиновнику дорогу:

— Могу ли узнать причину меня остановившую? — как можно медленнее спросил Александр Сергеевич, потому что мог в

ответе последнею искрою навсегда мелькнуть белый, как кипень, парус.

Чиновник легко оборотил к нему сухую свою голову и оказался с лица сильно похожим на какую-то большую птицу. Высоко к седым на лбу волосам тянулись его выпуклые надбровья, на нет к губам сходили щёки, а острый, тонко выгнутый нос остриём своим, казалось, тшился заменить совершенно отсутствовавший подбородок.

— Милостивый государь мой, — забасил он, дёргая вкривь и вкось свои едва приметные под усами губы. — Причина задержания вашего лишь в вашей отлучке состояла. Не имея к последней ни малейшего отношения, я со своей стороны толико одолжиться у вашей милости надеюсь.

— А, — не мог не улыбнуться Пушкин: "Еду! Еду!". — Чем могу?

— А в том дело, милостивый государь, — продолжал густеть голосом чиновник, что в попутчики к вам немереваюсь попроситься. Надобность служебная имеется у меня быть нынче ж к вечеру в Питембурхе, а кибитку мою невдали отседова паралик разбил. Уж не откажите, сударь!

"Экая ведь с виду чёртова птица", — быстро подумал Александр Сергеевич, сам не понимая, что нравится ему в этом нечаянном человеке. Может мерный бой прибоя чудился в его рокочущем басы?

— Добро, — кивнул он. — Только — чести не имею знать вашего имени-отчества — карантинные инвалиды сии нас обоих воротить могут!

Еспер Феофилактович, охотно представился птицеподобный чиновник и, небрежно глянув на шлагбаум, успокоил: — Пост сей мною же самим нынче и выставлен. Опасаться его ровно никакого резона нет!

— Ну и славно! Тогда с Богом, — заторопился Пушкин. — Никитушка, голубчик, ступай к Василью на козлы: на твоём месте барин поедет.

— Премного благодарен вам, сударь, за то, — степенно поклонился Пушкину Еспер Феофилактович и отошёл с приказанием открыть дорогу.

Александр Сергеевич в коляску его подобрал уже за шлагбаумом. Инвалиды сильно курили им вслед из двух жаровен серою.

— Надобно сказать вам, милостивый государь, что копчение холеры серным дымом едва ли много пользы приносит, — отнёсся к этому, раскуривая новую трубку, Еспер Феофилактович. — Всё едино, что табашный дым!

Пушкин не отвечал. Ему новый, неожиданно напросившийся попутчик уже, кажется, и разонравился. За многие годы езды по России привыкнув к случайным трактирным откровениям и рассказам, он терпеть не мог служебных разговоров; знал — попадись под руку чиновник из почтового ведомства, тотчас же усядется бранить порядки своего департамента; подвернись батюшка — глазом не успеешь моргнуть — охаит свою епархию с благочинного начинания; окажись рядом доктор — и немедля ото всей медицины только пух полетит; уж на что не говоруны уланы, а и те — это и вспоминать-то подробно требовал Александр Сергеевич! — случись спор, камня на камне не оставят от полковых канцелярий! Видит Бог, тут уж не времяпрепровождение вовсе, а хворость национальная!

— Приметил я, сударь, как на речения мои усмехнуться вы изволили, — из синего дыма своё гнул Еспер Феофилактович. — Тому на вид представляю я лета мои преклонные. Хоть и немало я на веку своём хлеба перепортил, — однако ж смею сказать, супротив воли куска в рот не поклал! Из единой, что ни есть праведности существование вел-с!

— Служили? — потерялся Александр Сергеевич. Всегда ему неловко становилось, когла — случайно ли, нарочно ли — подсматривали в нем что-либо верно от природы. Основанные на истине наблюдения сторонние Пушкину медлительным одиночеством оборачивались; пуще прямого отступничества непростительна искренность тому, кто уже признал над собой, положенные меж людьми правила игры... Пушкин глаза опустил.

— Иной, сударь, и на девку ровно на подряд смотрит, — будто продолжить о чём тянуло Еспера Феофилактовича, но оттого, что молчал, потупясь, собеседник его, за лучшее счёл он, кроша на колени табаком и прикашливая поминутно, в мемории

пуститься. Как водится, издалека начал: в почтительном пустословии долго плутал вокруг мелкопоместных предков своих, смаковал не без удовольствия отроческие безурядицы сердца, на корыстную холодность некой Амалии Дмитриевны пылко жаловался. И как покойно ни укачивало Александра Сергеевича от мерного низкого голоса его, от дороги, пылью, что бархатом, выстеленной, — а всё негладким выказывалось житьё-бытьё спутника-чиновника — то оно по обыденным ухабам из стороны в сторону билось, то в кровь по жнивью плелось, то — отблесками великих мира сего пригретое — благополучие напрочь исчезало, оставляло по себе сияние лишь. Примечательно, что Есперу Феофилактовичу для безоблачных дней жизни его слов не хватало. Речистый на невзгоды всяческие, он с благополучием сталкиваясь, тупел поразительно, кричал единственно: — Сие, сударь, неповторимо было-с, неповторимо!

”Ещё бы, неповторимо, — откликнулся про себя Пушкин. — Шей от пуза да фатерка казённая!” А Еспер Феофилактович, меж тем окончательно распутав доморошенную хронологию рассказа своего, повествовал уже о том, как был он при Павле Петровиче лекарем назначен. ”Именным-с указом! — пыхтел через трубку он. — Лично зрел-с подпись монаршию! И надобно сказать правду, нисколько не подвёл высочайшего доверия, тем паче, что до назначения и в глаза лекарей не видал-с!”

— Как же недужных-то пользовали? — заинтересовался тут Александр Сергеевич.

— Я, сударь, прежде-с на лошадях уволенных практиковал, — с достоинством пояснил Еспер Феофилактович. — У нас в полку это очень даже возможно было-с! Одним я, значит, кровь пушал, другим — пьёвок ставил, третьих — ромашкой поил! Преизрядно-с! С десяток, почитай, всего и околело-с! Да-с, — сам себе изумляясь, крутил он голову. — Эдак вот начинал-с, а ныне отставь пользоваться, так, кажись, тотчас и помру, до того обвык!”

Всё так просто из слов его выходило, что Пушкин даже спросить ничего не нашёлся. ”Необыкновенно в рно!” холодно мучила его одна-единственная мысль, проростая всюду, куда бы ни кинул он взгляда, с неуклонностью решетки. ”Вез е так, везде!” — стиснув зубы, тщательно перебирал он чёткие

частые звенья её и вдруг запнулся: увидел — сколько позволяли то прутья — себя в Царскосельском парке. Вот — голова преклонена, вот — цилиндр на локте, а насупротив — ну, прямо картиной картинка — Николай Павлович в колясочке, глаза лак её слепит... "А что если, — тут же шевельнулось в мозгу, — и я такой же историограф, как чиновник мой — лекарь?! Однако, нет, — поторопился окоротить себя Александр Сергеевич. — Вздор сие! Петра я непременно напишу! Со всем тщанием, на какое способен! Зря что ли он на язык так и просится!" "На ваш — да! — дрогнул ему откуда-то падающий голосок Россет. — А на язык истории государственной?" — "А я, сударыня, разницы меж сими языками отнюдь не делаю!" Её, только её, язвительно, молодо и сильно хотел осадить Пушкин, но мимовольно иное сорвалось: — Ведь не стоять же мне на месте! — почти жалобно, вслух попросил он.

— Истинно-с, сударь, — сейчас же поддержал его ни на мгновение не умолкавший Еспер Феофилактович. — Сими вот словесами и я искал одобрения в дому своём! Однако ж — нет! Так и осталась семья в белокаменной! Я ж в Питембурх направлен был для принятия строжайших карантинных мер с попутным искоренением сей заразы заморской. Тяжко-с, сударь!

— Али не искореняется?

— Куды там! — вытянулся весь Еспер Феофилактович. — В Новгородской губернии народ будто градом повыбило! Сёла, почитай, все пустым-пустёшеньки стоят! Господи-Исусе!

Уже привычным стало Пушкину совсем подле слушать стремительную поступь холеры. Видно, Бог миловал, тень её всегда за спиной оказывалась и не страшила ничуть, а, напротив, весьма живительным образом действовала — на скорые решения понуждала. Смерть же свою от чего-то там желудочно-го вовсе не представлял Александр Сергеевич; он более докторов опасался. Потому с пренебрежением несколько и спросил:

— А что, сказывают, не так холера страшна, как бунты! Народ больно неспокоен стал. Примечали сие?

В ответ Еспер Феофилактович начал, сильно руками разводя, на собственный опыт ссылаться, привел пропасть замечаний супруги своей, битый час доказывал, что бунты едва ли не от тех же миазмов, что и холера происходят:

— Суть причины сей, — клубился он едким дымом, — в неравном скопении народа состоит! В каком месте боле подлых людишек соберётся, там те и смута; там те и холера! Возьмите, сударь, Сибирь! Али там хворают, али бунтуют? Нет-с, нонеча я с указом особым еду! Вот соберу, как положено, инвалидную команду да амуницию выправлю — будьте покойны — все выздоровеют! Так-то-с!

Доброго, но, как видно, бестолкового старика поленился огорчать Пушкин спором. К тому же, рано начатый день давал себя знать; время, выматывая жилы, тянулось непомерно. Ещё только едва-едва перекатывало солнце на вторую половину пути своего, а уж безотлагательно просилось ночи, тишины и звёзд. Подобно бездомным ночным бабочкам в огне поздней одинокой свечи, мельтешило в сознании всё с утра передуманное. Притчилось: арапчонок, на гигантской женской груди сидючи, с Александрой Осиповной перебранивается, Никитушку Козлова Таша с ложечки сливок потчует, а Еспер Феофилактович на трубку, как на трость, опираясь инвалидной бригаде предводительствует и мановением руки его синюшные холерные лики румянцем, ровно яблочки, наливаются...

“Так и должно быть! — сияясь не смежать липнувшие друг на друга веки, со всем соглашался Александр Сергеевич. — Последовательность человеку не для действий — для размышлений дана!” — но и это уже гасло, неосязаемое ничто расступалась перед ним, чтоб завертеть, без следа растворить в себе...

Лишь от толчка сильного в виду Чесменской часовни встряхнулся Пушкин. Сопутник его, посапывая, хохлился напротив. “Дремлет мой приказный исцелитель, — смерил его взглядом Александр Сергеевич. — Задумываться-то ему словно бы и не о чем!” Более половины из того, что поведал ему Еспер Феофилактович, пропустил вовсе Пушкин, но было достаточно и этого: сильным привкусом никчёмности несло от лекаря. “Ведь всю подноготную мне разложил, — досадуя скорее на себя, нежели на него, грыз ногти Александр Сергеевич. — Знаю, как детушек воспитывает, чем жену ублажает. Службу знаю его и сердце, а что из этого? Получается, чем полнее предстаёт перед тобой жизнь человеческая, тем пустее смысл её! Кто сумеет доказать, что существовал когда-нибудь на земле подобный

Еспер Теофилактович! Чем? Право же, нуль взятый сам по себе и то убедительнее!”

Меж тем наощупь потянул Еспер Теофилактович из трубки, звучно поперхнулся, открыл сначала рот, потом глаза, спросил растерянно:

— Сенной, сударь, не было ещё?

— Э-вон! — кивнул Пушкин. — Звонница. Это Спас и есть!

— Тогда благодарствую премного, — засуетился лекарь. — Тогда здесь и сойду! В сем месте, сударь, головная команда моего карантину имеет быть. Об этом разе мне никак опаздывать нельзя. Никак!

Остановив коляску, вышел со стариком проститься Александр Сергеевич. Невесть с чего тот даже прослезился:

— Уж так вы обязали меня, сударь, что я и об имени вашем справиться позабыл! Не посетуйте на старую голову, назовитесь.

Нехотя Пушкин представился. Уходящие на нет шёки Еспера Теофилактовича морщинами пошли.

— Тот, значит, Пушкин, вирши которого? — изумлённо произнёс он.

— Нет, — из коляски уже отвечал ему Александр Сергеевич. — Вирши которого — это другой! — и более не обвиняя приличиями, приказал кучеру: — К Демутову выворачивай!

Тут в скрежет колёс по булыжнику из переулка, куда медленно скрылась смущённая новым знакомством фигура Еспера Теофилактовича, робко плеснуло медью: к поздней службе ударили над Сенной. В душном, стеною стоящем воздухе неспорно набирал звук силу, ещё западали низы, в верхах же монотонно позвякивало железо. Кривя губы, чтоб не прикусить языка, сбивался слушать Пушкин: ухаб — толчок — удар колокола, ухаб — толчок — удар колокола, ухаб — толчок — ухаб... Внезапно загустев, тяжкий гул так плотно пошёл по-над землёй, что необходимым показалось подобрать ноги. Александр Сергеевич в противоположное сиденье носками упёрся. Будто легче стало; жёсткая маята тряски оставила терзать тело; прервался путь от слуха к сердцу; жилами в надежде исхода потёк звук. ”Ныне отпускаеши...” — бесценным серебром изнывали колокола, и всё, что ни жило округ на земле, струилось прощённое за ними ввысь, в небо. ”Нет средь мы

виноватых, скорбных, обездоленных и никчёмных! — слышалось в частой многоголосице. За всех равно принял при бандитском Пилате смерть Иисус! Всё искупил он кровью своей!”

”Отче Небесный! — предчувствуя скорую волну мертвящей тишины, поспешал Александр Сергеевич. — Сын человеческий! Человек муками на кресте истёкший, прости мне! Был я некогда юн, беспечен, влюблён — каюсь! Вот: состарел, опустели дни мои, а ночи воспоминаниями обагрились — не оставь же меня! Как чаша с дарами Тебе, полон дом мой любовью и верой, но всё взыскую я очей близких и сердца кровного — призри сие! Подле безлюбых чад твоих, Боже, борят душу мою многие страсти — снизойди до них!”

Умирали колокола, долгие-долгие повлеклись перебои, креп язвящий душу скрип верёвок. Мерк свет, и необратимо пустел мир.

”Нет, постой же! — больно сомкнутыми пальцам не пускал кого-то Пушкин. — Я Тебе, Творец, ещё не всё повелал! Когда одинокая кручина снесла меня, когда над самим собою в Михайловском я руку занес — не было Тебя рядом, Искупитель! Горе повёрнутыми стояли очи Твои! Потому ни в чём пред Тобой не знаю я вины своей — уж прости мне! И что молить у Тебя мне нынче нечего, — уже не замечая глухо обступившей улицы тишины, шептал Александр Сергеевич, — тоже прости!”

7

К утру — в кабинете Зимнего сон его всегда прерывистым и плодотворным был — явилась Николаю Павловичу давно жданная мелодия. За просмотром секретнейших своих бумаг не раз уж прозревал император её прихотливое по зале скольжение; за скрупулёзным, допоздна усидчивым постижением инженерного искусства ей только повиновался таинственный шелест ночных чертежей; и уж, несомненно, за ней, единственной, гарцевали на незабвеннейших кавалерийских смотрах разноцветные полки. Неосторожной улыбкой боясь спугнуть её, государь глаз внимательных не спускал с неё, незримой, но музыка и не думала уходить — ею полон был покой. Равно далёкая и от официозно-напыщенных маршей и от салонной изнеженности,

строгая и гармоничная вместе, она — наконец-то! — сама трепетала от уверенной медлительности, правившей каждым движением Николая Павловича, покуда высвобождал он из футляра привычный свой корнет-а-пистон. Ещё миг — надобно было дать мундштуку инструмента прогреться в ладони — и на письменном столе прямо ожило безмерное чудо весеннего парада. Тронулась, вызванивая амуницией, пехота; приглушённым гулом издалека поддержала её артиллерия; будто подвески хрустальной люстры перебирая, в сверкании нестерпимом заторопились уланы. "Ай, молодцы ребята-семёновцы!" — горело перед глазами Николая Павловича, и, отбивая ногою такт, ничуть не удивлялся он, что горячим, как плоть женская, наливается костяное тело инструмента, а собственные его жилы пустеют каждым выходом. Так нужно было! Как оступившийся на быстрину потока тростник, тянулся государь вслед им самим созданной стихии. И сил человеческих недоставало оставить вольное скольжение, и жить можно было, повинуюсь лишь.

А марш меж тем сам собою кончался. К походу вскрикнула под солнцем труба; задымилась над пушками пыль; унося топот свой — уж не на Польшу ли? — рассыпалась конница с флангов. Пустел на глазах плац. "С вами я, с вами!" — всем сердцем своим стремился государь, но истекая последними конвульсиями музыки, бровью повести не мог: оставался все, оставался, — остался!

... Бледный, сел на подоконник, корнет-а-пистон жёг руки, отложил его в сторону. Отвердевшие губы покусывая, повел плечами, откинулся назад, ожёгшись о настывшее за ночь стекло — отпрянул, спрыгнул на пол, по тугому наборному паркету, приседая несколько, прошёлся из угла в угол, сильно сплёл пальцы, хрустнул ими, вздохнул — отпустило. Ушло. Сызнова пуст был кабинет. Будто и не было никогда музыки. Тихо-тихо: слышно, как за окнами шуршит о гранит Нева.

"Се — к именинам моим подарок, — мысленно любуюсь творением своим, решил Николай Павлович. — Лучшего не сыскать!" И верно, кто ж и мог точнее усладить государю, нежели он сам? Помятуя крепко, что человек есть сосуд скудельный, привык уж Николай Павлович во всём лишь на себя самого полагаться. Но нынче иным держалась жизнь. Приспевшая к утру

мелодия — вовсе готовая, уже любимая — как переродиться заставила императора: редко когда так свежо дышалось ему, так беспричинно двигалось, так верилось легко.

Зарёй потянуло от окон.

Не смея тревожить поздно ко сну отошедшую, да к тому же и на сносях бывшую, императрицу, приказал государь подать ему кофий утренний в зимний сад. Пока ладился прибор, обошёл он оранжерею. Средь полного лета жалкой показалась ему изысканная зелень её: кой-где уж багрянец виднеется, цветы никнут. "Человек предполагает, а Господь располагает, — насмешливо думалось Николаю Павловичу. — Что может быть проще и полезнее неукоснительного соблюдения естества?"

Смакуя, как любил он, кофий на ложбинкою вогнутом языке, припомнил государь ещё раз давешнюю мелодию и остался ею вполне доволен: "Отменно!" Мнилось ему, что и в грозной гармонии дел государственных способна она подмогою быть. "Сколь ни случалось испытаний в отечестве моём, — подгибал он пальцы, — всегда на внимательный взгляд сказывалась в них система определённая, иными словами, метр. А метру что противопоставить можно? Не беспорядок отнюдь, но метр же, только лучший, потребный обществу, полезный! Отсюда и разумность правления есть поддержание порядочной размерности. При сем условии никаких бедствий и быть не может!"

Сквозь стеклянный потолок щедрым потоком лившийся — дневной уж, верно, — свет лишил, однако, Николая Павловича задумчивости. "Надобно нынче же новосочинённый марш мой для оркестра переложить!" — встрепенулся он и вызвал флигель-адъютанта.

— Слушаю, ваше величество!

Государь будто внимательным образом разглядывал молодого человека, но на самом деле не замечал его вовсе.

— Ты, стало быть, — мерно показывал он, осязая во рту вкус кофия, — сыщешь мне капельмейстера. Пусть приготовит он, по усмотрению своему, музыкантов поизряднее и инструменты их. Едва освободившись, займусь сим!

Из почтительного поклона, кося глазами на пол, не упасть чтоб, посланный удалился бесшумно, а Николай Павлович, вовсе уж было собравшийся супругу навестить, шагу не поспел сде-

лать вошёл к нему брат его, великий князь Михаил Павлович.

— Никс, с ног посбивались тут все, — тотчас же начал внятную скороговоркою он, но мановением руки остановил государь его:

— Сядь прежде!

И долю мига, коим враз как прикипело к почти бесплотному абрису канапе осанистое ловкое тело его высочества, любовался им. Младше государя всего несколькими годами, походил Михаил Павлович на розоватое венецианского стекла отражение венценосного брата своего: где старший был сух и бледен, меньшей лоснился и румянился; где будто из мрамора иссечённые столбенели величавые жесты Николая Павловича, там младший — предобрый малый, остряк, — ровно бархатом обёрнутый скользил; и что одному было знамение времени, то другой по гостиным парадами представлял; любили они друг друга без памяти.

— О чем, бишь, ты? — улыбался государь.

Михаил Павлович подхватил выражение лица его, подержал на углах губ, обратил в недоумение простодушное, усмехнулся:

— Ума не приложу, Никс, чем так действуешь ты на меня? Ведь ног под собой не чуял, когда шёл, а на тебе... — и по-детски совершенно заморгал.

— Итак, слушаю! — тоном строже промолвил Николай Павлович: даже правды, на комплимент похожей, не терпел он.

Его высочество — шуткою — на звук ухо оттопырил, но, признав у брата холодку в очах, сам остыл, ладонями колени оплёл, произнёс ровно:

— Беда, Никс. Народ взбунтовался!

— О, только не народ, Мишель! Не народ! — от негодования у государя нервически задрожали пальцы. — Чернь!

— Да? — чисто глянул на него тот и, всё более волнуясь, продолжал. — Они там на Сенной лекарей бьют! Им это, видишь ли, лучшим средством противу холеры кажется! Они, Никс, всё ещё почитают, что миазмы в немецком платье обыкновенно разгуливают! Они, брат, с ума сошли! — доброе лицо его исказилось. — Их спасти надобно, государь!

— Какая мерзость! Боже мой! Полицмейстер где?

— Там, Никс. С уланами! Полагаю, кровопролитию быть!

Николай Павлович встал. "Да, этот миг — мой!" — стучало в мозгу барабанными палочками; очи устремлялись вдаль.

— Друг мой, — обняв брата, попросил он, — позаботься, чтоб Александра Фёдоровна ничего не узнала! Сам видишь, моё место — там! Я чувствую в себе достаточно сил.

— Никс, ты не сделаешь этого! Я не допущу, Никс!

Но лишь скорбно улыбнулся на увещания государь. Сызнова ожившая в нём мелодия марша новосочинённого действия требовала, вперед гнала, туда, где полки сражаются, где вершатся судьбы мира, где плюмажами цветут чёрные шляпы полковых командиров. Оттого не брату уже, но всем, кто помощи от него ждал — и Польше, и Кавказу, — отвечивал император:

— Не вольны мы в себе, Мишель! Судьба монарха в повиновении долгу состоит! А тебя попрошу в Зимнем остаться! Ты здесь нужнее, слышишь? Ну, даст Бог — свидимся! Прощай, брат!

Накрест обнял и, троекратно расцеловав, вышел.

В растерянности полнейшей, чтоб хоть сколько-нибудь с мыслями собраться, настезь распахнул Михаил Павлович двери душевой оранжереи и прямо на распахе узрел вытянутую смиренно фигуру очередного флигель-адъютанта Налымова.

— Что ты?

— Давеча его величество изволили повелеть мне капельмейстера сыскать. Я исполнил.

— Капельмейстера? — как не расслышав, не понял великий князь. — Ах, да! Брату! — и не удержался: в сторону глядя, сказал: — Его величество за это время нашёл себе лучшего исполнителя. Полицейстер на сей раз им будет!

Разумеется, из соображений высочайше-высших, государственных, всенародных и человеколюбивых, въяве осязая под рукой своей державную поступь истории русской, полный резон имел Николай Павлович, в шенкеля взяв буланого иноходца, мчать пыльным булыжником Гороховой, не оглядываясь даже на исправно поспешавших за ним лейб-гусар, только — откуда

бы ни шла подмога — а непрозрачная мёртвая плёнка уже наросла в отверстия очи Еспера Феофилактовича, и на костлявое птичье тело его, оттого что билось зазря, уже опрокинулся с ближайшего воза рогожный куль кислой капусты. Грязно-бурый рассол тёк.

В судьбе своей неловкой добрый старик отчасти сам повинен был. Видимо, чересчур умаслило его привольное, почти бесплужбное житьё в перводержавной. Он никак в новую колею потрафить не мог. Так, прибыв к месту положенного ему карантина, заместо обычного для людей его должности сбирания мзды да подвоза хлоры с серою, занялся Еспер Феофилактович приисканием приличного — на случай выявления недужных — помещения. Натурально, среди тьмы лавчонок и летних конюшен, обступивших Сенную плотней вражьей осады, ничего подходящего он не нашёл и лишь достоинство своё казённое примарал. Пришлось команде его инвалидной самой сбить себе на живую руку в закутке близ Спаса дошаник. "Виданное ли дело, у Божьего-то места пакость всяческую разводите!" — не без горячности толковал об этом день и ночь снующий по Сенной народ.

Но ещё более поразили его последующие действия Еспера Феофилактовича. Откормив елико возможно инвалидов своих, пустился лекарь в невиданные какие-то дозоры. Неделю напролёт рыскал он вдоль и поперек рынка, заглядывал под все возы, крепко тормозил распивочные и кабаки, проходу не давал для торговлишки наехавшим мужичкам и безжалостно волок за собой всякого, у кого в лице хоть что-либо синее обозначалось, будь это просто нос или какое другое мордобойное художество. Стон пошёл по Сенной, ибо "васильки", как прозвали пирожники подопечных Еспера Феофилактовича, возвращаясь из карантина, серой припахивали, аки черти, и в разговорах околесицу несли совершеннейшую. Каждый из постоянных обитателей рынка грудью за них рвался стать, повода вот только всё не представлялось.

А тут Еспера Феофилактовича, как на грех, бес старческий попутал. В один из очередных дозоров своих прихватил он себе не синерожую отнюдь, а дебелую необыкновенно и по всем статьям тугую весьма девку Лупку. Девка эта для Сенного рынка таким неиссякаемым кладезем была. Со всем всяк к ней шёл, и

не было случая ещё, чтоб воротился несолоно хлебавши. Потому, осиротев так принудительно, вовсе смутился народ; по трактирам только и говору было, что о притеснении христианам. Последний обожатель Лупкин, беглый солдат, по прозвищу Нукало, куда бы ни явился, тотчас же из себя выходил: "Ну-к, что! — орал он первому встречному-поперечному. — Дожились! Али мы уж и не православные? Татары, что-ль? Ну-к, ответь, — брал он за грудки слушающего, — почто согласие порушено? Рази по-христиански эдак-то? Нет, ты, значит, ейной бабиной, то исть, особенностью пользовался, дык хрещёных не забижай!" И хоть давно известно всем было, что пустее Нукалы не сыскать на Сенной человека, размашистая скорбь его весьма заразительно действовала: каждый, слушая его, тоже начинал почитать себя обойдённым, и живо росла ватага одномышленников, и уж стали они из разных кабаков в один выделяться. Нукало же, более других запомнивший смак разных до Лупки относящихся подробностей и умевший о том громко бахвалиться, вышел неприметно на первое среди них место. Его уже кой-где и по отчеству чувствовали.

Сама Лупка вряд ли что прозревала о волнениях, которые завела меж населявшими Сенную бондарями, разносчиками требухи, блинниками, из Пскова да Новеграда наехавшими рыбаками, пирожниками, мясниками, сидельцами никому неведомых лавчонок, крючниками-ухарями, каменщиками и даже одним булочником. Отродясь не помнила она себя в смятении, всегда выпуклы и серы были глаза её, и одно доброе умела замечать она округ. Другого для неё и не существовало. Что стояло перед ней, то и любила Лупка. Как же иначе? Вон — была она в Тульском имении у барина своего горничной, да что горничной — боярыней, а сошёл с круга Тимофей Ильич, всё родовое своё заложил, в портфелью кожаную набил ассигнации и — с ней, с Лупкой — айда в белокаменную; два месяца кряду возил он её там от цыган к цыганам, вина сладкие шампанские рекой лил, апельсины заморские просил, чтоб ногами босыми давила, а подошла пора долги платить — сгинул, и будто не было его никогда. Даже лица его не припомнить! А он может и по сию пору жив, обретается где-нито при монастыре, из милости послушничает там странником убогим, за всех нас у Христа молит, только не увидишь его отсюда! Стало — пустое это

место! А Лупка — вот она, как прежде горяча плечами и — главное — кругом идёт, куда захочет! Черта ли мне в Москве, да я здесь, на Сенной пляшу нынче! Сторонись, коли не шибок!

А не поспел Еспер Феофилактович посторониться. Под утро — пьянее вина самого оказалась вся команда его инвалидная — обломил из жилистых рук лекаря трубку беглый солдат Нукало, выволок обмякшее тело на улицу и, как птичью тушку никчемную, швырнул обзёмь: "Ну-к, получай!" И тотчас же тремя острыми языками пламени полыхнул к бледному небу злосчастный карантинный дошаник. Походило отдалённое гудящее тулово пожара на гребень петуший, и весь спозаранку встающий люд рыночный как знамение Божие принял сие: то холера сама горит! "Хворость, братцы, немецкая занялась!" — метнулось по площади из уст в уста, и нестерпимо жёлтым загустел над спящим ещё градом огонь. Немолкнувший собачий лай набрал такую частоту и силу, что сделался почти незаметен, лишь редко-редко прорывалась сквозь него звенящая мольба накрепко запертых по конюшням ездовых лошадей. Вдруг от Спаса волною, разом сбившей пламя до земли, накатил рвущий уши визг. Ни человека, ни зверя не достало бы так крикнуть. Казалось, то в недостижимой выси, подле горнего Господнего престола, измучась неисчислимостью мерзости людской, навсегда лопнул свод небесный, и тьма разверзлась. Лишь неделю спустя узналась истинная причина оцепенения неизъяснимого: это просто копытами сбесившиеся кони зашибли малоумного дурачка Ондрюшку. Опоздав, истина эта пошла по городу сплетней безобидною, тогда же толпа застыла, кто где стоял, замертво. Оледенели в бессильной немоте сердца малых сил и, отойдя, уже не могли мыкать дни свои по-прежнему; поняли — на каждом шагу живёт засушное. Смешалось всё, что ни бурлило на площади, в цельную огромную плоть и исполнилось единой кровью. Под круглым жёлтым солнцем, подобные грязным каплям ртути, от рынка к Вознесенскому, от Екатерининского к Спасу, обрастая на пути сажей, гомоном, дрекольем, катались по Сенной колючие людские ватажки; сшибались, чтоб рассыпаться в прах; гибко обтекали там-сям подрагивающие лоскуты жалкого при дневном свете огня; как сединой, покрывались пеплом и пылью; устали народ не знал и знать не хотел.

Споро. бу то порох, горели немецкие красильни. Сопровождаемые преклонением всеобщим, путались под ногами освобождённые "васильки" Еспера Феофилактовича. На алых угольях рухнувших прилавков овощных лютою смертью исходил, лишался неприкаенного живота своего Митюха Рыжий, которого сгоряча за чумного немца приняли, потому что ходил он обыкновенно как-то боком и в разговоре шибко гунявил, плюя слюной. Подгоняемая разбитой телегой своей, из угла в угол грохотала по площади бездоглядная чья-то лошадёнка в наглазниках. Два рыжих псковича в кожаных передниках шарахнули её бревном по хребту, и, брызгая из лопнувшего брюха зеленоватыми кишками, дико выворотя шею, прынула она всей тяжестью своей прямо под ноги раскатившимся от Садовой уланам. И те, присланные полицмейстером для наведения спокойствия и порядка, пошли крушить всё, что под руку ни подвернётся. Толпа мятежная, поначалу было струсившая грозного блеска палашей и ляганья подков, чуть оттеснилась навстречу усмирителям, но вскоре нутром почуяла, что ничем, собственно, не рознятся меж собой настроения их, и прихлынула ещё плотнее. Перепутались ряды. Бунт пошёл на бунт. Смута и власть растворились друг в друге, осталась разница лишь в одежде да вооружении. Пыль столбом поднялась.

Неожиданно нарочито уверенная поступь многих копыт издалека сотрясла площадь. Казалось, никто ничего не заметил, ещё продолжала брань свой неровный рассыпчатый ход, звенело тело, и озлобленно ржали лошади, а уж завиднелся во всём разом устаток. Будто меньше воздуху стало на Сенной: медленнее замахивались локти, легче опускались кулаки и палаша. Чьё-то, покамест как тень, ощущаемое присутствие мерно надавливало на площадь со стороны Невского. Тише сделались голоса, метнулся от крайнего предела Спаса батюшка с образом в руках...

И всеми тотчас же увиденный — всякий побожиться мог, что именно рядом с ним! — явился дерзкому народу своему государь император. Гулко покатился в тишину кивер с чьей-то головы.

Лик свой прекрасный и гневный в очи каждому поворотил

Николай Павлович, не шевельнув ни единым мускулом. Конь застыл под ним боком, и короткая ухоженная шерсть его серебром отливала!

— Мать Пресвятая Заступница! Никак Егорий Победоносец! — в небо срываясь, стрельнул над головами высокий женский голос и захлебнулся в корчах где-то обзёмь грянувшейся кликуши.

В половину меньше ростом стала толпа на площади: все пали на колени.

— Одумайся, народ русский! — не размыкал уст государь, ибо не с земли была речь его. — Больно отеческому сердцу моему зреть преступное баловство твоё!

Как мелом плеснуло на толпу, побелели все с лица.

— Тем ли отвечаете мне на заботу мою? — далее трубило над Сенной. — Так ли служите мне, отцу вашему?

Долу поникли головы буйные.

— А посему и спрашивать буду с вас, чего заслужили!

”Спроси, батюшка-государь! Крепче спроси с нас, неразумных, отец родной! Ослобони душу!”

— Повелеваю: зачинщикам бунта вперёд выйти! Остальным ждать! — не услышалось, но осозналось в бестрепетном знойном воздухе полудня.

И разом у всех отняло дыхание. Кончилось время, и не было его, покуда на царский взор, как на магнит, не повлёкся, обтирая что-то с губы и высоко подгибая на ходу голенастые ноги, дюжий малый в рваной ситцевой рубахе с густо испаренной рожей. Остановившись сажень в двух от морды коня, он истово рухнул в пыль. Иноходец, оскалясь, подался назад. Вздох прокатился по Сенной. Всюду послышались рыдания.

— Встань! — долгою искрою блеснули глаза Николая Павловича. — Встань и винись!

Лежавший судорожно передёрнул спиной, заскрёб по земле руками и, наконец, чуть не ломая себе хребта, боком поднял голову. Лицо его было лишено всякого выражения, на ноздрях то и дело лопались выдуваемые обрывистым дыханием розовые пузыри.

— Ну-к, я, — всем телом своим выталкивал он из перекошенного рта, — дык, я, батюшка... То исть, вместях! Как

говорится, супротив хотений...

— Боже! — ужаснулся император. — Это же не человек, это — безумец! — Ему наказывать — всё равно, что червя на гауптвахту сажать! Ему захотелось немедленно оставить это унижительное, позорное место. Прочь! Скорее прочь, чтоб ничего не видеть, не знать, а быть по-прежнему просто вершителем судеб, писать марши и читать чертежи! Боже...

Валявшийся, меж тем, подполз ближе и, изловчась, поцеловал коню бабку правой ноги. Иноходец брезгливо переступил в сторону и в кровь разможил несчастному пальцы.

— Ради всего святого, — едва удержавшись в седле и всем горлом чувствуя близкую тошноту, попросил адъютанта Николай Павлович, — уберите его отсюда! Пусть идёт! Куда угодно! Слышите?

— Ваше величество, — почтительно востепенулся молчавший доселе полицмейстер. — У меня тут обоз розог на подходе! Люди мои проведут экзекуцию, как нельзя лучше!

— А? — поперхнулся император и вдруг, ничего перед собой не видя, закричал, что было сил: — Я, государь ваш, повелеваю: немедленно разойтись, немедленно, немедленно, мигом!!! — Более всего в минуту эту жалел Николай Павлович марш свой. "Погибла музыка, погибла! — пылало у него в висках и когда тихим шагом возвращался он в Зимний. — Погибла!"

Первым, кого увидел он во дворе, был Михаил Павлович.

— Никс, родной! — тотчас зачастил он. — Ты жив?

Николай Павлович нашёл в себе мужество улыбнуться:

— Никто, брат, не знает, — сказал он, устало глядя в землю, как велик и чист сердцем добрый народ наш. Он — дитя! Я нынче имел несчастье лицезреть дурную шалость его, но смирение русское, клянусь, всё превзошло сторицей! Я только что искренние слёзы раскаяния на глазах человека, коему доверие оказал, видел! Сие неповторимо, брат! Незабываемо!

... Вечером того же дня, хмельной и сверх меры всякой радостный, пуше прежнего буянил в полутёмной распивочной на Песках Нукало.

— Ну-к, что? — кричал он во всю мочь, вытягивая окровавленной тряпицей стяннутую руку. — То-то вот! Что называется, царский конь, то исть! — и всё приставал к ярыжкам, не знает ли

кто из них такого снадобья либо наговора, чтоб пальцы ввек не заживали:

— Ну-к, ведь чистая, как говорится, память!

9

Точно боком выходила Александру Сергеевичу невесть с чего затеянная им поездка в Петербург. Дня четыре, коли не долее, проболтался он по залитому жёлтой липкой жарой городу, а всё было так, словно за каждым шагом его тянется, как квашня приставшая, прошлое. Всё, что казалось давным-давно позабыто уж, узнавалось с какой-то неуёмной точностью и живостью. Вон, за Исаакиевским мостом Васильевский расползся поросшими берегами: Боже! чего там только не было наворочено в оно время с Дельвигом! А Галерная! Где с дерзким во хмелю Всеволожским лет десять тому назад имели они обыкновение, возвращаясь поутру из одного не вовсе приличного дома, цеплять на скандал всякого встречного! Или, ещё хуже, — Итальянская! Сколько объятий чайных и нечаянных унесено по ней шальными полуночными экипажами! Бог мой, нет числа и возврата нет! Одна память оставлена, как в насмешку, а что проку в ней? Даже в ломбард не сдашь! И с едкой доходчивостью представлялось Пушкину, будто не в столицу государства российского приехал он нынче, но в чудом сохранённую как было собственную жизнь. Резало глаза смотреть, как по загаженным каналам бессильной водой течёт жаркая кровь былых дней; великолепием несбывшихся отроческих мечтаний смущали душу разбросанные вдоль гранитных набережных дворцы; а сколько — куда ни поведи взгляда — валялось округ тупых, глухих, кривых, полузадушенных потёмками закоулков; сколько недостроенного, хило намеченного и тшедушно исполненного было здесь; сколько лживых — для виду лишь — окон рисовалось отовсюду! "Аз грешен есмь! Отверзи, отверзи ми двери!" Но не к чему было проситься — итак всё настезь стояло! Только куда ни пойдя — всё на месте будешь, ибо не одушевлено движением прошедшее, на застылость обречено.

Ничего не понимал Александр Сергеевич, сжимал виски ладонями, бегал из угла в угол по своей наспех нанятой

комнатенке часами, то туда, то сюда гонял коляску, глаз не отрывал от окон. — Пусто было. "Хорош, однако, роздых! колко думалось ему. — Сбеситься можно!" Из знакомых никто не попадался ему в дни эти; всех, видимо, ленивым своим бичом разогнало по заповедным вотчинам да имениям лето. Ни души везде.

Окончательно соскучась, завернул Александр Сергеевич к Хитровой на Чёрную речку.

Элизи, в немолодых уже годах, дородная и добрая, донельзя обрадовалась гостю. Приказала на балкон подать самовар, выставила на стол, так что пальца не просунешь, варений и солений, горделиво наташила в кресло груду новейших книг парижской печати, завела просить, чтоб прочёл какую-нибудь из последних пьес.

— Перебелить всё не соберусь никак, — отговаривался Пушкин. — Вот перепишут — тотчас и вышлю!

Чуть поднадулась Элизи, но отошла мгновенно, об ином шумно забеспокоилась:

— Ужаснейшая, говорят, Александр Сергеевич, холера нынче кругом стоит! Гораздо пуше всех прежних вспышек! Кажется, даже в Петербурге случаи имеются! Я прямо нос боюсь из дому показать.

— Ну, разумеется, — поддержал её Пушкин. — Подобный носик высунь попробуй — враз откусят, как не было.

По девичьи густо зарумянилась Элизи:

— Полно, ради Бога! Вам бы только посмеяться!

— Напротив! Да, думается, не про меня вовсе и смех выдуман! — улыбнувшись, резко на французский перешёл Александр Сергеевич. Его раздражали круглые крупные колени Елизаветы Михайловны; похожие на две детские головенки, они беспрестанно задирались друг на дружку под шёлком её подола. К тому же, и смеялась она слишком легко и часто: — Уверен, что куда лучше Сенковского всякий неловкий мозольный оператор насмешить способен, — стараясь видеть перед собой лишь скатерть, продолжал он. — Коли, понятное дело, прежде не поранит.

"Ну, сызнава покатила!"

Брезгливо переждал Пушкин, чтоб отскрипели под хозяйкой

кожей обитые кресла, попросил в сторону:

— Свеженького бы мне, Елизавета Михайловна! Чем люди-то живы?

Элизи на слова эти только улыбнулась снисходительно. Чем живы? А вот извольте! У австрийского посланника журфикс поменялся; многие сим, ох как, недовольны, им, видите ли, это календарь недельный начисто рушит. При дворе меж фрейли-нами обычный летний скандал: молоденькая госпожа С. — не сомневаюсь, знаете вы её отменно — понесла; в отцы полгорода прочат. Графиня Ворх, напротив, уж третий год замужем, а всё неплодная смоковница. У графини Нессельрод, Марьи Дмитриевны — представляете — нежный друг сердца обнаруживается! Да, кстати, у ней же в салоне на днях Михаил Павлович был. Говорят, шутить изволил прелюбезно: посередь бальной залы сел на пуфик верхом, вытянул к потолку руку и — помните, вероятно? — своим ужасным русским языком кричать стал: "Пади! Пади!"

— Так-так, он всегда недалёк был. А к чему это?

— Вот и все спросили, к чему. А я, отвечает, как и брат мой венценосный, сим бунты усмиряю и холеру пользую.

Как это?

А вы не знаете?

Ни полслова.

Да шум какой-то был на Сенной. Народ приставленных к нему лекарей в отравлении обвинил. Ну, конечно, немцев побил крепко, кой-кого даже и до смерти. Государь соизволил без кровопролития бунт сей решить. Лично явился и усмирил. Все на колени пали, молиться начали.

— Знатно! — И ловко не замечая чающих, как бы о чём соболезующих глаз Элизи, распрошался с ней Александр Сергеевич. Ему досадно было на то, что как ни поступи он — всё перед Хитровой неправ выйдешь. Неотвязное чувство это спешить заставило. Он заехал в гостиницу, наскоро собрал негромоздкие весьма пожитки свои и к утру был уже в Царском.

Умывшись с дороги, повидав Ташу и напившись вяжущего рот чаю, понял Пушкин, что верно рассчитал: места детские, лицейские более для него нежного покою сохранили, нежели шумный отроческий Петербург. От негулких улиц Царского, от

зелени его никнушей, в глаза не лезушей, надёжное безвременье в душу проникало, растило там сладкую, к труду близкую уверенность в незыблемости всего сущего. "Коли мир вокруг вечен, так и я в нём не зазя!" — просто думалось ему. И как всегда, когда накатывали подобные минуты, начал Александр Сергеевич от самого себя и от других таиться.

Только диву давалась Таша, как можно так подолгу в кабинете засиживаться; зачем нужно обязательнейшим образом обещать Куковскому свое вечернее присутствие, а потом слать человека и по-школьничьи совсем отговариваться, что мол живот разболелся вдруг, ты уж, сделай милость, не сочти небрежением. Ещё пугал её осенней заоконной пустотой исполнившийся взор мужа; знала она — не замечает он жены своей, мимо ходит. А коли — случится — и заговорит — то лишь пустяком каким обмолвится. Хуже, чем с чужой! Оттого даже плакала тихомолком Таша, но молчала.

Александр же Сергеевич всё ждал. Казалось, ещё немного и писать захочется. Пустела и крепла душа. Каждым днём уносилось из неё смятение впечатлений, навеянное и встречей с царём, и общим больным, в ожидании холеры, настроением. Оставалась от всего одна упругая, всему земному годная, суть. Какие-то — сны не сны — звонкие обрывки слов, многоцветные и подробные куски виденных и невиденных сцен наяву мелькали в памяти. В речь, в поступки всё сильнее просилась тонная деловитость. Досаду вызывало лишь ожидание будущих, извне монархом указанных, исторических занятий. Их почему-то бояться начал Пушкин с недавних пор. "Какой к чёрту из меня историк! — думал он. — Строгость в мыслях последовательная тогда только и хороша, когда основывается на свободе воображения. Теперь садись Петра писать! Напиши попробуй, ежели исходить предложено из свидетельств особ, близких ко двору, сообразуя дела минувшего с потребным нынешнему времени патриотическим вкусом!" Тут вместе и смешно, и беспомощно становилось. Груды изъеденных червями подлинно исторических документов открывались взору. Молчала усердной вязью осьмнадцатого века испесчренная бумага. Строка за строкой нужно было ворошить немые свидетельства эти, чтоб узнать, что и в старину, совсем как ныне, имели люди обыкновение за

обедом плотно подзакусить, а ночью спать заваливались; чтоб ясным тебе стало, что крепость такая-то не столько храбростью дедов, как обманом, взята у неприятеля; что при доследовании опасного всему государству заговора виновных было втрое меньше, нежели казнённых; что о битве, о коей многие умы современные в исступлении сердца как о краеугольном камне всех последующих событий толкуют, расторопные прашуры наши в суматохе дел самоважнейших и позабыли вовсе, даже не поняли как-то, кем же она, собственно, и выиграна. "Добро ж! Понадобилось — прочли и узнали! —грыз себе перо Александр Сергеевич. — Только позвольте спросить, что из всего именно историческое, одному петровскому времени присущее? Или у нас ничего подобного ныне уж и не случается? В чём тут особенные черты времени? Всё это всегда было свойственно человеку. Пора уж убедиться, что история не знает определённого времени; она вся — протяжённое сегодня, видимое на разных уровнях, разными глазами. Взгляды же эти хронологией одной рознятся. Так что непреложного ничего здесь и быть не может, ибо мыслью, скрепляющей его труд в единое целое, историк либо в себе, либо в нанимателе разживается. Проще сказать, история — всегда заказ или прихоть."

Вот коренной этой мысли покамест и не находил в себе Александр Сергеевич. Имелись просто намётки обрывистые, но все они только в стихи либо в прозу подходили. Облечённые скупым, бережливо найденным словом, они вполне могли бы немалой силой заиграть; строить же из них что-нибудь якобы всеобъемлющее и систематическое как-то сердце не лежало. "Погожу, — с притворной покорностью вздыхал Пушкин, — авось пыль архивная вразумит." Ему чаще всего приходил на ум анекдот о великом князе, сообщённый Елизаветой Михайловной. От него улыбалось славно. Всему рассказанному умела Элиззи влекушую туманность придать. Начнёшь припоминать казалось бы вовсе сторонний случай и, смотришь, полная знакомая улыбка сквозь чужие похождения проступает, колыхаясь живёт на радушном теле, а в добрых безвольных губах соблазнительно простоватый бес проглядывает и откровенничает: вот, не молода я, баба, годами, однако ж...

Стыдно темнело в глазах от этих воспоминаний. Отлично

знал Александр Сергеевич, какую неистребимую и уж осмеянную не раз склонность питает к нему его более чем зрелая поклонница. И хоть никогда не сторонился он порока, здесь беззащитно ему становилось от того, что все не понимал он, какую же ночную сторону души видит в нём Елизавета Михайловна. "Уж чересчур чёрт в ней и толст и добр! Сие особливо опасно! — ускользал подробностей Пушкин, чтоб ещё раз насладиться дурно по-русски выговаривающим Михаилом Павловичем, которого отныне иначе себе и представить не мог, как только сидящим верхом на ковровом пуфике. "Отчаянный, однако, малый! Вот тут истинно параллель с Петром, державшим округ себя шутов целым штатом: он из царствования своего до пальсов снисходил, Николай Павлович их до себя подымает! Историческая примета. А что, бишь, он, сидя, кричал-то? Да — пади! Пади! Это, стало быть, о бунте на Сенном. Дьявольски как течёт всё! Никогда не угадаешь, куда выплеснет!" Ему припомнились слова Еспера Феофилактовича о том, что у бунтов и холеры миазма одинакова и происходит, обыкновенно, от чрезмерного скопления в одном месте людишек подлого звания. Расхохотался Александр Сергеевич. "А может, и прав чудной старикашка!" Удивительно, сколько ни читал Пушкин, пусть древних историков, пусть новейших европейских, никогда в разумение взять не умел, отчего это у них так складно да ладно получается всё. Случится, положим, волнение народное — непременно цель перед ним стоит; меж вельможными людьми смута заведётся, так интересы их всякому уму доступны и рассудку не противоречат. На Руси же всегда обратное выходило. Каким смутным тяжким временем ни займёшься — один Божий промысел в глаза бьёт; характеры же тянут кто в лес, кто по дрова! Хотя бы то же Борисово правление. Чёрт те что, и чёрт те откуда: смутьяны в первую голову о наведении государственного порядка хлопочут, а мужи власть придержащие — бунтуют, как холопы последние. Кажется, что в России надобно писать не историю государственности, как сделал то Карамзин, но историю бунта, ибо он лишь и есть держава наша и порядок наш. Тем паче, что — куда ни кинь — всё выдаёт себя не за то, чем на деле является. Ну, добро, то в истории: Дмитрий — самозванец, Емелька — самозванец, княжна Тараканова — то ж; ну, а коли не взирать с угодливостью

одной на скоропалительные выборы Романовых, так от Рюрика ли род их? Чем они лучше Долгоруковых? Чем не самозванцы? А? Опять выходит: то — не это, а это — не то! Прямо-таки обязан каждый себя чем-то не похожим на натурального мнить! Будто уж без самозванства оно же мы никто и ничто! Будто уж кроме самих себя и призвать-то нас некому? Выходит — да! Тот же Пётр — тому ярчайший пример! Да мало ли... Нет бы мне самому журналистикой одной и жить и хвастать, была бы вольному воля, так поди ж ты — и к свету боком тянусь, и в историографы тшусь... Приспееет ли когда моё лишь? А?

Боялся иногда Александр Сергеевич ответов и грустно на лоскуток бумаги несколькими царапающими штрихами пера бугаду великого князя примостил. Полюбовался капельку, вспомнил, где живёт — порвал тотчас. "Ну, к шути от греха! И "Гаврилады" довольно будет: не про нас ещё смех выдуман!" Чтоб замышленное в голове попусту не мешалось, подкусывая кончик языка, нарезал Пушкин ворох равноразмеренных листочков, пометил на каждом одним-двумя словами мысль, сунул в вазу на столе. Улыбнулся себе снисходительно: хоть что-то, а сделано, и с привычным непрворством, рассчитывая лишь на дальнейшее полегчание, взялся за "Онегина" — там случались ещё не ладно сидящие строки и слоги. Эту кропотливую, никем никогда незамечаемую чистку написанного особливо ценил Александр Сергеевич: точность и тяжкая прихотливость сего занятия славно споспешествовали в узде мозг держать. Нынче тому имелась нужда. Предчувствуя в воображении своём ток новых ключей и течений, дорого было Пушкину к чему-то сосредоточенному сердцем прикипеть, с самим собой лад завести...

Он долго ещё в тот день перекаладывал с места на место измаранные тетради, чего-то жёг; чтоб вернее похерилось, отгибая перо большим пальцем, брызгал кой-куда кляксами. Время не досаждало, не было его около — забыл переворачивать свои песочные часы Александр Сергеевич, и перестал прах служить человеку, застыл мерцающей сквозь стекло горсткой.

А за стеной безумолчно то по хозяйству шебетала, то напевала о страсти нежной Таша. Казалось, во всём Божьем мире тишина стоит.

Слов нет, как заботил Ташу предстоящий ей переезд из обжитого уже Царского в Петербург. "Ещё бы, — приходило ей поминутно в голову, — ведь на меня одну всё ложится! Подвод одних, почитай, штук тридцать нанять надобно! А присмотреть за всем, а наказывать каждому! Боженька мой, Боженька, не оставь!" Только, сколько бы она ни маялась, как бы ни уставала, никому никогда не перепоручила бы она даже и самую пустую толику хлопот своих, а коли кто и предложил бы ей это, непременно обидел. "Вот как!" — сделала бы тогда губками Таша, порхнула в гостиную и заперлась бы там надолго.

Без прямого соприкосновения с собой не понимала Таша существования и набожности окружающих её предметов. Что не видел глаз, не наступала рука — пустотой оборачивалось. Та же квартира, положим, если не ходить по ней с утра до вечера, не пить чай в столовой, не вязать в диванной, не отчитывать кухарку в буфетной, — как понять, что твоя она только и тебе по-настоящему принадлежит? Раньше всё маменька собой застила, повсюду, если и не прямо собственной персоной, так весьма ощутимым духом маячила. Отвыкалось то. Теперь над Ташей никого, кажется, не было, и она не правила домом, но скорее — то там, то здесь — подчинённость пробовала: кому? как? когда? до каких пор? Правда, пальчики её неловко ещё хозяйство терзали, ещё удачи от промашек не различала Наталья Николаевна, но это её и не беспокоило. "Видно, Боженькина такая воля! — объясняла она Александру Сергеевичу любую неурядицу свою и просила его непременно обить к Александрову дню все мебели штофом палевым. Если в ответ, держа глаза спокойные чуть сощуренными, кивал Пушкин и говорил быстро: "Добро, душа моя, уже изготавлюсь!" — печалилась Таша: подобная угодливость — уж заметила то она — долгими переоткладываниями обычно сопровождалась и в никуда уходила. Нет, надобно было прежде заставить мужа задать несколько пусть и бесполезных вовсе вопросов, тогда он, что-то запомнив, действительно, поспешит, с обещанным постарается, и наполнится квартира суматохою перестановки.

Нынче не так всё складывалось.

С утра до вечера не слышно было Александра Сергеевича.

Этому его настроению не доверяла Таша: "Всё гораздо сложнее, чем он себе представляет!" Её теснил, оставленный ею среди мокрети майской Петербург; большой лягушкой скользкой грезился город; Таша, страсть, не хотела сызнова селиться в трактире; её подташнивало оттого, что в коридоре уж точно половицы стонать будут, а с кухни понесёт чадом. "Пушкин, — просила она, — поедем, миленький, лучше в Москву! Хорошо?" Однако, как ни верила Таша в предчувствия свои, волнения её праздными оказались: то ли из желания сюрприза неожиданного, то ли остепеняться начиная, а достал-таки Александр Сергеевич семье своей на петербургское житьё-бытьё премиленькую квартиру в Галерной улице. Прелесть, с каким вкусом обставлены были апартаменты! Чистым шёлком поблёскивая, гнулась в гостиной отборная мебель красного дерева; такой сияющей, такой высокой люстры никогда ещё не видела Таша в жизни своей; а угольная комната, увеличенная обширным крытым балконом, хоры в зале московского благородного собрания напоминала! В ладошки хлопала Таша, ей кружиться хотелось беспрестанно! "Пушкин! — звенела она. — Ой, как люблю я тебя, Пушкин!" И хоть в день приезда их то и дело прорывало неба острым, как капель, дождём, напросилась пройтись. Перепоручив дозор хозяйский Никитушке Козлову, на Английскую набережную вывел жену Пушкин. Провал реки, мостовые по обе её стороны — всё полно было не знающим направления ветром. Коротенький день чухонской осени плотно, как в ножны, в сумерки садился. Над Невой, над подгнившим гранитом оправы её форменной путалась по небу пара приبلудных, синеватых чуть тучек. Сквозь желтоватые, изъеденные непогодой облака жадною горстью червонцев проблескивало откуда-то солнце. Частыми колючими волнами шетинилось по течению дохлое рыбе тулово реки. Стоящий над всем простор был туг, словно парус, под ним и Академия художеств, и экипажи, и пешеходы — всё одинаково дробным казалось.

— Зимний там? — тихо-тихо спросила Таша.

— Вовсе нет, — придерживая цилиндр, полой плаша махнул Александр Сергеевич — Зимний у нас, что шпинат зелен. Видишь?

— Ой, государь, значит, так и ездит вокруг него, да?

— Государь вокруг каждого из нас ездит! — без улыбки заглянув в её глаза, отвечал Пушкин. — На то Божья воля!

— Ты не можешь, Пушкин, гадости не сказать! — вся сжалась Таша; ей вдруг разом стало холодно и неинтересно. — Домой меня отведи!

Как испуганная птица, заворотило с прямого пути своего лёгкое её настроение. Хотелось только у камина скорее очутиться, сесть, подобрав под себя ноги, в кресло, смотреть на угли. Тому, что происходило в ней сейчас, не могла найти названия Таша, у ней в мыслях и близко не было, что именно она должна защищать Николая Павловича от мужа: разумеется, — нет! Но какую бесплодную и злую душу надо иметь, чтобы позволить себе подобный тон по отношению к лучшему из государей? Не слушая вовсе о чём толкует ей Александр Сергеевич, Таша даже ненароком боялась увидеть его сухое, к осени потемневшее лицо. "Изувер! — от времени до времени произносила она почти вслух и до тех пор, пока не пришли раздевать её на ночь, не расставалась с этим словом; впрочем, с ним же и спать легла. И только увидев во сне белые на белом атласе каллы, простила всё, отпустила в клубок подтянутое тело, забылась.

Утром от досады и от Пушкина — чем свет отбившего по своим делам куда-то — и следа не осталось. Всё на свои места растеснилось: высился в воображении Николай Павлович блестящей исполинской фигурой, забавно прыгал у ботфорта его скорый на ужимки Александр Сергеевич в матовом потёртом сюртуке. Улыбаясь обоим им, Таша то так, то сяк прикидывала полог постельный. Нет, — криво и криво. Задумчивости тихой полна, прошла она в угольную комнату, рассеянно скользнула взглядом по мостовой, зримой разом из трёх стекол, — ахнула: у подъезда их стояла четвернёй запряжённая карета тётки Екатерины Ивановны. Самое Загряжскую дородный лакей уже к дверям подводил. "Боженька! — закружило Наталью Николаевну, — спасибо, добрый мой!" Куда посадить, чем угощать, как приласкать, — всё от восторга растеряла Таша: из одной радости зажала душа её.

Умного и доброго сердца было с излишком и у Екатерины Ивановны: тётка с племянницей наглядеться друг на дружку не могли. То смеяться начинали, то плакали, то вставали, то сади-

лись, говорили каждая своё, так частили с объятиями, что лишь в платье путались; со стороны могло прийти в голову — это разноплеменницы встретились и без толмача и не понять им меж собой ничего.

Однако, сами не ведая как, объяснились-таки.

И как сквозь навязчиво и мило смежающий веки луч солнца розовый, помнила Таша, что все нельзя было узнать, который же час течёт; кажется, только вот пили кофий в свежепротопленной гостиной, а уж зачем-то одета она по-вечернему, и Екатерина Ивановна, с себя снявши, вяжет на шею её нитку холодного жемчуга; кажется, мгновение назад громыхала вокруг улежистая, цветами пропахшая карета, а уж надо присесть перед высокой, в лиловом бархате, дамой; смотреть, смущаясь блеском зеркал, в её оплывшую тёмным пушком верхнюю губу, сообщать о себе очевидное, поминать к чему-то Пушкина, искать локтем, чтоб не заблудиться в прихотливой анфиладе зал и жарком от бесчисленных кенкеток чередовании лестниц, мягкую руку тётки...

... Лакеи. Швейцар близ тёмного проёма двери. Прямо в лицо мокрая лапа нахального ветра. Опять карета...

— Ну, слава тебе, Господи! — успокаивает, то ли горлом поскрипывая, то ли сиденьем, Екатерина Ивановна. — Приласкала графинюшка! Приветила.

Ничего не понимает Таша, что-то спрашивает, смеясь и досадуя на себя за московскую бестолковость.

— Мария Дмитриевна Нессельрод, — поясняет тётка, — у нас в Петербурге, что глас Божий!

Не прекращая грохота и скрежета, как вкопанная, становится карета. Выходить надо. Снова ветер. Провал двери. На этот раз — в свет. Швейцар. Лакеи. Теснящее щёки тепло.

От лестницы, от перил её мраморных, чуть осязаемо, фиалками пахнет.

— Аничков! — не поспевая раскланиваясь, подсказывает Таше снисходительно радушно Мария Дмитриевна, а Загряжская, улыбаясь подёрнутыми слезой глазами, кивает и жмёт руку: — Бог с тобой, девочка моя!

— Государь будет? — обрывается у Таши на губах и без того короткий вопрос.

В ответ на ней округло, в упор останавливаются карие глаза

молодого офицера; он смотрит подробно, медленно, как смотрел бы и в очередной приказ по полку, где боязно пропустить даже буквицу малую, даже запятую. То, что, как бы не искал он взглядом, а повсюду находит взор его Таша и топит тотчас в своём, верно, нравится ему. Его бледное лицо в смоляных бакенбардах улыбается. От пережитого усилия Таша краснеет. Ей и без того трудно. Едва-едва умудряется она в толпе влекущихся единым потоком гостей отыскивать свой путь, — тот, где походка её медлительна и неестественно грациозна; тот, где никто не заслоняет её глубоко открытых плечей, платья, лица; тот, где Несельрод и тётка рядом.

Мария Дмитриевна величественно кутает шалью свои широкие квадратные плечи. Таше не надо прислушиваться, она по губам понимает обращённую к ней похвалу графини: — "Афродита стыдливая!" и соглашается. Ей действительно робеет: в попытках сборов она не проследила как следует, надёжно ли укреплены горничной нижние юбки. Вдруг?! Но чем бы ни шемило сердце — Загряжская подле. "Танта, любимая, родная! Ты для меня — всё!"

Заметно посвежело в воздухе. "Бальная зала!" — чуткими плечами своими, прежде глаз почуявшими приближение простора, угадала Таша и переступила расцветкой лишь выделенный порог. Оркестр уже настроивался. Гуше запах духов и пудры. Екатерина Ивановна шепчет: "Это каждой должно пройти! Я с тобой!" Почти не отрывая от пола каблуков, скользя на подошвах, подходят они к скромно одетой женщине, окружённой величественными — и лицом, и статью — военными. Глаза у этой женщины невыразимо лучисты и добры. Кажется, никого из входящих в залу не пропускают они: каждому улыбнутся, каждому дадут поддержку. От приступающей под сердце крови Таша плохо видит и слышит. С угловатым изяществом подав своё тело вперёд, графиня Мария Дмитриевна что-то говорит этой женщине. Загряжская, не выпуская Ташиных пальчиков из своих, низко приседает. Таша делает то же. Беспреданно улыбаясь, скромно одетая женщина касается губами лба в поклоне склонившейся Таши. У Таши так пусто становится в груди, что с минуту она не может разогнуться. "Дитя моё, вы не должны ни о чём беспокоиться, — нисколько не

стесняясь, густым своим голосом, произносит Нессельрод, — Императрица изволила остаться о вас самого лучшего мнения! Ведь я правду говорю, ваше величество?

— Да, — нежно соглашается та. — Натали подлинный цветок нашего туманного Севера. Скорее даже, душа его! Психея!

Екатерина Ивановна ещё раз приседает, а Таша, пылая всем телом и задыхаясь от стука собственного сердца, осмеливается на благодарность.

— Не смейте же стоять без дела, — шутливо укоряют её ласковые глаза Александры Фёдоровны. — Вы, должно быть, прекрасно танцуете!

“Как она умна! — думает Таша, не замечая того, что сыгран уже первый, открывший бал танец, и что с того места, где очутились теперь они, не видно ни императрицы, ни её окружения. — Боже, как умна!” Ей становится жалко надменно неуклюжую Нессельрод, сказавшую ей там, внизу: Афродита стыдливая! “Фи, — смело улыбается Таша, уверясь, что ладно и плотно сидит всё на ней. — Афродита! Нет, одна государыня могла это заметить — Психея!” Есть в этом слове что-то блестящее, как музыка: Психея!

— Девочка моя, — тревожится о племяннице Загряжская, — тебе непременно надо что-либо прохладительное выпить!

Таша немедленно соглашается и тотчас же теряет разницу, что холоднее было: узкий ли, запотевший бокал, или широкий веер музыки, павший с хор? Всё кружится перед глазами, и в груди сердце повторяет круги эти. Где Загряжская? Где Нессельрод? Всё в одно слилось и вместе с тем разделилось на положенные польским фигуры. Затянутые в прохладный блеск колонны — стеклянное чернение окон — кружащаяся под потолком люстра — не поспевающие за музыкой бра — пары — пары — пары... Боже, это прекраснее любого сна. Только из опаски греха не назвала Таша состояние своё райским.

Пришла в себя, начала различать, где верх, где низ, Таша только по пути домой. Отвозила её сама графиня Мария Дмитриевна Нессельрод. На её то наставительные, то увещательные замечания о прошедшем бале лишь ахала Таша. Сама же думала: “Пушкин! Вот приедем — всё ему расскажу!” Так много выпало ей нынче радости, что не поделиться не по Боже-

ски было. Терпения не хватало! Наконец, доехали. Не успела карета толком остановиться, широко распахнулась дверца. Замерла привставшая было Таша. Подсвечивая себе из прыгающей в руке плошки, прямо в глаза ей глядел Александр Сергеевич. Кажется, впервые обратила Таша внимание на то, как действительно безобразен её муж. Под сведёнными глубокими морщинами лбом яро жгли два небольших совершенно неподвижных глаза, губы дёргали левый угол рта книзу и судорожно выворачивались... Чтобы не закричать, зажмурилась Таша.

Мария Дмитриевна, ничего не приметив, сильно взяла её под локоток и направила ступить на первую ступеньку.

— Я, Пушкин, только что в Аничковом на бале была, — висая над мужем в пустоте и боясь найти опору, сколько могла громче, произнесла Таша.

— Так это, милая, и есть ваш муж? — полюбопытствовала из кареты графиня.

Александр Сергеевич мигом перехватил Ташу на плечо, тотчас же отставил её на добрую сажень в сторону и чуть ли не под самые ноги Нессельрод сунул свой огарок:

— Вот, стало быть, кто передо мной!

— В обращении к незнакомым дамам обычно принято более вежливости употреблять! — низко и спокойно отвечала ему Мария Дмитриевна. — Поведением своим вы не себя, разумеется, а жену свою позорите!

— Я вас понял! — голос Пушкина тоньше стал. — Не возбуждая сами по себе ни в ком интереса и похоти, вы стараетесь их с помощью одушевлённых украшений искать? Так?!

— Пушкин же, — робко, но нетерпеливо позвала Таша. — Пушкин, ну, холодно мне!

— Я не позволю, сударыня, — не слышал её Александр Сергеевич, — не позволю, чтоб жена моя бывала там, куда я не зван!

Таша не поняла, что ещё такое по-русски вслед тронувшейся карете прокричал Пушкин. Начавшийся озноб успокоил её; ей всё стало безразлично. "Нет, ничего я ему не скажу, — думала она о муже. — Никогда-никогда!"

Георгий Сомов

*

У фракийского берега
Тень сиренево-палева,
Но осеннее дерево
Превращается в зарево.

Мало сосен и вереска,
Зелень — чахлая, мелкая.
Там, где горы Болгарии,
Лиловатое марево.

Тени юга и севера,
Тени древней истории.
У дверей баптистерия
Тень тирана Тиберия.

С юга, с моря Эгейского,
Веет арфа Эолова.
Небо отсвета райского,
Море ярко-лазоревое.

Арка старая, серая,
В желтых розах (из Персии)
И бормочет Эгерия
О неясном бессмертии.

Игорь Чиннов

*

Какие вокруг образины,
Какие уродины тут!
Крылато-зубчатые спины
Угрюмую душу гнетут.

Уйдем от зеленых чудовищ,
От синих страшилищ-червей
На Остров Небесных Сокровищ,
Где славит бессмертный Орфей

Богов. Где легко и прозрачно,
И жизнь — как большая звезда.
Туда — от грязцы аммиачной,
От низости злого труда,

От низости злого безделья,
Дельцов, подлецов, дураков,
От злого змеиноного зелья
Улыбок, оскалов, шипков —

Туда, где ничто не похоже
На скуку наскучивших мест.
Но райское пение тоже
(Всю вечность!) тебе надоест...

Игорь Чиннов

НОСТАЛЬГИЯ

Очень уж тосковалось...

И не столько по родине, сколько по чему-то такому, что один эмигрантский юморист назвал аксессуарами. Слово иностранное, но я в него поверил. Гипнотическая сила в нем, вернее в аксессуарах. Духовное это, должно быть, явление. А то, что засело в душе — от того нелегко избавиться. Не зря в Нью-Йорке говорят, что все мы, еврейские эмигранты, более или менее с советскими "родимыми пятнами" — рефлексам, а кое-кто и даже с комчанством. (Вот ведь вспомнилось словечко!) Может быть. Я не за вранье. Я всегда любил правду-матку резать. В Москве бузотером слыл, ну и тут, в западных цивилизованных джунглях, считаюсь смутьяном.

Очень уж тосковалось...

Там-то я был одним из ведущих на "Мосфильме", Шварц, но без еврейского носа и с голубыми глазами. Когда эмигрировал в США (через Израиль), думал стать звездой экрана в Голливуде. Да тут своих голубоглазых Шварцев — рой.

Затосковал. По аксессуарам. И по актерскому мастерству. Я ведь дело это очень любил. Входить в характеры. Образы создавать. Между прочим по амплуа я на "Мосфильме" был в рубрике "социальных героев" и играл, в основном, роли руководящих товарищей, преимущественно партийного профиля. Режиссер Петр Челюшкин как-то сказал мне:

— Яшка, а знаешь, у тебя ведь в зрачках Карл Маркс отражается.

Сострил, сукин сын! Впрочем, играл я и роли министров, рафинированных, интеллигентных, но не оторвавшихся от масс, играл и роли начальников главков и даже умных генералов средних лет. У меня своя система жестов выработалась, походка соответственно реконструировалась и даже голос как-то на солидную интонацию настроился.

(Некоторые среди киношников подсмеивались над тем, что в рекламах моих фильмов и в рецензиях постоянно указывалось, ну, например, так: "В роли представителя ЦК, Андрея Голопузова, — актер Яков Шварц". Это правда, я еврей, а играл не еврейские роли. Вот вам и советский антисемитизм!).

Так что, лукавить нечего, махнул я в "Свободный мир", главным образом, по соображениям карьеры. Однако, закончилось здесь, в западных цивилизованных джунглях, после долгих "перепетуй", тем, что, во-первых, ушла от меня жена, Сима Межлаук, гримерша с "Мосфильма", красивая баба, к одному англосаксу, советологу из Ейльского университета. Он в нашей эмигрантской газете дал объявление: "Беру на интервью новых антисоветчиков женского пола по часовой оплате". Во-вторых же, заделался я шофером такси, "каби", как у нас в Нью-Йорке говорят. На желтом шевролете гоняю взад и вперед по Манхаттену, Бруклину, Квинсу и так далее. Материально — разве пожалуешься? Могу за день и полтысячи выколотить. Правда, большая часть денег идет владельцам компании. Но и мне перепадает достаточно. Особенно на чаевых. Чаевые в Америке это то, на чем система держится. Один эмигрант-таксист как-то заявил: "Если отменить чаевые — капитализму хана!"

Но морально продолжал тосковать...

Да вот случай помог. Кто-то из нашей братии, выпивши, посоветовал мне взять отпуск и отправиться на курорт в...Варну. Слыхали? Варна в Болгарии. Знаменитый европейский курорт. Совет был странный и, поначалу, я заподозрил руку КГБ. Но наведя справки, я обнаружил шикарную ситуацию. Оказалось, что за минимальное количество долларов можно приобрести путевку в лучший санаторий Варны. Оказалось, что правительство Болгарии, стараясь выкачивать из западных туристов побольше валюты, принимало у себя всех, в том числе и евреев из Израиля, то есть любого с израильским паспортом. А у меня таковой был и есть. Я его получил по приезде в Тель-Авив. (А кроме того, я имею разрешение на проживание и работу в США, так называемую, "зеленую карточку".) Некоторые из старой русской эмиграции покачивали головами и не рекомендовали мне пересекать "железный занавес" в обратном направлении. Но я же отчаянный парень! И потом, честно говоря, я сразу сообразил, что в этой самой Варне я непременно повстре-

чаюсь с советскими руководящими товарищами самого высокого калибра. Ведь, в виде поощрения, высшая номенклатура ЦК КПСС (партийные и государственные тузы) посылаются в одиночку и с женами и даже детьми в Варнские санатории и еще в санатории Чехословакии. Об этом я знал, живя в Москве, знал, например, что начальник нашего Главкино, Аркадий Семенцов, регулярно проводил отпуск в Карловых Варах, где беспробудно пил водку, играл в преферанс и катал бильярдные шары.

Перспектива повидать характеры, которые я изображал в советском кинематографе, не скрою, показалась мне более чем привлекательной.

Ну и поехал я на две недели в Варну. Полетел на джете Панамерикен до болгарской столицы Софии, а дальше — на люксовом поезде в Варну. Приняли меня на месте — лучше не надо. Улыбки, широкие жесты, цветы. Дали великолепную комнату с видом на берег Черного моря.

Обслуживание и кормежка ультракласс.

Когда же я осмотрелся, пошел в столовую, на пляж, в парк: ба! Полно советских товарищей. Я их как бы нюхом определял, да и по всяким другим признакам. Костюмы все сшитые по моде, учрежденной в правительственном ателье ГУМ'а для ответработников, выезжающих за рубеж, ну и фетровые шляпы спец-образца, не говоря уже о тупоносых туфлях и генеральских полуботинках с ушками. А груди увешенные орденами и орденскими колодками? Толстоляжечный и двухподбородочный народ. И повсюду, в основном, русская речь, родная русская речь. Умилило это меня до слез. И что-то у меня во внутри дрогнуло. Нет, не то что Русью запахло, а — советскими аксессуарами, вот этими самыми, теми, к которым я с детства приобвык.

Познакомился я с одним номенклатурным товарищем, потом с другим, потом с высокопоставленной партийной дамой из Ленинграда, потом с генералом из интендантства. На пляже по приглашению зам. председателя Комитета по стандартизации при Совете Министров СССР, Артема Капитоновича Бузина, вошел четвертым в пулюку. Ну и в разговоре, как бы автоматически, представился... заместителем министра культуры СССР. Еще в Москве я слышал много баек об одном настоящем зам. министре культуры, Владимире Баскакине, со всякими пикант-

ными деталями, так что играть эту роль с точки зрения фактического материала не составило трудностей. Я, конечно, сразу подчеркнул то, что я в принципе ведаю заграничными вопросами и постоянно разъезжаю по зарубежным странам. Это безусловно объяснило мой "американский" вид, сигареты, золотые часы на руке и прочее. Помню, когда я показал ответработнику из Госплана Союза, Ивану Пузкову мою зажигалку (купленную где-то в Квинсе), у того в глазах вспыхнула откровенная зависть. А начальник Главгужтранспорта, Сисиськин, сосед по этажу в санатории, как-то заметил на пляже:

— Ух и носочки у вас. Фельдеперсовы? Где брали?

— В Монтевидео... — небрежно бросил я.

Он от натуги крикнул, а потом интересовался, где же это находится Монтевидео в Уругвае или в Боливии. А я и сам не знал.

Словом, почувствовал я себя как рыба в воде. Вошел в образ. И на душе стало легко. И ни тоски тебе, ни сомнений, ни забот. Все развивалось как на экране, в оптимистической комедии под названием: "Министр на пляже" или что-либо в этом роде.

Да, вошел в образ, развернулся, засмаковал, нюансы начал отрабатывать, и выходить из образа мне уже не хотелось. Повторяю, на душе стало легко. Гладко, чисто, приятно. И главное — привычно. Коллеги по номенклатуре интересовались мною, уважали меня. Некоторые даже заискивали передо мной, что льстило моему министерскому тщеславию. А высокопоставленные дамы с тройными подбородками, даже кокетничали со мной и намекали на то, что они хотели бы принять со мной ночные морские ванны.

Беседы во время преферансной игры на пляже, в полуголом виде, были, например, такими:

Тщедушный, всегда в нейлоновой сорочке с галстуком, в лакированных черных туфлях и с лакированными ногтями, Дергачев, из Совета Министров, нервный такой, чуть заикающийся, спасовав в ответ на мою простую игру, сказал:

— Хлопцы, а меня переводят в хоз. управление ЦК. Дают кабинет с двумя "вертушками" и дома ставят "вертушку". А я требую и на теннисном корте. Ну и полный паек будет. С целым пакетом. И "Чайка", конечно, по вызову, 24 часа в сутки.

Хорошо ономенклатурился, прокомментировал начальник Главтекстиля, в голубых плавках, с дряблым медузообразным животом, Буравкин, и добавил, покрутив своими красными ушами. — Вист. Меня в этом году выдвигали в депутаты Союза, а я отказывался, ведь загрузка будь здоров. Одевать наш народ в текстиль надо. Но вызвал меня "хозяин" в Кремль и сделал внушение. Массы, сказал, тебе доверяют. Не гнушайся...

Я подумал: "Черт, опять появилось это — 'хозяин'".

Председатель Комитета по делам религиозных культов, Звонов-Монастырский, с усами и громоподобным голосом, в сетке и в длинных сатиновых трусах, пойдя с семерки червей, заявил:

— Мне предоставили новую дачу в Серебряном бору, с кинозалом и бильярдом.

Я выразил удивление:

— И без бассейна для плавания?

— Без... — растерянно ответил он, — да ведь Москва-река рядом...

Компания умолкла, погружившись в игру. Только зам. министра соцобеспечения РСФСР Бубликов, объявив вдруг мизер, как-то мимоходом заметил:

— Я себе на даче тир строю...

Часто беседы переходили на семейные темы.

Главный инженер Магнитостроя на севере, Ципкин, Остап Евгеньевич, худой как жердь, но с авторитарными замашками даже на пляже, сказал мне, когда мы пошли купаться в море:

— Сын отбился от рук. Читает что-то контрреволюционное. Кроет членов Политбюро матом. И требует, чтобы я купил ему "Волгу".

Во время ночной морской ванны с секретарем ВЦСПС, Анной Шмутиной, я спросил:

— А ты с мужем живешь?

— Что ты!? — ответила она, дыша как паровоз. — Он слишком жирный...

А сама была килограммов так на двести.

Сошелся я и с главным философом из Института философии при ЦК КПСС, Артуром Правозеровым. Так сказать, советский Спиноза. Начитан, эрудит, весь из цитат, а кроме того... байдарочник. Он на целый день уплывал на байдарке в

сторону Босфора, но, конечно, с "Антидюрингом" Энгельса, и где-то на горизонте Черного моря штудировал книгу. Некоторые на берегу вопрошали: "Вернется? Как бы не сиганул к туркам". А я вступался за Артура и говорил:

— Товарищи, да вы что? Он же в байдарке не один, он же там с классиком марксизма-ленинизма. А с классиками за границу не бегут.

Я как-то спросил Правозверова:

— Скажи мне честно, что будет после коммунизма?

Он сплюнул и ответил:

— А хрен его знает. Наверное опять капитализм проклятый...

Некоторым я даже советы давал. Вот, к примеру, начальник конструкторского бюро Главтракторостроя, Поплюшкин, прослышав о том, что я ездил в Америку, спросил:

— Какого размера там трактора? Мне из Совмина твердят: — давай трактора-гиганты...

— Стройте трехколесные, — сказал я. — Америка переходит на трехколесные трактора.

— Неужели? — он почесал затылок.

А я подумал: "А почему бы в самом деле не перейти на трехколесные трактора?"

Однако не все шло как по маслу. Имел место и знаменательный конфуз. Встретился я с типом в замшевой куртке со змейкой и с хитрыми, постоянно прищуренными глазами. Собственно, он только что приехал в Варну и его посадили обедать за мой стол. Я ему представился, конечно, как зам. министра культуры по зарубежным делам.

— Позвольте, товарищ, — нахмурился он, — да ведь зам. министра культуры по зарубежным делам это ...я.

Слава Богу, мне никогда не приходится лезть за словом в карман.

— А вы вот что, не трепите языком, — я понизил голос. — Доверительно: я генерал из КГБ, из загрануправления. Мне нельзя называть себя. Это совершенно секретно. На Политбюро обсуждалось, как мне представляться. Решили: зам. министра культуры. Личная инициатива "хозяина". Так что... не болтайте.

— Ясно, — он поспешно закивал головой.

К этому следует прибавить еще вот что: начальник Главтек-

стиля, Буравкин, тот что на пляже демонстрировал всем свой медузообразный живот, когда мы прощались, отвел меня в сторону и тихо сказал:

— Слушай, ты мне арапа не заправляй напоследок. Я ведь зам. министра культуры, Баскакина, знаю лично. Мы с ним учились в Академии Общественных Наук. Так ты что... из органов что ли?

И он указал глазами почему-то на мои золотые часы.

— Тс-с-с, — я приложил к губам палец и сжал его локоть. — Из них...

— Я сразу понял, что тут дело государственной важности, — удовлетворенно произнес Буравкин, покрутив своими красными ушами.

Провожали меня на станции с цветами. Секретарь ВЦСПС, Анна Шмутина, шепотком сказала мне:

— Позвони мне в Москве по вертушке. Встретимся, — и подморгнув, добавила, — и перепихнемся...

А я ей сказал тоже шепотком:

— Ладно. Только ты поменьше крему жри.

Отвел я в Варнах душу. Отвел. Насладился всеми советскими аксессуарами. Выдал на гора, как говорится, сполна. Общение с руководящими товарищами вернуло мне внутренний баланс. Так что прибыл я в Нью-Йорк уже безо всякой ностальгии. И думаю, что с годик протяну. Ну а там опять махну за "железный занавес". Может быть, теперь не в Болгарии, а в Карловы Вары. И может быть, теперь представлюсь, ну, например, сыном Михаила Шолохова. Есть у него дети? Это надо проверить. А то сяду в лужу.

Сказать честно, конечно, вся эта эпопея — палка о двух концах. Ведь после вот этой поездки в Варну, по возвращении в Нью-Йорк, я испытал явные трудности: нелегко было вписаться обратно в цивилизованные западные джунгли, в этот "проклятый" капитализм, точнее, трудно было сползти как бы на сидение таксиста, которому каждый может всадить пулю в затылок, с высокой позиции заместителя министра культуры да еще по зарубежным делам.

Между прочим, в Варне, на пляже, я познакомился с Исаем Фраерманом. Интересный был экземпляр. Мрачный, с лохматой шевелюрой, на всех смотрел исподлобья и все ногти грыз.

Правда, баб любил. Никого там в Варне не пропустил. И по подавальщикам в столовой шлялся, стервец. Он мне признался в том, что страдал эротоманией.

— У нас в Академии Наук СССР это повальная болезнь, — сказал он. — Особенно среди атомщиков.

Я понял, что он был строгозасекреченным ученым. По некоторым намекам я заключил, что он был даже дважды Героем Социалистического Труда. В преферанс играл как бог. И был аналитиком. Проанализировав политику Садата в Египте, помню, он пришел к выводу, что тот был... троцкистом (!!).

Так вот через месяц после моего возвращения в Нью-Йорк из Варны, как-то в дождливый день или под вечер, остановил меня какой-то тип на Манхаттене, залез в такси и сказал по-английски с сильным русским акцентом:

— Мне надо быстро на Брайтон Бич. Дома жена и сын подрались...

Включая счетчик, я посмотрел на него и по-русски воскликнул:

— Так вы же Исай Фраерман! Атомщик из Академии Наук СССР!

Он взглянул на меня и тоже по-русски воскликнул:

— А вы же Владимир Баскакин, зам. министра культуры СССР!

Мы оба расхохотались. А потом, перекинувшись воспоминаниями и некоторыми умозаключениями, мы решили скооперироваться и на будущий год ехать в Карловы Вары вместе. Он будет мне подыгрывать, а я ему. Исай Фраерман, который действительно был когда-то атомщиком в Москве, а теперь торговал мехами в магазине на Манхаттене, заявил, что ему хотелось бы представиться в Карловых Варах начальником Одесской милиции. Я же ему сказал, что вынашиваю идею поездки в качестве сына Шолохова.

— Неужели у этого жидобоя есть дети? — сказал он. — А я думал, что Бог сделал его бесплодным...

На Брайтон Биче с женой и сыном у Фраермана все обошлось мирно.

Ю. Кротков

*

И вечерние улицы слыша
И любясь цветной пестротой
Голубеет окошко под крышей
Из гнезда черепицы крутой.
Тут о кельтах звенит ностальгия
И влетая в оконный пролёт,
Ветерок — синеокий бельгиец
Об антверпенской верфи поёт.
Немка тут поливала герани
И голландка белила холсты
И на ратуше куклы играли,
Улыбаясь камням с высоты.
И уж вовсе не важно, он чей,
Старый Аахен горячих ключей.

Олег Ильинский, 1980

*

Под зонтиком старинного кафе,
Под готикой старинного собора,
В зеркальной чистоте оконных створок
Сидишь, встречая старость налегке.
Вот, за угол свернула чья то жизнь,
Исчезла в утре, в камне растворилась,
Поблѣкла в том окошке. Сизокрылым
Мелькнула голубем, взлетев на этажи.
Полубельгийский древний городок
С полуфламандской свежестью улыбок
Как этот воздух чист. Как этот камень гибок,
Как ясен день в полѣте поездов.
Исходит камень лестницей крутой —
Ты сам себя на улицах встречаешь
В том переулке, в той мансарде, в той
Гранёной башне с узкими плечами.
Смерть уведѣт тебя в другой квартал и в третий,
Но самого себя нигде уже не встретишь.

Олег Ильинский, 1980

МИХАИЛ БУЛГАКОВ: "КУРС ИСТОРИИ СССР"

(ВЫПИСКИ ИЗ ЧЕРНОВИКА)

ПУБЛИКАЦИЯ А. К. РАЙТА

Из всех сочинений М. А. Булгакова одним из самых любопытных является его попытка курса истории СССР для начальной школы. Конкурс на составление такого учебника был объявлен 4-го марта 1936 года в газетах "Правда" и "Известия". Копия объявления с Булгаковским подчеркиванием (выделенным здесь курсивом), хранится в его архиве.¹ Вот как пишет советский литературовед и биограф Вл. Лакшин:

"Накануне премьеры [пьесы "Мольер"] жена застала его за неожиданным занятием: он тщательнейшим образом изучал объявление на последней странице "Известий". Объявление извещало, что проводится открытый конкурс на учебник русской истории для средней школы. "Зачем это тебе?" — спросила Елена Сергеевна. — "Так, может быть пригодится", — ответил М. А."²

Лакшин ошибается, когда он пишет, что это произошло накануне премьеры "Мольера", которая состоялась в Московском художествен-

Мы печатаем отрывки черновиков "Курса" М. Булгакова, как лишний пример того, как настоящие писатели в СССР были вынуждаемы говорить не своим голосом, а поддельным, угодным "партии". Этого не избежали ни Ахматова ("И благодарного народа / Он слышит голос: "Мы пришли / Сказать: где Сталин, там свобода / Мир и величие земли!", ни Пастернак / "И Ленин, и Сталин, и эти стихи!"), ни мн. др. РЕД.

ном академическом театре ещё 15-го февраля. Тем не менее, проект учебника был связан с судьбой этой пьесы, которая уже вызвала глубокое сомнение среди критиков. В следующий же день после объявления — судя по его записным книжкам — Булгаков приступил к работе: "Начало 5. III 36" — дано в первой тетради. Однако, сильным толчком для него послужила статья, напечатанная в "Правде" четыре дня спустя, которая представляла собой резкое нападение и на самого Булгакова, и на его пьесу.

"... 9 марта появилась в газете редакционная статья о "Мольере". Статья называлась: "Внешний блеск и фальшивое содержание". Булгаков подозвал жену и сказал: "Ты понимаешь, что это значит? С пьесами кончено". В самом деле, "Мольера", не помешкав, сняли, сняли и комедию "Иван Васильевич" в театре Сатиры, а уж афиши были расклеены на тумбах и через неделю ожидалась премьера... Но Булгаков сказал внезапно: "Быстро собирайся, едем на Кузнецкий", и целое утро ходил по магазинам, покупал исторические книги, тома Ключевского, Костомарова, карты и атласы. И вернувшись домой, разложил всюду книги, застелил картами все полы и начал писать учебник для 4-го класса."³

Разумеется, немаловажную роль в этом деле сыграло и финансовое положение. Друг Булгакова Сергей Ермолинский описывает, как тот пришел к нему посоветоваться о денежных делах. "Снятие 'Мольера' усложняло жизнь также и в ее простых, житейских заботах. Были долги, а на 'Мольера' можно было рассчитывать".⁴

Булгаков очень серьезно принялся за работу, попутно изучая многие исторические источники⁵ и собирая материал из газетных статей по истории, целый ряд которых также хранится в его архиве. Ввиду определенного срока конкурса — до 1-го июля: меньше, чем 4 месяца — и неопытности Булгакова как историка, его планы оказались весьма амбициозными.

Две тетради содержат материалы и наброски об исторических событиях "с давних времен". Для первой части учебника он предвидел такие заглавия как "Откуда пошел наш народ?", "Переход к неолитической эпохе", "Неолитическая эпоха", "Трипольская культура", "Металл", "Железо". На каждый раздел он сделал обширные записки.

Вторая глава должна была касаться скифов, славян и Руси от пятого до первого веков до нашей эры. А потом следует целый список имен от "Варягов" о "Пугачева" вместе с записками, а иногда с отрывками предполагаемого текста. Первая тетрадь кончается "словарем трудных и иностранных слов", согласно 12-му пункту постановления об условиях конкурса. Вторая начинается "материалами для биографии И. В. Сталина". Здесь же хронология от 1689 до 1936 годов, и подробные заметки о таких темах как "История Марты Скавронской", "История Алексея, сына Петра I-го", "Башкирское восстание при Анне Иоанновне" (вместе с текстом), "Декабристы", "Декабрьское восстание в Москве", "Польское восстание 1863 года".

В черновиках третьей и четвертой тетради: русская история со времени смерти Петра I-го до царствования Николая I-го (третья тетрадь) и продолжение николаевской эпохи до Парижской коммуны (четвертая тетрадь), где рукопись обрывается.

"Он кончил бы его, если бы не начавшиеся к лету сильные головные боли, которые заставили его сделать перерыв, а там его захвати и иные замыслы. Но сохранились страницы книги — "Битва на Калке" и другие, написанные с булгаковской свободой дыхания и мастерством."⁶

Так пишет Вл. Лакшин. Мы сомневаемся. Булгаков многого не закончил: остается масса пробелов, даже в том периоде, который он описывает подробно; изрядное число излагаемых фактов нуждается в уточнениях. Успел ли бы он окончить "Курс" к сроку, и если бы даже он его закончил, был ли бы его учебник подходящим для 3-4классников? Вряд ли. Не таким был его талант. Создается впечатление, что книга оказалась бы слишком объемистой для школьников. Да и мог ли Булгаков серьезно состязаться с профессиональными советскими историками?

Здесь мы приводим лишь некоторые отрывки, в которых Булгаков пишет о разных общеизвестных событиях русской истории. Ясно, что мы имеем дело с черновиком, а не с оконченным произведением. Записывал он в тетрадях не все, иногда ему достаточно было одного слова, чтобы потом вспомнить, о чем он наметил писать, некоторые слова сокращены или стоят с вопросительными знаками, означая, что требуют проверки.

Приводить весь текст в том виде, в каком он есть, не стоит: дадим

только часть его, чтобы показать, над чем Булгаков работал и чего добивался. А что касается того, прав ли Лакшин, что некоторые страницы "Курса истории СССР" написаны "с булгаковской свободой дыхания и мастерством", то это мы оставляем на суд читателей.

Текст публикуется впервые.

А. К. Райм

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Институт Русской Литературы АН СССР (Пушкинский дом), фонд 369, е. х. 270, где находятся и другие подготовительные материалы. Тетради и черновик находятся в е. х. 268-69.

2. Вл. Лакшин, "Уроки Булгакова" *Памир* (Душанбе), No. 4 (1972), стр. 59. Вырезка, хранящаяся в Булгаковском архиве — из газеты "Правда".

3. Там же, стр. 59-60.

4. Сергей Ермолинский, "О Михаиле Булгакове", *Театр*, No. 9 (1966), стр. 84.

5. Упомянуты в его тексте и записках: Л. С. Берг (книга "Бессарабия", 1918), С. Я. Елплатьевский ("Очерки Сибири", 1893 и 1897), Константин VII Багрянородный (Византийский император Constantinus Porphyrogenitus), Н. М. Карамзин, М. К. Любавский, К. Маркс, С. М. Соловьев и другие. Он также широко пользовался "Энциклопедическим словарем" Брокгауза-Ефрона, и Большой и Малой энциклопедиями.

6. Лакшин, там же, стр. 60.

Объявление в "Правде" и в "Известиях" 4 марта 1936 года об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Центрального Комитета ВКП(б)

Придавая исключительное значение преподаванию в школе исторической науки и созданию марксистских учебников по

истории, Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

1. Объявить конкурс на составление лучшего учебника для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории.

2. Для премирования лучших учебников, представленных на конкурс, установить 4 премии:

первая премия **100.000 рублей**, вторая премия 75.000 рублей,

третья премия 50.000 рублей, четвертая премия 25.000 рублей.

3. В конкурсе могут принимать участие все желающие, без всяких ограничений, как отдельные лица, так и коллективы (группы авторов, институты и т. д.).

4. Срок представления учебников на конкурс — 1 июля 1936 года.

5. Учебники могут представляться на конкурс за подписью автора или под избранным им девизом.

6. Учебник должен быть рассчитан на учащихся 3-го и 4-го класса начальной, неполной средней и средней школы (10-12-летний возраст учеников).

7. *Объем учебника не должен превышать 20 печатных листов, из которых 18 листов чистого текста и 2 листа иллюстраций и карт.*

8. При составлении учебника авторы должны руководствоваться теми установками, которые даны: а) в решениях Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 года "О преподавании гражданской истории в школах СССР", б) "Замечаниями по поводу конспекта учебника по истории СССР" за подписями товарищей И. Сталина, А. Жданова и С. Кирова от 8.VIII.34 г., опубликованными в "Правде" и в "Известиях" от 27 января 1936 года и в) статьями товарищей Бухарина ("Известия" от 27.1), Радека ("Правда" от 27.1) и Быстрянского ("Правда" от 1.II.36 г.).

9. При составлении учебника авторы должны, в первую очередь, иметь в виду указания ЦК ВКП(б) в постановлении "О преподавании гражданской истории в школах СССР" от 16.V.34 г., что

"решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат" и что "только такой курс истории может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории".

10. Элементарный курс истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории для начальной школы по своему содержанию и характеру изложений должен учитывать возрастные особенности учащихся 3-го и 4-го классов, для которых этот учебник предназначается.

11. Учебник должен быть конкретен и исторически правдив. Одновременно с этим изложение его должно быть ярким, интересным, художественным и вполне доступным для учащихся указанных возрастов.

12. В конце учебника должен быть помещен словарь трудных и иностранных слов.

13. Для рассмотрения представленных на конкурс учебников и присуждения премий назначить жюри в составе:

А. Жданов (председатель)	П. Горин,
К. Бауман,	В. Затонский,
А. Бубнов,	А. Сванидзе,
Н. Бухарин,	Файзула Ходжаев.
В. Быстрянский,	

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР В. Молотов

Секретарь Центрального Комитета ВКП(б) И. Сталин

3 марта 1936 года.

Емельян Иванович Пугачев

В XVIII веке, когда Россия непрерывно вела внешние войны, положение крестьян из году в год становилось все тяжелее. При всех правительствах этого века с крестьян без пощады взыскивали тяжкие подати.

Власть помещиков росла все больше и больше. И подати и недоимки крестьянские правительству должны были сдавать помещики, отчего, конечно, их власть над крестьянами разрасталась неудержимо.

А так как в законах не существовало точного указания, где, собственно, пределы этой власти, то пределов ей и не было. Крестьяне XVIII-го века были по сути дела бесправными холопами помещиков. Крестьянин был бессилен. Его могли переселить с одной земли на другую, сдать в военную службу, продать. Крестьянин был бессилен, но в сознании его мысль о том, что он не бесправный раб в государстве, а подданный этого государства, жила вечно, и ничто не в состоянии было эту мысль вытравить.

Всякие изменения в законе, касающиеся помещиков-дворян, вызывали надежды крестьян, что их положение будет изменено к лучшему. Так, например, указ 1762 года, позволивший помещикам служить или не служить, был истолкован крестьянами как подающий надежды, что и их участь будет облегчена, ибо они считали, что повинны нести помещичьи тягости лишь потому, что помещик служит. Также ждали они в 1764 г., когда крестьян у монастырей отобрали в казну, что и у помещиков их отберут.

Но изменений никаких не произошло.

Тогда, когда терпение крестьян истощалось, то там, то здесь в отечестве происходили крестьянские волнения, возмущения и бунты, подавляемые с большой жестокостью. Так длилось до тех пор, пока в семидесятых годах не произошли события...

В Приуральском крае, когда начали строить заводы, к ним в полное распоряжение заводчиков приписывали крестьян, которые свои подати должны были отрабатывать на этих заводах.

Условия, в которые были поставлены приписные горнозаводские крестьяне, были очень тяжелы. Их заставляли работать сверх меры и вообще заводчики стремились к тому,

чтобы превратить их в крепостных, что и было, конечно, на самом деле.

Заводчики, например, с 1763 года получили право подобно помещикам ссылать провинившихся на поселение в Сибирь.

Невыносимые условия очень часто вызывали волнения и бунты среди горнозаводских крестьян.

Давно, давно еще с половины XVI-го века по побережью реки Яик (Урал) стали селиться беглые из подмосковных мест крестьяне, солдаты, спасающиеся от солдатчины, выходцы с Дона, люди, совершившие преступления, голытьба, мечтающая о вольной жизни.

Масса этих людей осела за Яиком, получив название заяицких казаков. Вольности их стала стеснять царская российская власть еще со времен Петра I-го. Раньше они сами выбирали атамана себе и старшину, а теперь их стало назначать правительство. Их заставляли нести гарнизонную службу. За право ловить рыбу в Яике пришлось платить деньги в казну, причем старшины обирали бедную часть казачества.

В 1772 году разразилось казачье возмущение и кончилось тем, что генерал Траубенберг, посланный для разбора казачьих дел, был убит.

Вспышка была подавлена с невероятной жестокостью военной силой.

Виновных казаков забивали до полусмерти кнутом, вырывали им шипцами носовую перегородку (вспомнить Наказ), клеймили, ссылали, разгоняли по армейским полкам. Кроме того, наложили на заяицких казаков громадный штраф денежный.

В 1772 году волновалось заяицкое войско, было озлоблено до последней степени.

Одновременно с этим происходили сильнейшие волнения и среди башкирского народа. Причиной их была постройка на территории Башкирии многих заводов, под которые отбирали башкирские земли, в том числе и лесные угодия. Кроме того, произвол и насилия царской администрации и попытки духовенства насильственно обращать башкир в православную веру.

Возмущение башкир привело к новому восстанию в 1755 году, когда башкиры соединились с киргиз-кайсаками для общей борьбы против русских.

Русским пришлось пустить в ход не только военную силу, но

и поселить раздоры между башкирами с одной и мешеряками и []¹ с другой стороны.

Восстание 1755 года удалось подавить, сила башкир была сломлена, но башкиры не успокоились.

Дело с калмыцким народом обстояло тоже неладно. Русские сделали попытки ограничить власть хана калмыцкого. Это привело к тому, что в 1771 году калмыки в количестве около 170 тысяч человек при 83 тысяч. кибиток снялись с мест и ушли в Азию, стремясь в Джунгарию.

Русские послали за ними военные отряды, но преследование было неудачно. К преследованию хотели привлечь и заяицких казаков. (привлекли?) ...

Волновались чувашаи и черемисы.

Раскольники, хотя в описываемое нами время правительство русское их уже не преследовало, настроены были крайне неприязненно к правительству (?).

Таково было состояние юго-востока, того края, в котором жили...

Осенью 1772 года под Яицким Городком, впоследствии переименованный в Уральск, на постоялом дворе, называвшемся Таловый Умет, остановился погостить человек лет тридцати с лишним.

Содержал постоянный двор Степан Оболяев по прозванию Еремина Курица.

Гость рассказал Ереминой Курице о том, что он выходец из Польши, купец. А Еремина Курица, словоохотливый, добродушный и доверчивый человек, поведал гостю все горести яицких казаков.

Тут гость сказал хозяину, что он имеет проект, как переселить яицких казаков с Яика на Кубань, где они отдадутся под власть турецкого султана. При этом гость добавил, что может повести казаков и выдать каждому семейству по 12 рублей. Деньги же у него есть. На юге, у него на Кубани на 200 тысяч спрятано товару. То, что говорил гость о товаре и о том, что он выходец из Польши, было неправдой.

Гостя звали Емельяном Ивановичем Пугачевым, и был он донским казаком во время походов в Пруссию, Польшу и Турцию, дослужившимся до чина хорунжего.

Жизнь Пугачева была исполнена приключений и бедствий.

Бежав с Дона, он попал на Терек. Там за попытку стать атаманом терских казаков был схвачен, посажен на цепь и опять бежал. Долго скитаясь, попал, наконец, к яицким казакам.

Проект переселения понравился Еремину-Курице, и он познакомил гостя с некоторыми казаками. И с ними Пугачев побывал в ноябре 1772 года в Яицком Городке.

В Яицком Городке, где ходили странные слухи о том, что Петр III-й жив и где-то скрывается, Пугачева осенила мысль, и он объявил казакам, что скрывающийся Петр III-й и есть он сам.

Один человек предал Пугачева, его арестовали, отвезли в Казань, посадили в тюрьму, из которой Пугачев бежал, напоив одного из конвойных пьяным, а другого сманив с собой.

Летом 1773 года Пугачев опять оказался у своего друга Оболяева в Таловом Умете. Морясь с ним в бане, показал ему оставшиеся от какой-то кожной болезни знаки на груди и объявил, что это царские знаки.

Оболяев поверил, и как искра побежал меж яицкими казаками слух об явившемся Петре III-м.

¿[Поверили ли они, что этот чернобородый (?) казак и есть Петр? Нет. Не поверили. Но их влекла страстная мысль о том, что кто бы он ни был, он стал бы во главе их и повел для того, чтобы бороться с ненавистной властью помещиков, дворян и жестокой администрацией. Они надеялись, что Пугачев вернет им вольность и права. И они согласились признать Пугачева императором и примкнули к нему.]

Пугачев же обещал им желанные права и волю. Обещал, что будут казаки владеть и санными покосами и рыбными ловлями на Яике безданно и беспошлинно и солью будут торговать беспрепятственно.

После этого свидания с казаками Пугачева едва не схватили, но ему удалось спастись, и был арестован лишь Еремин Курица. (Когда он отправился в Малыковку). После этого у Пугачева под Таловым Уметом состоялось свидание второе с казаками, в числе которых были Чика Зарубин и Шигаев.

Поверили ли?...²

Они примкнули и часть их отправилась подымать Яицкий Городок и запасаться знаменами, а сам Пугачев с другими в степи к Узени.

Войсковое начальство проведало о том, что подготавливает-

ся, и послало на р. Усиху отряд, чтобы поймать Пугачева. Но он ускользнул.

В степи 17 сентября 1773 г. казаком Яковом Почиталиным был написан первый манифест Пугачева.

И Пугачев во главе своего немногочисленного отряда пошел к Яицкому Городку. Первые подали о себе весть киргизы и прислали Пугачеву подарки от киргизского Нур-Али-Хана.

По дороге отряд Пугачева разрастался. Яицкий Городок обошли, пошли к Илецкому Городку. По дороге брали форпосты, тут уже захватили пушки. Илецкий Городок сдался добровольно, и горожане вышли к Пугачеву с крестным ходом.

Крепости брали одну за другой, в них были слабые гарнизоны. Офицеры делали попытки защищать крепости. Взяв в плен, их предавали смерти.

Страшен Пугачев стал после взятия крепости Татишевой, где взял хорошую артиллерию, деньги, провиант.

Две дороги лежали перед ним к Оренбургу и к Казани; если бы он пошел на Казань, неизвестно, что было бы дальше и как потрянул бы Пугачев Екатерининским царством. Казань не была защищена, а слухи о движении императора как огонь бежали среди крестьян. Но казаки толкнули Пугачева итти к Оренбургу и он осадил его.

По мере того, как двигался Пугачев, он рассылал манифесты и указы, направленные к национальным меньшинствам и к крестьянам и к рабочим.

Они были написаны малограмотно, иногда с канцелярскими оборотами, но в них чувствовалась зажигательная сила, передававшаяся и угнетенным крестьянам и башкирам и калмыкам и татарам.

"Заблудившая, изнурительные, в печали находящиеся, по мне соскучившиеся, услыша мое имя, ко мне итти, у меня в подданстве и под моим повелением быть желающие!"

И к нему шли и складывались в полки илецкие, исетские, оренбургские казаки, калмыки, татары, заводские крестьяне. Было уже многотысячное войско с десятками артиллерийских орудий, с копьями, ружьями и пистолетами. (Желтые и красные знамена). Была учреждена военная коллегия при Пугачеве.

Первые действия губернии башкир поднял Салават Юлаев, образованный башкир, знающий Коран и сам народный поэт и

певец. Главное руководство башкирами Пугачев поручил Зарубину-Чике, который принял титул и фамилию графа Чернышева. Зарубин обнаружил громадное административное дарование, воззвания его подняли массу крестьянства против помещиков.

В конце декабря 1773 г. город Самара присягнул без боя самозванцу, встретив с крестным ходом отряд атамана Арапова.

Центром борьбы с Пугачевым стала Казань. — Генерал Бибиков А.И.

Бибиков признавался, что дьявольски трусил, чтобы его собственные солдаты не поступили бы так же, как гарнизонные, не сложили бы оружие перед мятежниками.

А опасаться этого следовало. В Нижнем среди солдат были волнения и некоторых пришлось арестовать.

Тем не менее правительственные войска стали действовать. Самару отбили у пугачевцев, при чем в этой операции принимал участие Гавриил Державин, тогда поручик-преображенец. Разбив отряды Пугачева под Красным-Яром, правительственные войска двинулись на выручку осажденного Оренбурга. Крестьян умиряли с великой жестокостью, подвергая истязаниям плетью.

Под Татишевой Пугачев был разбит, осаду с Оренбурга снял в марте (конце) 1774 года. Был взят Хлопуша. Еще поражение. Войско Пугачева было разбито, ближайшие его сподвижники попали в плен.

В это время на севере подполковник Михельсон с кавалерийским отрядом пошел к Уфе и отбил осажденный город.

Зарубина-Чикю выдали Михельсону, причем Михельсон за это вдал казачьему есаулу 500 рублей награды.

Пугачевцы терпели неудачу за неудачей.

Тем не менее восстание ничуть нельзя было считать усмирным. С особенною яростью дрались башкиры повсюду, в особенности под Уфой, не сдаваясь живыми.

Михельсон упорно искал Пугачева, но не мог найти его.

А тот формировал на место разбитых частей новые и выпустил указ, в котором, обращаясь к русским крестьянам, жаловал их вольностью, освобождая их от податей и рекрутчины. Это опять вызвало новый прилив сил к Пугачеву.

11. VII. 1774 года Пугачев взял Казань. Михельсон кинулся

на выручку, дрался с Пугачевым в 7 верстах от Казани, при чем рассеял часть пугачевских войск. Как быстро стекались под знамена Пугачева, видно из того, что в три дня в его отряде было свыше 15 тысяч. Пугачев опять пытался взять Казань, но неудачно, тогда он сделал то, чего не ожидали — перешел за Волгу.

Тогда Пугачев выпустил манифест, в котором объявил свободу крепостным крестьянам и призывал их к истреблению помещиков, которых называл возмутителями империи и разорителями крестьян.

И опять имел успех. Крестьяне переходили на сторону Пугачева, причем интересно отметить, что духовенство сельское очень часто поощряло их к этому.

1. VIII. 74 г. Пугачев без сопротивления взял Пензу.

Потом повернул на юго-восток, пошел к Саратову и его взял. Здесь он захватил несколько пушек и 25 тысяч медной монетой.

С фронта турецкой войны в это время правительство снимало полки, отправляло их для борьбы с Пугачевым. (Кучук-Кайнарджийский мир 10. VII. 74 г.). И вызвало Суворова из Дунайской армии. Надо было развивать успех? На Север? К Москве? Ошибка: жену свою возил с собою.

Кучук-Кайнарджийский мир был чрезвычайно выгоден России. Она получила Азов, Керчь, Кинбурн. 4½ миллиона рублей. Признание независимости крымских татар, и свободное плавание из Черного моря в Средиземное.

Здесь он совершил большую ошибку, пошел к Дону, надеясь уйти на Кубань.

Его не раз узнавали. Побежал слух, что он не император. Когда нужно было подписать манифест донцам, он отказался это сделать. Стали твердить, что он неграмотен.

21 августа 1774 года Пугачев был под Царицыным. Взять его ему не удалось. Приближался Михельсон. Пугачев пошел к Сарепте.

24 августа 1774 года произошло последнее сражение Пугачева. Под Черным-Яром на Волге Михельсон с конными полками и артиллерией нагнал Пугачева. Пугачев храбро вступил в бой, но был разбит, потеряв около 2000 человек убитыми, свыше 6 тысяч пленными. На лодке с несколькими приближенными он

переплыл на другой берег.

Суворов приехал, принял начальство над отрядом Михельсона, посадил всю пехоту на лошадей и переправился за Волгу, составив план окружения Пугачева.

Но план этот не понадобился. Ближайшие его сообщники, видя отчаянное положение свое, в половине сентября, надеясь заслужить жизнь, схватили его. Пугачев сказал Творогову "Вяжи". По дороге он пытался спастись, ранил из пистолета одного из казаков.

В Яицком Городке Суворов видел Пугачева.

Клетка.

А в Симбирске — граф Панин Петр Иванович. Его жестокие наказания уже приведенного в покорность населения.

Превышение власти.

Екатерина обобрала. А Наказ?

Что с сыном Пугачева?

Пугачев был казнен в Москве 10. 1. 1775 года. Подробности казни. Палач.

Кроме него четвертовали Перфильева как главного помощн. Пугачева; Шигаева, Падурова и Творогова повесили.

Многим кнут, вырывание ноздрей, каторга.

Река Яик переименована в Урал, Яицкий Городок в г. Уральск.

Так погибло восстание, носящее название пугачевщины.

Причин неудачи пугачевщины было несколько. Слишком разнородны были массы крестьян, заводских крестьян-рабочих и казаков и национальных меньшинств, вошедших в восстание, а единого класса, который мог бы соединить эти массы, не было. Казаки, шедшие во главе восстания, сами были расслоены на старшину и голытьбу казачью. Программа Пугачева не была ясна, неизвестно, что призошло бы в случае победы...

Век XIX

24-летний Александр, сменивший Павла, был воспитан швейцарцем Лагарпом, умеренным республиканцем, обладавшим к тому же юридическим образованием.

Но недолго пришлось Лагарпу образовывать своего воспитанника. Либеральные идеи Лагарпа и в частности проект реформ, который он разрабатывал для издания в швейцарском

городе Берне, где было аристократическое правление, стоили ему должности воспитателя царского сына. Лагарп покинул Россию, продолжая еще некоторое время переписываться с Александром.

Идеи Лагарпа оставили все-таки след в Александре, выражающийся в том, что он любил говорить о себе, что он республиканец по убеждениям. Однако, в очень скором времени всем пришлось убедиться в том, что Александр никак не может быть признан республиканцем.

Правда, в первые годы своего правления Александр поднял вопрос о самом больном, что терзало страну — о крепостном праве. Подумать об этом нужно было, так как в России не прекращались крестьянские волнения... и не далее как за четыре года до начала царствования Александра они охватили 12 губерний.

Однако, приближенные очень легко доказали Александру, что крестьяне не подготовлены к этой реформе.

Тогда Александр ограничился полумерами, пытаясь смягчить участь крестьян, по возможности не затрагивая интересов помещиков.

Так, было указано отбирать крестьян у помещиков, бесчеловечно обращавшихся с своими крестьянами.

Но, например, проект, в составлении которого участвовал Радищев, о непродаже крестьян без земли Александром утвержден не был. Зато прошел и стал законом проект, по которому помещикам разрешалось в случае их желания с дачей им земли, но, конечно, с условием *выкупа* (? Бркг. 32, 698) ее крестьянами, становившимися "вольными хлебопашцами".

Понятно вполне, что этот закон дворянско-помещичьими кругами был встречен с величайшим раздражением и освобождено было ничтожное количество крепостного народа.

Другие либеральные мероприятия Александрова царствования выразились в том, что он указом Сенату отменил пытку. — какие же последствия?

Затем Александр приступил к реформам, стремясь преобразовать всю систему государственных учреждений и добиться улучшения финансов в государстве.

Коллегии Петра I-го были в 1802 году преобразованы в ми-

нистерства, которых было восемь, во главе с министрами, управляющими ими единолично (коллегии управлялись присутствиями).

В реформах начала века огромную и полезную роль для государства играл Сперанский, выбившийся на высокие государственные должности из весьма ничтожного положения. Сперанский — сын деревенского священника, по образованию семинарист, а потом воспитанник духовной академии, возвысился исключительно благодаря своему уму и способностям.

Присоединение Грузии принесло России, оказавшейся теперь соседом Персии, столкновение с нею и затяжную войну. В 1803 году русские войска отняли у гонжинского хана Гонжу. Персы вступили в столкновение с русскими и были дважды разбиты. В 1805 году... (см. Бркг. 45, 368).

В 1804 году первый консул Франции Наполеон Бонапарт решением сената был признан наследственным императором Франции.

Папа Римский Пий VII-й совершил помазание на царство нового императора в соборе Парижской Богородицы.

В следующем же году итальянская республика признала Наполеона своим королем. В мире появился новый император, великий полководец, стремящийся к новым завоеваниям.

Против Наполеона составилась коалиция нескольких стран — Англии, Австрии, Швеции и России.

Война 1805 года началась с того, что австрийская армия сдалась Наполеону, пойманная им в ловушку и отрезанная от Вены.

Затем в Моравии под Аустерлицем произошла битва, именуемая битвой трех императоров (Наполеон, Франц I австр. и Александр I русск. лично были в ней).

Соединенная русско-австрийская армия была разбита Наполеоном наголову.

В следующем году вся Пруссия была завоевана Наполеоном.

Остальные государства Германии объединились в Рейнский союз, под покровительством Напол. и обязались для него держать 60-тысячное войско.

Завоевания Наполеона принесли германским землям многие революционные реформы — уничтожение многих дворянских привилегий, веротерпимость, ограничение власти духовенства,

уничтожение многих монастырей и даже введение Наполеонова кодекса законов.

Та часть Польши, которая после раздела принадлежала Пруссии, восторженно встретила приход Наполеона и сформировала для него свои войска, надеясь получить независимость.

В 1807 году в Восточной Пруссии под Фридландом русская армия, во главе которой был Бенигсен, была разгромлена Наполеоном.

Единственной победой, которая досталась союзникам, это морская победа англичан над французским флотом.

Трафальгар

В 1807 году был заключен Тильзитский мир. Пруссия потеряла половину своих владений, из которых Наполеон образовал Вестфальское королевство (король младший брат Наполеона Иероним).

Из тех польских земель, что принадлежали Пруссии, Наполеон образовал герцогство Варшавское под верховною властью саксонского короля.

По Тильз. миру России Белостокск. обл.

Но Тильзитский мир дал следующее еще. Франция заключила с Россией секретное условие, по которому России предоставлялась беспрепятственная возможность овладеть Ф., отбив ее от Швеции.

Теперь и русский царь и прусский король Фридрих Вильгельм III-й признали Наполеона и императором Франции и королем Италии и протектором Рейнского Союза.

Могущество Наполеона теперь шло к высшей своей точке. Он владел всей Европой по сути, а трое братьев его стали королями голландским, вестфальским, как мы говорили, и неаполитанским.

Оставалась одна Англия, неуязвимая от Наполеона благодаря отсутствию у него флота.

Но против Англии Наполеон принял следующую меру: он заставил Россию принять континентальную систему: запрещение английским кораблям входить в европейские гавани (удар по английской торговле).

Тильзитский мир не принес народам России отдыха и успо-

коения, потому что под влиянием Наполеона в 1806 году и Турция объявила России войну. Эта война шла вяло до 1810 года.

Помимо турецкой началась в 1808 году и со Швецией война, которая не только не признала континентальной системы, но вступила в тесный союз с Англией.

Русская армия под начальством генерала Буксгевдена вторглась в Финляндию и еще до объявления войны начала военные действия, которые пошли в высшей мере удачно.

Мешало удачному ходу дел то обстоятельство, что шведы сумели поднять партизанское движение среди финского населения.

Несмотря на это в течение года примерно вся Финл. была захвачена русскими вместе с Аландскими островами. Швеция вынуждена заключить мир.

Швеция потеряла Финляндию, а Финляндия свою самостоятельность.

[Следуют обсуждения о Финляндии, Грузии, Кахетии и Бессарабии].

1812-й год принес одно событие во внутренней жизни России, которое следует отметить.

Сперанский, сделавший так много для того, чтобы упорядочить государственное управление в России и очистить административный аппарат от негодных чиновников, в числе прочих работ, занимался составлением нового гражданского уложения.

Развитой и передовой для своего времени человек, Сперанский был увлечен кодексом Наполеона и стал пользоваться им для заимствований.

Сперанский и Финляндия.

Кроме того он разработал указы о придворных званиях и об экзаменах на гражданские чины.

Первый указ ударил по дармоедам и карьеристам из знатных фамилий, которые, со времен Екатерины II-й, получая придворные чины в младенческом возрасте, на службе сразу занимали высшие должности, так как камер-юнкера чин или камергера давал на это право. Сперанский предложил придворные звания считать отличиями, вовсе не дающими права на чин.

Второй указ предписывал никого не производить в чин коллежского асессора без окончания университетского курса или же без экзамена.

Оба эти указы создали Сперанскому многочисленных врагов среди аристократии и чиновников.

В 1811 году известный литератор, а затем и историк, автор "Истории Государства Российского" Карамзин Николай Михайлович, реакционер по своим убеждениям, противник реформ в государстве и крайний монархист, сыграл известную роль в том, что произошло со Сперанским, подав записку, направленную против либеральных преобразований.

Отношения Франции и России начали портиться уже с 1809 года, когда Александр 1-й не выполнил своего обещания Наполеону помочь ему военной силой против Австрии.

В 1810 году Наполеон был настроен уже резко враждебно против России.

То обстоятельство, что Наполеон 1-й отказался дать России обещание в том, что Польша не будет восстановлена, ухудшало дело.

Континентальная система тяготила Россию и Александр 1-й не соглашался вовсе закрыть свои гавани для иностранных судов. Наполеон утверждал, что нейтральных судов нет, так как все они производят торговлю английскими товарами.

Назвали события и становилось понятно, что события эти будут очень грозными.

Либеральные идеи Сперанского, тяготение его к французскому кодексу законов дали повод бесчисленным врагам его обвинять его не только в том, что он приносит вред государству и вызовет его разложение своими нововведениями, но и в прямой измене. Клеветники утверждали, что Сперанский находится в связи с агентами Наполеона 1-го. Все это дало свои плоды и в марте 1812 года непоследовательный, подозрительный царь выслал Сперанского в Н. Новгород. С этого времени Александр 1-й лишился и последнего единственного передового человека возле себя и стал попадать все более под влияние реакционеров.

Итак шел грозный 1812-й год, и вся российская империя знала, что возможна война с Наполеоном, ставшим повелителем почти всей Европы, и что Наполеон формирует и

сосредотачивает в Пруссии и великом герцогстве Варшавском огромную армию.

Вечером 11-ого июня 1812 года на реке Неман в трех верстах выше города Ковно разъезд лейб-гвардии Казачьего полка заметил подозрительное движение и стал наблюдать за ним.

Когда совсем стемнело, через реку с возвышенного и лесистого берега на русский берег на лодках и паромах переправилась рота сапер.

Казачи поближе подошли к реке и были обстреляны саперами, после чего ускакали донести начальству о том, в чем не было сомнений: неприятель без объявления войны входил в пределы России.

Вслед за саперами переправились три роты пехоты, стали охранять сапер, а те стали наводить мосты и к ночи навели три моста.

Лишь только рассвело, 12 июня 1812 года по трем мостам потекла в пределы России огромная армия, сосредоточившаяся на западном берегу Немана.

Это была армия Наполеона 1-го, во главе которой он шел сам в Россию.

Утром 12-го кавалерийские русские разъезды слышали глухой рев тысяч голосов у переправ. Это солдаты наполеоновской армии, знавшие, что Наполеон с холма смотрит на переправу, кричали "Да здравствует император".

Армия, вторгшаяся в пределы российской империи, была чудовишно велика. Наполеон вел для покорения России, считая со своими резервами, 612 тысяч человек с 1300 пушек.

Составлена армия была из многих народов. Половину ее примерно составляли французы. Но в одиннадцати корпусах армии, которыми командовали наполеоновские маршалы, были народы всех стран, которые покорил Наполеон или которые состояли с ним в союзе. Здесь были поляки, баварцы, саксонцы, итальянцы, испанцы, пруссаки, вестфальцы, португальцы, австрийцы. Ядро великой армии составляла императорская французская гвардия, которой командовали три маршала.

Предвидя все трудности похода по редко населенной России и ее великим пространствам, Наполеон снабдил армию

громадным обозом, с тем, чтобы провиант не задерживался ни на минуту.

Помимо этого солдаты на себе несли запасы пищи, которых им должно было хватить на 4 дня.

Армия Наполеона, имея впереди себя в авангарде конницу под командой Иоахима Мюрата, короля неаполитанского, пошла в поход.

Александр I-й находился в Вильно и уже вечером 12 июня, когда он был на балу у Бенигсена, ему доложили о вторжении Наполеона. Ничего, кроме чувства страха, не могло охватить русского царя при этом известии.

Россия технически отсталая и с вечно расстроеными финансами страна для того, чтобы отражать неприятеля, могла выставить только третью часть того войска, с которым он входил. В армии русской было много новобранцев неопытных, которые вряд ли могли быть противопоставлены испытанным в боях полчищам Наполеона.

Имя Наполеона, уже бившего русских, наводило страх. Распространились слухи о том, что Наполеон идет с миллионной армией, и многие ждали конца.

Дворянство впало в уныние, потому что было в нашествии Наполеона нечто не менее страшное, чем сама грозная военная сила завоевателя. Зловещие слухи о том, что собственные крестьяне ненадежны — вот что явилось причиной смятения. Заговорили о том, что появились возмутители, которые призывают к бунту, что мужики мечтают о вольности. Многим ярко вспомнилась пугачевщина.

Александра стали обвинять в том, что он не сумел предотвратить войну.

Но как бы то ни было, грозный враг уже шел по стране, и стране пришлось напрячь свои силы для того, чтобы его отразить.

В первом же приказе по армии Александр I-й, взывая к войскам, писал, что воины должны защитить "веру, отечество, свободу", а в рескрипте, направленном государственному совету, обещал не положить оружия доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве его.

Русские силы разделялись на две армии, одной из которых

командовал немец генерал от инфантерии Барклай де-Толли, другой Багратион по происхождению грузинский князь, опытейший и храбрейший боевой генерал, некогда бравший с Суворовым Чортов Мост.

Опытный военный теоретик Барклай составил план, заключающийся в том, чтобы не принимать от Наполеона решительного сражения, а увлечь его в глубь России.

Задача обоих полководцев прежде всего заключалась в том, чтобы соединить свои армии, и ее они начали выполнять, отступая перед Наполеоном.

Тем временем Александр I-й выпустил манифест о сборе ополчения (примечательно то, что в манифесте содержался призыв не вникать никаким лукавствам и обманам неприятеля. В этом прямой отзвук слухов о том, что Наполеон может принести свободу) и обращение к первопрестольной столице Москве. Обращение это было составлено в торжественных и неясных выражениях и понять из него можно было только одно, что Россия находится в состоянии крайней опасности.

Обращение вызвало чувство ужаса среди дворянства московского и, по выражению одного из современников, его "пронял холодный пот".

Посещение Александром I-м Москвы несколько подняло настроение, и Россия стала выставлять ратников ополчения и жертвовать деньги.

Тем временем армии Барклая и Багратиона соединились под Смоленском. После этого Барклай пошел к Витебску, но Наполеон предпринял обходное движение к Смоленску, желая отрезать русскую армию от Москвы.

Смоленск после отчаянной защиты был разрушен артиллерией Наполеона и взят, а русская армия стала отступать к Москве.

Настроение в армии из-за отступления стало падать. Как ни был страшен враг, войска все же хотели выйти из томительного отступления. То обстоятельство, что Барклай был немец было причиной разговоров об его измене, Багратион был сторонником боя.

Александр I-й при этих обстоятельствах назначил главнокомандующим обеими армиями престарелого генерала

Кутузова, того, который выиграл турецкую кампанию, хоть и не любил его лично. Имя Кутузова, сподвижника Суворова, было известно и в России пользовалось симпатиями. Смена главнокомандующего оживила армию.

Однако, приехав в армию, Кутузов несколько дней уклонялся от боя с Наполеоном и отступал.

Остановил он армию в 20-х числах августа в 100 верстах от Москвы у села Бородина и стал укреплять позиции. Тогда армии стало известно, что здесь произойдет решительный бой.

Подосевший Наполеон с 130-тысячной армией 24 августа отбил у русских укрепление у села Шевардина и русские осадили левый свой фланг версты на две.

113-тысячная русская армия стала на 5-верстной позиции. 25 августа 1812 года части войск увидели икону Божией матери, спасенную из Смоленска. Ее несут торжественно, чтобы поднять дух солдат. Солдаты становились на колени, молились. Большинство солдат 25 августа отказались от порции водки и все надели чистые рубахи, зная, что многих из них завтра ждет.

Наполеон же приказал показать своим войскам портрет его сына мальчика, именуемого "князем Рима".

В половине шестого утра 26 августа 1812 года после первого пушечного выстрела начался невиданный чудовишный бой между армией Наполеона и русскими.

В бою участвовало с обеих сторон около 1200 артиллерийских орудий.

Поля под Бородиным стали ареной бешеных столкновений конниц, налетавших полками друг на друга, железных пехотных атак, когда и русские и французы шли в штыковой бой без единого выстрела.

Пушечным и ружейным огнем косило шеренгами солдат.

Бой продолжался целый день и стал стихать только с наступлением темноты. Результаты его не сразу стали ясны. Обе армии или вернее то, что осталось от них, остались, примерно, на своих местах, и Кутузов отдал распоряжение на утро возобновить бой, но к ночи отменил его и приказал отступить.

Бородинское поле сражения представляло собою взрытое гранатами и ядрами пространство, на котором среди разбитых лафетов, колес, орудий лежали горами тысячи трупов людей и

лошадей, а по Можайской дороге ташились тысячи раненых солдат.

Оказалось, что русские потеряли 58 тысяч человек убитыми и ранеными в том числе 21 генерала. Багратион был смертельно ранен. Наполеоновская армия потеряла убитыми и ранеными 50 тысяч человек и 43 генерала.

Наполеон, давший в своей жизни пятьдесят сражений, утверждал впоследствии, что Бородинское было самым ужасным.

Бородинское сражение было объявлено победоносным в Петербурге.

Кутузов был произведен в фельдмаршалы и ему дано 100 тысяч рублей, Барклаю орден Георгия 2-й степени, а раненому Багратиону 50 тысяч. Солдатам было пожаловано по 5 рублей.

О послевоенном периоде

И вот, у многих передовых и просвещенных людей того века, а в России они были и в то время, когда царствовали и управляли такие люди как Александр 1-й и Аракчеев, возникла мысль о необходимости уничтожения крепостного права. Мысль же эта, конечно, была неразрывно связана с мыслью об уничтожении самодержавия в России, породившего и питавшего крепостное право.

Эти мысли ширились и развивались среди дворянского круга, представители которого были и сами помещиками и большинство которых принадлежало к военным и преимущественно гвардейским полкам.

Походы за границу сыграли в этом значительную роль. Военные познакомились с европейскими порядками, получили представление о политических взглядах, отличающихся от тех, что царили в России. И это относится не только к офицерам, но и к солдатам.

Бедствия страны были слишком очевидны, чтобы их не поняли лучшие из привилегированного класса.

Борьба в открытую, высказывание своих взглядов были невозможны. Тогда это привело к образованию тайных заговорческих обществ.

Первое из них "Союз Спасения" образовалось еще в 1816 году. Затем распалось и в 1818 году создано новое "Союз

благоденствия". То, распавшись в свою очередь, разделилось на два общества Северное и Южное, и оба они стали разрабатывать проекты переворота и установления республиканского образа правления.

Во главе Южного стоял наиболее деятельный, смелый и развитой полковник Пестель.

Южное общество предлагало более крайние меры, чем Северное. Пестель лелеял планы уничтожения не только Александра I-го, но и всей царской семьи.

Пестель повел переговоры с представителями польских тайных обществ.

Летом 1825 года правительству стало известно о некоторых планах заговорщиков, благодаря доносу. Он был сделан унтер-офицером 3-го Бугского Уланского полка Шервудом. Но правительство действовало вяло и медленно в раскрытии заговора.

В конце 1825 года Александр I-й умер в Таганроге. Наследовать ему должен был его брат Константин. Но тот отрекся от престола еще в 1821 году, причем его отречение держалось в тайне. Вследствие этого возникло на короткое время междуцарствие. Страна не знала, кто станет царем. В некоторых местах уже присягнули Константину. Затем было объявлено о присяге другому брату Александра Николаю.

Северное общество решило, что настала пора действовать. Оно решило воспользоваться неурядицей для того, чтобы увлечь за собою полки и добиться у Николая отказа от самодержавия.

Заговорщики назначили князя Трубецкого диктатором, для того, чтобы избавиться от несогласий, мешающих проведению переворота.

Декабристы

14 декабря 1825 года в Петербурге члены Северного Тайного общества сделали попытку переворота. В этот день был назначен сбор гвардии на Сенатской (?) площади в Петербурге для принесения присяги новому царю, который вступил на престол под именем Николая I-го.

Заговорщики вывели две роты лейб-гвардии московского полка, лейб-гренадерский и часть *гвардейского экипажа*

(объяснить). Эти части присягать отказались. Произошло смятение.

Но заговорщики действовали нерешительно.

Причина

Тогда Николай собрал у Зимнего Дворца другие части гвардии. К бунтовавшим частям был послан для увещания митрополит и петербургский генерал-губернатор граф Милорадович.

Милорадовича убили выстрелом из пистолета.

Николай I-й послал в атаку на восставших конногвардейский и кавалергардские полки.

Атака успеха не имела. Тогда восставшие были обстреляны артиллерийским огнем и были рассеяны.

На юге началось восстание также.

Часть Черниговского полка освободила арестованного Сергея Муравьева-Апостола и с ним двинулась на Белую Церковь.

Гусары и конная артиллерия настигли отряд Муравьева-Апостола и раненый Муравьев был арестован. (бой?)

Восстание и в Петербурге и на юге было подавлено и восставшие преданы верховному уголовному суду. Под суд пошли свыше ста офицеров различных частей и некоторое количество штатских лиц.

Приговор суда был таков: 31 человека приговорили к смертной казни путем отсечения головы, остальных в каторжные работы на разные сроки.

Но были пятеро особо выделенные, которым была назначена смертная казнь варварским способом — четвертованием.

Николай I-й несколько смягчил приговоры всем почти обвиненным. Тогда суд пятерых главных обвиняемых, "сообразуясь с высокомонаршим милосердием", приговорил не четвертовать, а повесить.

13 июля 1826 года в Петропавловской крепости были повешены пятеро: Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Каховский и Рылеев.

Последний был поэт, бывший в дружбе с величайшим поэтом отечества жившим в то время Пушкиным.

О себе в стихах своих Рылеев сказал: "Я не поэт, я гражданин".

То, что говорил суд о высокомонаршем милосердии, было бесстыдной ложью. Царь, вошедший на престол, не только был чужд милосердию, но отличался и лицемерием, редко виданным.

Хуже всех расплатились солдаты, признанные виновными в мятеже. Некоторых из них приговорили прогнать сквозь строй тысячи человек до 12 раз. Это означало забивание человека прутьями на смерть.

Так началось царствование Николая I-ого в России.

Одним из первых дел нового царя было учреждение III-го отделения собственной его величества канцелярии и связанного с ним теснейшим образом корпуса жандармов, шефом которых был назначен граф Бенкендорф.

О Крымской войне

В 1853 году Турция, поддерживаемая Англией и Францией, объявила России войну.

Наполеон III — добавить.

Причин для нее было много. Непосредственным поводом для столкновения с Турцией послужил спор из-за права владеть так называемыми святыми местами в Палестине.

Русская политика Николая I-го к тому времени вызывала уже резко отрицательное отношение стран Западной Европы. Европа не желала более терпеть вмешательства России в чужие дела.

Кроме того западные страны и в особенности Англия опасались усиления российской империи на Востоке.

К войне Россия не была подготовлена. Армия ее была вооружена плохо; в то время как западные страны и турки вооружили свои армии новыми тогда нарезными ружьями, большая часть русской армии была вооружена устаревшими, негодными для боя кремневыми ружьями.

Порохом армия была снабжена в недостаточном количестве. Снабжение армии было поставлено плохо, и кроме того война показала, до какой степени в николаевской империи было развито казнокрадство и взяточничество, из-за которого русские солдаты были плохо одеты и обуты.

Флот России устарел. В нем были парусные суда в то время.

как другие страны плавали на новых конструкциях паровых судов.

При таких условиях началась война.

Военные действия открылись между Турцией и Россией и на Дунае и на Кавказе. В Черном море под Синопом талантливому русскому адмиралу Нахимову удалось уничтожить турецкую эскадру.

Но это вызвало появление в Черном море многочисленного соединенного англо-французского флота.

Тогда Николай I-й объявил Англии и Франции войну.

Действия Англии и Франции в других морях.

Весною 1854 года соединенный флот англичан и французов бомбардировал Одессу и произвел высадку в Евпатории.

Затем соединенные турецко-англо-французские войска на реке Альме разбили русскую армию и заставили ее отступить.

Тогда союзники осадили с моря и суши Севастополь, в котором оказался запертым русский по сравнению с соединенным многочисленный флот. Осажденный город защищали адмиралы Нахимов и Корнилов с армией сухопутной и моряками. Возведением укреплений Севастополя занимался талантливый военный инженер Тотлебен.

С 1 октября 1854 года началось бомбардирование Севастополя осаждающими, и после этого в течение 11 месяцев русские с чрезвычайною храбростью отстаивали Севастополь. Свыше 80 тысяч человек потеряли они во время осады.

В августе 1855 года бомбардировкой союзники разрушили большую часть укреплений, и, наконец, 27 августа французы после отчаянного штурма взяли главное укрепление Севастополя Малахов Курган.

Севастополь, истерзанный артиллерийским огнем, превратился в развалины. Удерживать его больше было нельзя. Тогда русские затопили в бухте военные суда, взорвали свои пороховые погреба, зажгли то, что еще уцелело в Севастополе, и покинули его.

Падение Севастополя сыграло решающую роль. Более войну продолжать не было смысла.

Россия потеряла свыше полумиллиона людей убитыми, ранеными и больными из-за тяжких условий, в которых приходилось воевать, и полмиллиарда денег.

России пришлось идти на мир, который и был заключен в 1856 году в Париже.

Севастополь она не потеряла, так как русские войска взяли в Азии турецкую крепость Карс. Карс был оставлен Турции, Севастополь России, но Россия потеряла право иметь в Черном море военный флот и крепости.

Мир с союзниками подписывал уже не Николай I-й, а вступивший на престол России сын его Александр II-й. Николай I-й отравился (?) 18.II.1855 года, оставив истощенную войной, задавленную крепостным правом громадную страну.

Об уничтожении крепостного права

Многие в России понимали, что дальнейшее существование страны с таким государственным порядком, как при Николае I-ом, невозможно. Все ждали реформ и перемен.

Манифест 1856 года, выпущенный Александром II-м в торжественных и высокопарных как обычно выражениях.

Царствование Александра II-го началось с того, что лица, осужденные по делу декабристов 1825 года и участвовавшие в польском восстании, были возвращены из сибирской ссылки.

Затем были открыты женские гимназии и прогимназии, что дало возможность, наконец, женщинам получать образование, так как до этого существовали только институты и пансионы частных лиц.

Извне Россия продолжала расширение своих владений. Устье реки Амура, впадающей в Татарский пролив, уступл. в 1689 году при царевне Софье Китаю, было захвачено русскими к 50-м годам.

В 1855 году на Амуре появились русские войска, а затем и поселенцы. В 1858 году Россия заключила с Китаем трактат, по которому Амур был признан границей России с Китаем. В дальнейшем Россия по договору с Китаем взяла и приморскую полосу—Уссурийский край.

Крестьяне, работавшие в Нерчинских рудниках, были

поселены по Амуру и из них сформировано казачье войско.

Уступки земли Сев. Ам. Соед. Штат. за деньги и Сахалин (см. Елп. 450).

Кроме того, Россия произвела окончательный захват Кавказского хребта.

⁵ Но самый важный вопрос, стоявший перед царской властью, был, конечно, вопрос о наболевшем крепостном праве.

Свыше двадцати миллионов людей в громадной стране было на положении рабов. Крестьянам не принадлежало ни пяди земли, они жили на земле помещика и за право работать на этой земле должны были отбывать барщину.

Крепостное право все более и более мешало экономическому развитию страны.

В 1857 году был учрежден, наконец, комитет для рассмотрения вопроса об упразднении крепостного права. В Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях местным дворянам было предложено приступить к разработке проектов об улучшении положения крестьян.

Затем и в других губерниях образовались дворянские комитеты для обсуждения проектов об улучшении быта крестьян.

Вражда крестьян к крепостному праву неуклонно росла в 50-х годах. В 1854 г., когда царская власть объявила призыв в морское ополчение, началось движение крестьян, предпочитавших рисковать своею жизнью, чем оставаться в крепостной зависимости. Среди крестьян распространился слух, что поступление в ополчение освобождает от помещичьей власти. Толпы крестьян направились из различных имений в города, чтобы записываться в ополчение. И правительству пришлось посылать войска для задержания крестьян.

То же повторилось в 1855 году, когда было объявлено ополчение сухопутное.

Отбываясь от внешнего врага, правительству пришлось выделять войска для борьбы с собственным населением. Движение волной развивалось не только в великорусских губерниях, но и на Украине. Например, в губернии Киевской. Там стремление к воле в особенности поддерживало воспоминание о временах казачества, о самоуправлении казаков и о их независимости.

Крестьяне приходили к священникам и требовали у них царского указа о записи в казаки и освобождении от крепостной зависимости. Получив отказ в этом, так как указа такого не было, крестьяне производили нападения на священников. В некоторых уездах Киевской губернии движение приняло характер мятежа, который пришлось подавлять военной силой, причем в Киевской губ. на места волнений пришлось правительству выделить 16 эскадронов кавалерии и пехотные части. Среди крестьян были убитые и раненые, причем характерно то, что раненые крестьяне очень часто скрывали свои раны, чтобы скрыть свое участие в мятеже. 1856-й год не принес никакого успокоения. По южным губерниям пронесся слух, что

Наконец, 19 февраля 1861 года был выпущен манифест об уничтожении крепостного права и издано "Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости".

Крепостные и дворовые помещиков становились свободными, им присваивались как и всем другим личные и имущественные права.

Но им не дали земли.

Помещики сохраняли право собственности на всю землю и обязывались от ать в постоянное пользование крестьян то, что было занято крестьянской усадьбой и, кроме того, некоторое количество пахотной земли.

За такой надел крестьяне должны были уплатить помещику выкуп деньгами или работой и до тех пор, пока не выплатят, считались в долгу у помещика, называясь временно-обязанными крестьянами.

Если крестьянин выкупал свою усадьбу, а также полевой надел с согласия помещика он

будто бы помещичьих крестьян вызывают для заселения разоренного Крыма. Легенды, ходившие между крестьянами, разрастались. Пошел слух, что в Перекопе будто бы сидит в золотой шапке царь и раздает всем пришедшим волю, а неявившиеся останутся в панской неволе.

Тогда из Екатеринославской и Херсонской губернии народ тысячами пошел в Крым за волей. Пришлось посылать войска, чтобы остановить крестьян, покинувших своих владельцев, и дело доходило до кровавых столкновений.

А в 1857-м году в Мингрелии разразилось громадное крестьянское восстание. Мингрелия расположена в Закавказье, между реками Рионом и Цхенисхали. Мингрелия некогда существовала (с 1442 года времени разделения Грузии), как самостоятельное феодальное государство, которым единовластно распоряжался правитель-дадиан, которому принадлежала вся территория Мингрелии.

Мингрельцы — народ картвельской группы. Крестьянское население Мингрелии делилось на ряд классов в зависимости от того, насколько они были в подчинении у помещиков. Среди крестьян были полусвободные, несшие лишь некоторые повинности. Были более обязанные, вынужденные выделять работников на барщину, и, наконец, состоявшие в полном рабстве у князей-помещиков и называвшиеся моджалабе.

Духовенство в Мингрелии также входило в крепостное сословие. Священник не только отбывал крепостную повинность наравне с крестьянами, но и так же мог быть продан хозяином.

Мингрелии приходилось во время своего самостоятельного существования платить дань и турецкому султану и персидскому шаху. Так продолжалось и до заключения куйчуккайнарджикского мира (1774?), когда Мингрелия освободилась от дани.

В 1803 году владетель ее Григорий Даднан отдался в подданство России, но самостоятельность в делах гражданских сохранил.

становился крестьянином собственником.

Откуда же крестьянам было взять денег для выкупа своей земли?

Правительство согласилось выдавать деньги за земли помещикам, с тем, чтобы потом крестьяне уплатили их в казну в течение ряда лет.

Дворовые люди помещиков для того, чтобы получить свободу, должны были в течение еще двух лет оставаться в повиновении своим владельцам и служить им.

В 1846 году духовенство было освобождено правителем Мингрелии от крепостной зависимости.

Мингрельцы народ способный, музыкальный и боевой по своей натуре, был очень беден, жил в саклях, крытых дранью, или в сплетенных из раkitника и крытых травой (? Бркг. 37, 334). В хозяйстве их — несколько виноградных лоз и гряд с арбузами и дынями. Притеснения, разорявшие мингрельских крестьян, нередко вызывали их восстания. И вот в 1857 г. такое восстание разлилось по Мингрелии. Во главе крестьян стали двое крестьян: Уту-Микава и То-дуа.

“Все плоды наших трудов идут на пользу нашим господам”, — говорили мингрельцы. “Последнее добро господа вымогают у него или хитростью или насилием. Господа считают, что мы хуже животного”. Заявления и требования восставших потрясли царскую власть. Восставшие заявили, что все люди — братья и что сословия дворянское и княжеское не могут больше существовать. Восставшие требовали уничтожения роскоши и ограничения торговых барышей. В этих требованиях власть увидела влияние революционных идей Запада, занесенных во время минувшей восточной войны. Русские войска были брошены на подавление восстания и оно было подавлено с обычной жестокостью.

В других местах Грузии вооруженные выступления крестьян участились перед реформой, произведенной в 1861 году.

Были назначены мировые посредники для разбора дел между освобождаемыми крестьянами и их бывшими владельцами.

Отменяя крепостное право, царское правительство больше всего опасалось крестьянских волнений и того, чтобы власть на местах не была поколеблена.

И опасения власти оправдались.

Крестьяне ждали полной воли и земли и не могли примириться с тем, что им за землю приходится платить

обязательной повинностью помещикам.

Немедленно по объявлении манифеста и положений в Виленской губернии крестьяне отказались от исполнения барщины. Дело дошло до того, что местные власти начали арестовывать крестьян, наказывать их розгами, ставить на постой солдат.

В Витебской губернии произошли такие же беспорядки, при чем крестьяне в одном из имений бросились на приехавшего усмирять их флигель-адъютанта.

По целому ряду губерний прокатились волнения, при этом во многих местах крестьяне не верили тому, что им читают подлинный манифест, а не фальшивый. В подлинном, как они полагали, золотыми буквами им дана воля без обязательств по отношению к помещикам.

Флигель-адъютантов, которые были разосланы по губерниям для усмирения крестьян, принимали за переодетых подставных лиц, обманывающих крестьянский мир.

В Минской губернии, в Мозырском уезде крестьяне сочли себя совершенно свободными после объявления манифеста и твердо решили стоять за то, чтобы повинностей не исполнять. "Мы не поддадимся под помещика, хоть горло всем перережь", говорили крестьяне и отказывались работать более одного дня в неделю.

Всюду гудели слухи о том, что царь дал им волю и землю, но ненавистные помещики скрывают это, неверно читают положения, скрывают от крестьян самое главное.

В Киевской губернии крестьяне были уверены, что земля им дана безвозмездно.

В Польской губернии волнения охватили 12 уездов.

Всюду были волнения и всюду заканчивались жестокими телесными наказаниями тех людей, которые по манифесту становились свободными.

Самый тяжелый случай был в Казанской губернии, где в селе Бездна один из крестьян толковал Положение так, что крестьяне свободны уже давно, а господа волю от них утаивали. Это толкование крестьянина пользовалось большим успехом.

Этот крестьянин, по фамилии Петров, призывал крестьян помещиков больше не слушать, начальников также, на баршину

не ходить, не платить оброка, подвод не давать, от помещиков ничего не брать самим, но если кто будет брать, то ему препятствовать.

Крестьяне понимали Петрова так, что вся земля отходит к крестьянам, а господам лишь овраги, дороги, буераки да базарные места.

После толкования Петрова, которое распространилось по нескольким уездам, крестьяне уверенные в том, что действуют они законно и правильно, начали отказываться от повинностей, и иногда делали попытки делить помещичье имущество и хлеб. Генерал-майор граф Апраксин, посланный для умирения крестьян, был встречен ими с хлебом-солью. Но хлеба этого не принял, а потребовал выдачи Петрова. Когда же крестьяне выдать его отказались, Апраксин велел стрелять в толпу, при чем было убито и ранено свыше ста человек.

Крестьянин Петров был приговорен к смертной казни и расстрелян, а Апраксин получил от правительства орден.

Крестьяне Грузии получили освобождение позже русских. Произвести наконец крестьянскую реформу и в Грузии пришлось, однако, довольно поспешно, так как события 1863 года, вызванные польским восстанием, могли повлечь за собою войну.

В Восточной Грузии крепостное право прекратилось в 1863 году, а в Западной позже. Там в 1867 году.

Крестьяне в Грузии были отпущены на волю без земли. Помещики оставили им незначительные куски, за которые крестьяне должны были уплатить выкуп и очень высокий.

Вообще землей здесь распорядились помещики так, что пахотной земли у крестьян после реформы оказалось меньше, чем до реформы, (БСЭ, Грузинск.) и свыше полуторы тысяч крестьянских семей земли совсем не получили.

Что же касается выкупа, то справиться с ним нищее и голое крестьянство Грузии в некоторых местах не могло до первого десятилетия XX-го века.

Волнения среди крестьян Грузии вследствие такого положения дел продолжались, временами вспыхивая с *большой* силой.

М. Булгаков

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Слово отсутствует
2. В черновике этот абзац вычеркнут с целью, по-видимому, переместить его на несколько строчек ниже.
3. Замечание, написанное на полях черновика.
4. Слово отсутствует.
5. Параллельный текст так и находится в Булгаковской тетради.

*

Он только ангел — луч любви несмелый.
Нет ничего вещественного в нём.
А мы его так мало бережём.
А ведь душа чувствительней, чем тело.

Он Божьего меча не подымает;
Когда во зле мы, лишь уйдёт от нас.
И жмётся к небу в одинокий час
И тьма вокруг свой траур опускает.

Ведь это крылья ангельские плачут,
Что для людей они так мало значат.
Крылатый — он, увы, не всемогущ

И нас к любви порой зовёт напрасно.
Он только странник на земле неясный.
Он — только ангел — света тихий луч.

А. Тулунова

ПРОЩАНИЕ С РОССИЕЙ

(Ностальгическая поэма)

...Ни березы, ни рябины уже давно не тревожат мертвый сон моих воспоминаний. И даже Пиринейская черемуха, больше всего похожая на ту, когда-то родную, что перед окнами тоже когда-то родного дома под световым ливнем весеннего солнца сияла огромным белым костром и вся пела органным гудом бесчисленных пчел и шмелей, — даже она почти равнодушно прошла мимо, как садик стрелочника мимо окон тихо и необратимо тронувшегося поезда...

“...Все забыто, все погребено...” И блистательный Петербург — Петроград, долгие годы бережно переносившийся памятью из шляхетской Варшавы в демократическую Золотую Прагу, из Праги, подчеркнуто — по-немецки — чистой, в такой, как показалось, грязный и такой (особенно в серебристом элладском — мираже осенней дымки) единственный в мире Париж — в один прекрасный день оказался в нетях...

Как он оставил меня — не знаю, но альбомы его ампирных проспектов уже задевают внимание значительно меньше, чем “деревушка королевы” в осеннем Версале, или замки на Лувре, или даже — даже — похожие на страусовые перья холеные деревья в рощах Иль-де-Франса...

Но...

Когда, просыпаясь утром как белый медведь, истомившийся на асфальте зоопарка — чутко пригнувшись, сквозь неплотно закрытые ставни чувствуешь восточный ветер, пахнувший льдами, и выглядывая в окно — видишь, что —

такой воздушно нежный,
такой нездешний и родной,
заколыхался полог снежный
над городом и над душой —

все летит к чертовой бабушке и, если бы не было стыдно самого себя...

И вспоминается чудесное соседство:

Зима, Волынь, Россия, Детство...

...Вылезая из болот и топей Полесья, раскидав в безотрадных песках сонные озера — рачий и рыбий рай Волынь, через густой заслон лесов (тоших — помещичьих и казенных "корабельных рош") пробиралась на чернозем, переваливалась по холмам и взгорьям, не вызывающим головокружения, но часто пленительным, и останавливалась на границе степи.

Далеко не лучшая жемчужина бывшей короны Российской — она все-таки в свое время (как, вероятно, и теперь) радовала глаз неизбалованного наблюдателя умеренным и бесхитростным разнообразием.

Культура и дикость сталкивались здесь без настойчивости и поэтому не очень угнетали и не очень радовали. Не частые и не шумные города хитрой мезью инженерской (мало взятки дали) были оставлены (почти все) вдалеке от немногочисленных железных дорог, промышленность ушла в сахар, спирт, дерево и смолу — производства либо сезонные, либо патриархальные, торговля "работала" с зерном и рыбой (на вывоз) и с примитивной бакалеей и лодзинскими "сарпинками" (для внутреннего потребления). Высокая цивилизация осуществлялась правительственными гимназиями, кочующими, вечно голодными трупами, киевскими газетами и марксовской "Нивой" с приложениями. Прочие духовные запросы "элита" удовлетворяла охотой на зайцев и уток (козы и кабаны оставались для хозяев заповедников, казенных лесничих, их гостей и браконьеров), балами в Благородном Собрании с полковым оркестром и симфоническим буфетом и политическими спорами (или просто жирной сплетней) между двумя очередными "пульками" нескончаемого преферанса.

Массы же разворачивались в полном соответствии с вековой традицией — на семейных торжествах, на храмовых праздниках, шумных как ярмарки, и ярмарках, внесенных в быт, как двенадцатые праздники...

Чудные это были городки: "Особенный еврейско-русский воздух" — как сказал поэт Довид Кнут.

Почти без подготовки, прямо с залитого лужами проселка, открывалась в них восхищенному взору странника главная, конечно "Шоссейная", улица, с булыжной мостовой, способной у самого устойчивого спартанца исторгнуть самые распушенные русские выражения, с неизменными как судьба — "Варшавской" гостиницей, "Европейским" рестораном, кинотеатром "Иллюзион" и целым строем двухэтажных небоскребов, среди которых приятно выделялись трехэтажные — гимназия, тюрьма и казармы — щедрый дар русской государственности и культуры.

В непосредственном соседстве с казармами, не столько из милитаристических влечений, сколько по профилю местности (самая возвышенная) селились разного рода чиновные и служилые люди рангом повыше (остальные жили где Бог даст). У каждого обычно был свой дом или домик, с садиком или садом, так что вся эта — как ее называли язвительные обыватели — "Хабаровка", весной тонула в зелени, душно благоухала белыми акациями и немислимым буйством всех цветов и пород сирени и жасмина. Ее грубая кличка ей совсем не шла, уже хотя бы потому, что за исключением господина исправника и некоторых других уездных вельмож, должностные занятия которых так же естественно порождали материальную благодарность им подведомственных (а — в особенности — состоящих на особом положении евреев) — как одно прикосновение муравьиных усиков вызывает у травяной тли немедленное выделение сладкого сока прочие жители Хабаровки оскорблялись народным зубоскальством совершенно безответственно. Ни учителя (гимназии), ни судьи, скажем, со времен Великих реформ — взяток не брали, даже борзыми шенками. Они сооружали свои жилища на личные сбережения (или приданое жены) с расчетом на пенсию... Вдобавок многие, и не последние по эlegantности, дачи строились уездными помещиками предпочитавшими хоть зимой быть поближе к гражданскому клубу, его ломберным столам, его сплетням, его буфету с пирожками, которые повар пан Калиновский выдавал, когда не напивался до полной неспособности отличать толченый перец от мелкой соли.

Эти не только не получали взяток, но сами, случалось, их

платили. Иные, вероятно прямые потомки Манилова, в архитектуре своих домов придумывали такие ухищрения, что даже получалось нечто, похожее на стиль и местные знатоки долго колебались отнести ли его к позднему ренессансу или раннему барокко... В одном таком случае клубные завсегдатаи-интеллигенты перекрестили даже загадочную конструкцию в позднее баккара, потому что ее хозяин сплошь и рядом встречал утреннюю зарю за зеленым столом. Славы дома эта интеллектуальная шутка несколько не уменьшала, и городской голова, показывая приезжавшим к нему из столицы родственникам подведомственную ему державу, неизменно провозил их мимо знаменитой усадьбы: "А вот это вилла (и он сочно подчеркивал два "эл") нашего милейшего Ивана Ивановна!" И значительно прибавлял: "Раннее барокко" (или "поздний ренессанс" — что первым подвертывалось на язык). На что гости обычно отвечали: "А!" — без особого, впрочем, энтузиазма...

В коммерческой части городка на Шоссейной — где-нибудь между чешской колбасной и польской (по хозяину) аптекой, с одной стороны и с другой, но чуточку подальше, между казенной винной продажей и неистово благоухающей спелыми селедками бакалейной, располагались, как будто бросая друг другу перчатку нешадной конкуренции, профессиональные фотографы. Оба мастера работали, впрочем, совершенно одинаково и различались только псевдонимами: один, скажем, Варшава — звался "Модерн", другой, скажем, Табачник — "Декаданс". Современность, сверкавшая золотыми буквами с вывесок фотостудий и ослепительной улыбкой Фербенкса-старшего с афиш "Иллюзиона", легко и скоро иссякала на разноголосом базаре среди доисторических ларьков, где деготь, мыло и халва, по-видимому, только выигрывали от теснейшего соседства. Здесь были лапсердаки, кожухи и пейсы, не признающие столетий, полотно, рожденное в дымной избе во время зимних досугов и раскрашенное по праотеческим рецептам отваром коры и лука, ожерелья из монет почти легендарных королей, и кресты, потрясающие археологов.

Зубчатый венец литовско-русской башни, высываваясь из-за нестерпимо ветхих черепичных крыш, возвышался над базарной сутолокой и не казался чужим... Пылкому воображению не

трудно было бы заблудиться в веках и увидеть исторические "сны наяву", если бы не чудовишная вонь, вырывавшаяся из некогда грозных бойниц и амбразур: чистые сердцем граждане давно и упорно отправляли свои естественные потребности там, где некогда гнездились их немилосердные властители, и любопытный турист всегда рисковал увидеть под замшавленной стеной по крайней мере одну фигуру любого — на выбор — пола в не вызывающей сомнений позе сосредоточенной задумчивости.

И тут же, неподалеку, замыкая выходящий на площадь широкий тупик, изгибал барочные карнизы изъеденный временем и гайдамацкими ядрами портал старой синагоги, а перед ним — наглухо забранный досками — невысокой тумбой серел древний колодец. Когда-то он был глубины почти невероятной — несколько добрых десятков локтей — но лихой атаман Наливайко доверху завалил его мертвыми и полумертвыми, живыми и полуживыми евреями. И с тех пор он был закрыт навсегда, а вокруг — безгневные потомки и зарезанных, и зарезавших — в таких выражениях и с таким азартом, как будто они снова собирались открыть вышеупомянутый колодец и спихнуть туда друг друга — спорили из-за лишней копейки в цене какой-нибудь коробки с колесной мазью или связанной по крылам и ногам, разинувшей от отчаяния клюв, курицы... По субботам из синагоги несло древнее, как сам избранный народ, жужжание и, когда оно стихало, из-под барочного портала степенно и торжественно, в бархатных сумочках неся священные принадлежности ("богомолье" — как дразнили иноверные мальчишки), почти с манерами римских сенаторов — выходили пожилые евреи, ничем как будто, не похожие на вьющихся ужом и всеми возможными лжесвидетельствами убажывающих недоверчивого хохла, болтливых лавочников...

После праздничного обеда старшие поколения выносили стулья на улицу и "брали солнце" возле своих закрытых "магазинов", а молодежь гуляла по Шоссейной.

И покрой лодзинской "сарпинки" девиц, явно отдававший обработанным по способностям Парижем, и — в особенности — спектральный анализ на галстуках кавалеров казался подлинной Европой среди всеобщей форменной одежды (рубашек, курток, мундиров) прочего населения и, тоже почти

форменных, мужишких свиток.

В городке только один предводитель дворянства — за барственную красоту и добродушную глупость всеми единодушно уважаемый — ходил обычно в отличном — английском — сером костюме, но неизменная фуражка с красным околышем напоминала, способному впасть в распушенность, наблюдателю, что все ниже ее следующее есть, так сказать, туалетное инкогнито и не более.

К гуляющей молодежи к вечеру — после уроков — примешивались гимназисты и порой даже молодые военные; девицы, еще не отягченные ни избыточным жиром, ни морщинами своих старших сестер и матерей, бывали часто очень красивы, и библейская их прелесть под украинским ласковым солнцем казалась еще ярче, еще экзотичнее... Иные глаза сверкали, как все путеводные звезды вместе взятые, иные казались бездонными, словно сухое ночное небо палестинских пустынь, иные будто источали тихую, но настойчивую, как звон песков под начинающимся самумом первых вожделений, музыку... И все остальное было тоже — как говорится — “в полной пленорции” и даже несколько более. Девицы кокетничали со свойственным всем южным натурам богатством интонаций и жестов, очень любили “серьезные” разговоры, но возражали порой с неожиданной категоричностью: “Ах, не морочьте мне, пожалуйста, голову!” Ограниченная протяженность Шоссейной вынуждала гуляющих снова и снова “возвращаться на круги своя”, т. е. фланировать туда и обратно — от казарм и до моста, уже выводящего прямо в скифские просторы. Этот мост, кстати, был большим оригиналом: после летних гроз воды в лужах на нем бывало куда больше, чем в том потоке, над которым самоуверенно возносилась его деревянная конструкция.

За несколько шагов до предместной лужи — натянутая на двух шестах Шоссейную преграждала проволока. Что преграда была только символической свидетельствовал весь ее вид: и дилетантские кривые и корявые шесты, и застывшая в необъяснимых корчах, словно задушенный грудной жабой червяк, проволока. На фоне скучной — казенной — прямизны телеграфных столбов ее ничем не оправданные извивы как будто говорили: “а вот я из особого и совершенно отдельного мира!”...

Дальше проволоки в субботу гулять не полагалось. Почему знал да забыл. А может не знал, но забыл, что не знал. Так давно это было, что даже не верится — что было на самом деле...

В ярмарочные дни грохочущий, брэнчащий, скрипящий и лязгающий поток телег, со всех ближних и даже довольно дальних деревень, выливался на базарную площадь. На каждом таком экипаже, спереди — так сказать, на облучке — сидел сам хозяин — "дядько" — "господарь" — с условно выбритым подбородком и в безусловно чистой рубахе под лучшей своей свиткой. Торжественный, но сосредоточенно серьезный, с выработанной поколениями — почти английской — флегмой, джигитую парой карликовых коньков, не способных взорвать более слабые нервы и более хрупкие внутренности, на наследственных лужах, рытвинах, колдобинах и ухабах родного поселка — он по необходимости урывками подумывал о том, как бы ему умыкнуть из хозяйственных денег кое-что на лишнюю кварту водки. Думал он, как бы таясь от самого себя: скорей намеками и символами, чем образами и понятиями, ибо по долгому опыту знал, что его Параска (как всякая добрая украинская жена) по отношению к подобным мыслям обладает более чем телепатическими способностями.

И в самом деле: сидя сзади на вязанке соломы, усталой самым видным в хозяйстве "рядном", закутанная — при любой погоде — в широченный платок, Параска угадывала размышления своего супруга с такой легкостью, как будто они открыто ползали по его широкой спине. Отличный стратег и тактик, она позволяла его детской фантазии, словно воробью на ниточке, покрасоваться на блаженных высотах возможного, чтобы затем твердой и не знающей пошад рукой сдернуть его на землю...

В нужный момент — ее, занятую своими покупками, — ноги, прямо как по компасу, понесут как раз в тот трактир, в котором грешит ее беспутный муж.

Хоть это повторяется на всех ярмарках — каждый раз он бывает совершенно раздавлен ее прозорливостью: "Вот бисова баба! Сквозь стены видит: чистая ведьма! Надо будет хорошенько посмотреть: наверное у нее и хвост уже вырос..."

...А за пределами городов и местечек, сразу же за последним

свалившимся в жирную черноземную лужу булыжником мостовой — начинался мир таинственный и древний, в основном как будто не изменившийся со времен Антов и Венетов, быть может — скифов, а быть может даже тех поселенцев Триполья, которые связывали будущее месторазвитие Руси с древнейшими культурами Средиземноморья.

А когда наступала весна и миллиардные лягушечьи голоса исходили любовны и экстазом в прудах, речках и болотах — посреди сел, на подсохших пригорках собирались "дівчата" и долго с истовостью и серьезностью священнодейственной волили посолонь хороводное коло... Смысл их песен давно стал неразрешимой загадкой даже для присяжных Эдипов этнологии, а от мелодий — г ухих и заунывных — веяло чудовишной древностью героического палеолита. Хотя под нависающими на лоб платками лица каменели, как иератические маски, от могучих налитых созревающей плотью тел исходили горячие токи пробужденных весной чувственных сил.

И парни, издали, как в древней священной игре умыкания, глядевшие на хоровод, ощущая тугое и настойчивое, словно рев оленя в ночном лесу, беспокойство — величались друг перед другом, петушились, ерничали и скверным словом срывали исхода не находившую удаль...

На последние недели Великого поста хороводы прекращались (батюшка грозил, что ослушниц не допустит к причастию) и снова воскресали в Светлый Праздник — "Великдень" — когда все село между литургией и вечерней (после обеда и до ужина) под веселый пасхальный трезвон, умолкающий только на время перемены управляющего колоколами артиста, собиралось на погосте.

И девки, составляя священное коло, снова пели о "Дунайчике", по которому плывет какой-то "Білотанчик", пока ожидающая его "она", будет чесать "косу русу та черненькіі брови". И казалось, что на погост сошлись все древние боги и Воскресший Христос, как радушный хозяин, приветливо принимает их...

А дни шли и становились все теплей и теплей, животворные, как сеятели, мерными бросками оплодотворявшие распаханную бесконечность полей.

На огородах, под заунывную — без конца и без начала лесным пожаром перебрасывающуюся с места на место запевку, проворные бабьи руки орудиями изначальной простоты переворачивали и взбивали, словно свадебную перину, жирную землю удобренных гряд... Потом по лугам журавлиной ниткой вытягивались косари, останавливаясь, стрекотали точильными лопатками и снова рядами укладывали густую траву. Над миром благодатно пахло сеном, парни, играя, валили девчат в упругие копны, и девки, падая, визжали с таким выразительным изныванием, что проезжавший мимо порожняком мужик долго мотал головой и — восхищенно матюкаясь — стрелял плевками сквозь деревянные ребра телеги.

И вот начинали желтеть нивы, и жницы в пегих от пота и пыли холщевых рубахах с утра до вечера подбирали серпами высокую рожь. По вечерам с каждого поля, груженный до неправдоподобия, опасно скрипя и колыхаясь на ухабах, спускался к селу воз. Между его задними колесами, как привязанный, тащился кудлатый пес. Его до того замотали за день полевые мыши и перепела, что он боялся даже выглянуть из своего убежища: а вдруг еще за чем-нибудь придется погнаться... На снопах на животе, небрежно покусывая соломинку, возлежал удостоенный усталыми родителями этого места мальчишка и — то и дело — сурово (как большой) покрикивал на абсолютно безразличных лошадей. Рядом с телегой, раздавленные стопудовой усталостью, брели мужики и бабы. Только у девок еще хватало сил петь, но даже от их песни, казалось, несло тяжелым чадом изнеможения.

Постепенно затихала страда, и на празднике Преображения — веселом празднике плодородия — все церкви заполняла райская духовитость созревших летних яблок и груш и настойчивые, как будто чуть-чуть перченые, запахи любимых крестьянских цветов — индийских гвоздик и ноготков, которые вместе с коричневатым пурпуром "лисьих хвостов" и бледным золотом колосьев в огромных букетах — в обхватку — несли святить бабы, сами по праздничному пестрые, как цветы, и тоже крепко пахнувшие новым ситцем и здоровым, свежесмытым телом.

Но вот по всем опустелым полям трудолюбивыми муравьями ползавшие пахари снимали с вечной Невесты и Жены

Земли ее изношенную за лето рубаху... Еще немного, и над густозеленой шеткой озимых, кружась и порхая в чудесном безмолвии, начинал падать первый снег. Его сменял второй и третий, и, наконец, белый покров прочно прилипал к земле. По полям, как стая бешеных псов, завывая в бесовской охоте, носились метели, с крыш свисала феерическая бахрама сосулек, на стеклах окон старательно выводил серебряную графику мороз. Взрослых без нужды трудно было выманить из хат, и только ребяташки — после школы — в намотанных одна на другую одежонках — резвились на снегу и классическую лужу посреди деревни отполировывали валенками до астрономического блеска.

По вечерам засыпанные почти до труб села представлялись промерзающему путнику райской аурой дыма и животного тепла, сарайным уютом соломы и навоза, туманными созвездиями тусклых от заиндевших стекол огоньков. Иногда в одном из окон свет держался дольше всех. Там собирались "вечерниці" — пряли, шили, пели, болтали и слушали рассказы древней, но все еще бодрой "бабуни" про старину.

Как ездили в Крым за солью, и случалось, что одинокий чумак умирал в безлюдной степи, а над ним, что могильный монумент, долго и неподвижно стояли, глухо мыча, понурые волы его...

Как при паншине два раза в неделю провинившихся пороли на фольварке, и надо было кричать что есть силы, чтоб утолялось панское сердце и приказчики могли не очень стараться...

Как во время польского восстания панычи из местечка пошли "до лясу" и отдали все свои перстни и даже нательные золотые кресты отцу теперешнего лесника за то, чтобы он провел их — тайком от москалей — в Городыщенский бор, где пряталась их главная банда.

Рассказывали и про страшное: как на поповом перелазе — том, что выходит на луг, — в лунные ночи сидит Мара; как Омелька (и Грицька, и Опанаса), когда он ехал в сумерки возле кладбища, что-то позвало с могилы, на которой горела как будто свечка. А могила то была Степана Ковтуна: все знали, что Степана отравила его молодая жена, слюбившаяся с механиком

из фольварка, и вот старик ищет, с кем бы ему своим горем поделиться.

Вспоминали, как дочка мельника, Ганнуся, та самая, что всегда задевала паныча, забыла на ночь убрать белье с берега, и потом не находила себе покоя, пока не утопилась. И хоть есть неверяки, готовые побожиться, что Ганнуся просто испугалась сраму, так как паныч никак не мог на ней жениться, но это неправда: водяницы, играя, надели ее рубашку, и она и затянула девуку на дно.

От таких рассказов ко всем подступала медвежья болезнь. Тогда какая-нибудь веселая вдова или махнувшая на будущие гомерические побои рукой и давно перешедшая все границы полудозволенного солдатка, чтоб перебить страх, заводила такие речи, что любая городская дама, которая живет с мужем, развлекается с любовником и одевается за счет третьего, совершенно постороннего старика — зафыркала бы и даже покраснела бы гуще своих искусственных румян.

Наконец, ветхая бабуса, полумертвый слух которой все-таки добирался до смысла общего веселья, хватала кочергу и разгоняла всех.

И снова шли тихие, похожие друг на друга, дни, и незаметно приближалось Рождество, самый чистый, самый нежный, самый осиянный из праздников.

После первой Звезды — Вестницы, кротко мигавшей ангельскими ресницами в морозной сини — наступал Святой Вечер, Великий Вечер Мира для всех людей доброй воли.

Едва замолкал скрип снега под подкованными сапогами выходявших из церкви — все окна, плотно укутанного снегом, села начинали светиться, отвечая звездам. Каждая семья собиралась за царственно-истовым ужином перед стоявшим в углу — под иконами — на сене — ржаным снопом, символом нищего назаретского вертепа, в котором родился самый чудесный Учитель из всех, когда-либо посещавших нашу планету.

Но еще раньше Его благовестия такой же сноп освящал и мазанки Анто́в и Венетов, и шатры оседлых скифов, и домашние алтари многосемейных жилищ трипольцев — тайной, спящей в зерне жизни, символом вечного рождения, предвозвестием

рождения Вечного...

В торжественном безмолвии черпали из общей миски деревянными ложками и седоусые деды с заметными порезами на побритом обломком крепко наточенной косы подбородке, и степенные их сыны, и буйно-чубатые парни с распахнувшимися на вышитой рубаше домоткаными "свитками", и спелые молодки, и девки с необычной серьезностью традиционно грустно-веселых украинских очей своих, разодетые в как будто готовые треснуть по швам на их неумной плоти разноцветные "куртики". И даже дети без всяких окриков и подзатыльников ели чинно, оставляя в покое змеей извивающийся хвост исполненного тщетных надежд тощего кота, и не старались незаметно лягнуть его под столом ногой.

Когда в расписных мисках из обожженной глины, таких же первородных как Адам, не оставалось больше ни постного борща с грибами и "ушками", ни голубцов с пшенной кашей, ни заливного из рыбы (у кого она была) — приступали к кутье, незапамятной древностью заповеданной священной пище: разваренным зернам самого знатного из покорившихся человеку злаков — пшеницы, залитых разбавленным медом — невольной данью трудолюбивых пчел, собранной со всех цветений родной земли.

И обычно к этому времени за покрытым сложной серебряной чеканкой мороза окном вдруг возникала большая — во все стекло — оранжевая или многоцветная (из промасленной бумаги со свечой внутри) звезда, и детские голоса с трогательным разнобоем, из-за плотно закрытого окна и крепко утепленных снаружи соломенными плетнями стен звучащие глухо, как будто из мира иного (издалека — или с неба) пели:

"Христос родился, Бог воплотился..."

... Боже, как это было давно!.. Нет уже больше ни той страны, ни тех людей... "Все давно забыто, все погребено..."

Все...

И даже обида, неизменно жившая с нами все первые десятилетия изгнания... Обида не на свою страну и ее народ... Прости ему, Господи, — он не ведал, что творил и так жестоко заплатил за то, что в революционной пурге обманулся и принял Антихриста за вернувшегося Христа.

Но Европа... Правда, нас никто сюда не приглашал, однако мы, все-таки "бывшие союзники", положившие, спасая Париж, два корпуса в Мазурских озерах, до конца не сложившие оружия и побежденные предательским ударом с тыла... И, наконец, мы все же люди. А Лига защиты прав человека и гражданина существовала уже тогда, но — как и теперь — смотрела не в ту сторону... Не на нас.

Нас презирали и за то, что именно мы пытались помешать пресловутым "десяти дням потрясти мир", и за то, что мы вышли из войны в трудный момент, хотя вышли не мы, а вот именно те, что "трясли". И за то, что мы отказались платить по русскому займу, хотя отказались опять-таки "потрясатели". Мы жили в настоящем гетто, не имели права ни работать без особого разрешения, ни переезжать из страны в страну. И многим казалось, что нам осталось только иностранный легион или петля.

Но время шло и мы стали привыкать даже к нашим "вторым родинам-мачехам".

И жарким июльским днем рокового года, когда длинный, черный, изогнутый высотными ветрами, хвост густого дыма от горевших за городом военных складов тянулся в небе над парижским внешним бульваром, по которому вторую ночь и второй день шел сплошной, неопиcуемый поток пешеходов, автомобилей, велосипедов, тачек, нагруженных до опасного предела (автомобили, тогда еще не такие частые, все с тюфяками на крыше) — зная, что хуже эмигрантской судьбы ничего не будет, пишущий эти строки сидел у своего окна и смотрел как из дома напротив вышла обыкновенная трудовая семья: муж, жена, уже способный к самостоятельности ребенок, весьма обрадованная предстоящей прогулкой собака и канарейка в клетке на верху пирамиды вещей, посаженных в детскую коляску, которую толкал одетый спортивно (гольфы и башмаки на толстых подошвах) глава семьи. Сквозь растерянность от свалившегося, как лавина, жизнекрушения на лицах виднелась суровая решимость включиться в стихийную волну по не совсем понятным причинам возникнувшего беженства. Но еще не выйдя из пределов квартала, коляска сделала книксен сразу всеми своими колесами, и вся пирамида пестрых, наспех собранных и часто

совсем ненужных вещей рассыпалась по мостовой.

Дольше и дальше всех летела клетка и видно было, как в ней пытается лететь канарейка — горький образ всех этих людей, стремящихся уйти неизвестно от чего в летящей неизвестно куда, безнадежно опрокинутой событиями стране...

Все административные и обывательские придирки и надругательства стерлись пред ужасающим развалом и падением еще недавней надменности и петушиной самоуверенности и стало больно и обидно не только за этих совершенно растерявшихся людей, но и за всю их великую, сияющую несравненной исторической славой, нацию, населяющую такую прекрасную, похожую на богатый, разнообразный, с отменным искусством распланированный парк, страну... Стихийно разделив человечество на оккупантов, передвигающихся на автомобилях и мотоциклах, в служебное время старавшихся огнем своих зениток "снять" вновь появившиеся на французском небе "Спитфайеры", а в свободное — закупавших все, что еще оставалось в магазинах и пользовавшихся всеми еще бытующими благами жизни: табаком, кофе, сахаром, маслом, мясом (и... красивыми девушками, потому что, мстя за поражение своих мужчин и утверждая свое превосходство парижанки из того малого, что оставалось, сооружали наряды элегантности небывалой и, чувствуя себя окруженными аурой тугих вожеланий, исходящих от молодых, здоровых и весьма мужественных, а вместе с тем и сентиментальных, завоевателей — были, как никогда, раздражающе великолепны) — и с другой стороны — всех прочих, принужденных довольствоваться для передвижения велосипедами, для еды репой, брюквой, чаем из вишневых листьев (с сахарином) и табаком из крапивы, по сигналу спускавшихся в погреба и подвалы и называвших "нашими" как раз тех, в кого из всех наличных пушек палили вышеозначенные "они" — эти черные годы общим горем-злосчастьем как-то сблизили, вроде как сроднили с аборигенами чужестранцев, закрыли и зарубцевали у них довоенную обиду. И, когда после окончательного разгрома Германии стало ослепительно ясно, что в этой войне кроме победителей и побежденных были еще и освободители и освобожденные, и волна вызванного радостью избавления шовинизма прошла — стало казаться, что мы как будто совсем

"у себя"...

И только вот снег...

Когда он начинает падать всерьез, безмолвно-таинственный, веселый, шедрый и вот-вот закружится в метельном вихре...

Ах ты, Господи, Боже мой!

.....Как бы хотелось в ночь под Рождество
вновь посмотреть из дома своего
на белый сад, на снежный хоровод,
на санные следы возле ворот.

А в комнатах — блаженная теплынь
опять Россия и опять Волынь.

Там собрались из далей (иль могил)
все, с кем встречался и кого любил...

И, елочным озарены огнем,
толкуют гости о своем, родном,
о том, что было, что могло бы быть,
что больно вспомнить и нельзя забыть...

А за окном — такая тишина!

Святая ночь, морозная луна.

И спит под снегом русский Вифлеем,
и лет ужасных не было совсем...

Сергей Рафальский

Зелень первая чуть наметится,
Чуть побрызгает теплый дождь,
Золотистые ивы светятся
В наготе сероватых рош.

А у пня прохладно фарфоровый
Бледный крокус тихо расцвел,
Ожидая прилета скорого
Птиц и песен и первых пчел.

В БОЛГАРИИ

Было жить чудеснее и проще,
Видеть солнца ранние лучи,
Темные ореховые роши,
Горные холодные ключи.
Виноградник на холме пологом,
Буйволов неспешные стада —
Долгий день, благословенный Богом,
Данный мне однажды навсегда.

Лидия Алексеева

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПРОВОКАЦИИ

(УБИЙСТВО МИРБАХА И ЛЕВОЭСЕРОВСКИЙ МЯТЕЖ
В МОСКВЕ 1918 ГОДА)

Правительственное сообщение, призывавшее к вооруженной борьбе с мятежом "негодяев левозсерства" не оставляло сомнений в решении большевиков уничтожить партию левых эсеров. В то же время в сообщении содержалось немного правды. Оно явно запутывало читателя, смешивая воедино агентов империализма половины европейских стран и социалистов-революционеров, намекало на связь одного из "негодяев" с "заговором монархистов и контрреволюционеров", указывая лишний раз, что "негодяй" этот — левый эсер. Из сообщения вытекало, что советская печать уже давно подозревала именно этого "негодяя" в измене, но не называла ни имени последнего, ни причин, по которым его до сих пор не арестовали. Большевики шантажировали обывателей военной угрозой, а таковой не возникало ни до покушения на посла, ни после. Одновременно лгалось, что бланк удостоверения фальшивый, хотя Дзержинский установил его подлинность.

Здесь можно, конечно, упрекнуть простака Дзержинского — случайно проговорившегося о подлинности удостоверения ВЧК, — но лишь с одной оговоркой: признание подлинности подписей Дзержинского и Ксенофонтова означало бы причастность большевиков к убийству германского посла, тогда как объявление и удостоверения, и подписей фальшивыми сводило дело о покушении к акту индивидуального террора. Ни первое, ни второе не устраивало Ленина, поэтому Дзержинский пошел по третьему пути. Указав на подлинность самого удостоверения

Ю. ФЕЛЬШТИНСКИЙ

Блюмкина и Андреева, он и за себя и за Ксенофонтова отказался признать стоящие в документе подписи. Это и дало Ленину "улики" против ВЧК, но, оставляя вне подозрений членов Коллегии большевиков, Ленин обвинил в заговоре левых эсеров, в первую очередь Александровича и Закса. Но такие "тонкие" аргументы вряд ли были бы доступны широким слоям населения, а потому и удостоверение, и подписи объявили поддельными.

Очередное заседание съезда Советов планировалось на 4 часа дня 6 июля. Фракция левых эсеров уже заняла свои места в правой части партера и лож, но в президиуме съезда было пусто. Из лидеров левых эсеров в зале находились Колегаев, Мстиславский и некоторые другие. Большинство членов ЦК осталось в Трехсвятительском переулке. В седьмом часу под охраной матросов из отряда Попова прибыла Спиридонова, а около восьми 187 красноармейцев-латышей, охранявших театр, и подошедшие броневики блокировали все входы и выходы. Уже "изолированные", левые эсеры устроили совещание фракции в фойе второго яруса. Выступившая с речью Спиридонова заявила, что Мирбаха убили по постановлению ЦК партии левых эсеров и что необходимо принять декларацию по поводу убийства для оглашения ее на съезде. Декларацию, указывавшую, что покушение совершено по поручению ЦК, приняли без прений, значительным большинством голосов. Левые эсеры вернулись в зал заседаний. В это время член коллегии ВЧК Петерс объявил, что в помещении за сценой состоится совещание фракции большевиков. Делегаты-коммунисты прошли на сцену, спустились по черному ходу вниз и тайно покинули Большой театр. Они разбились на группы и отправились в районные Советы и штабы Красной армии для участия в запланированном разгроме левых эсеров, тогда как сама фракция левых эсеров съезда Советов и ВЦИК и делегаты других партий — всего около 450 человек — фактически находились под арестом.

О задержании Дзержинского в Кремле узнали в седьмом часу вечера. К этому времени его уже сняли с занимаемого им поста и заменили Лацисом. Но Лацису не пришлось побывать председателем ВЧК. Когда в отряд пришли сведения об аресте фракции левых эсеров и самой Спиридоновой, Попов начал

действовать. В ВЧК прибыли матросы во главе с Жарковым, которые арестовали нескольких большевиков, в том числе и Лациса. К арестованным относились с галантностью. Лацису, например, разрешили сходить за забытой им шляпой, и тот, забежав в комнату президиума, сообщил по телефону об арестах в Кремль. Согласно приказанию Попова задерживались все автомобили и вместе с людьми доставлялись в штаб отряда. Так в три часа ночи около почтамта задержали председателя Моссовета П. Г. Смидовича, который вспоминал двумя днями позже: "Встретили меня изумленно и вежливо. Но это не помешало отвести меня в качестве заложника в то же помещение, где находилось уже около двадцати коммунистов вместе с Дзержинским и Лацисом..."¹ К утру 7 июля количество задержанных большевиков достигло 27 человек.

Вопрос о последовательности событий нельзя считать выясненным. Уже после подавления "мятежа", 9 июля, Троцкий утверждал, что "не в ответ на террористический акт мы арестовали фракцию левых эсеров. Когда до нас дошла весть, что Дзержинского не вызывают к телефону, что он не подает о себе никаких вестей и что, следовательно, он арестован, когда нам стали сообщать, что патрули Попова арестовывают военные автомобили и советских представителей, мы приняли меры к тому, чтобы окружить весь театр, так как мы думали, что восставший отряд захочет окружить помещение Всероссийского съезда. Для гарантии мы заперли фракцию левых эсеров и окружили ее стеной надежной защиты... Мы рассудили, что раз дело идет о восстании, то первую мыслью восставших будет овладеть цитаделью советской власти. В обычное время такой цитаделью является Кремль, а в эти дни Большой театр, где заседает Всероссийский съезд. И мы сказали: заговорщики могут проникнуть сюда, или отсюда они захотят выпустить своих сообщников, — запрем же их на несколько часов и окружим надежной защитой до выяснения обстоятельств дела."² Операцией руководили чекисты и комендант Большого театра Я. А. Стрижак.

1. Известия ВЦИК, 8 июля 1918 г.

2. Троцкий, Сочинения, том 17, часть I, стр. 468.

Нарочно или случайно, но арестованных эсеров даже не покормили. Те пели революционные песни, устраивали митинги, а "гости" съезда и "беспартийные" кричали им сверху: "Долой!", "Провокаторы!", "Истеричные!"... Часов в двенадцать все начали ложиться спать, но спать не пришлось. Воспользовавшись тем, что еще вечером эсеры просили ужина, им предложили подняться в верхнее фойе, ужина, естественно, не дали, но — заперли, изолировав их и от немногочисленных депутатов других партий.

Не ограничившись арестом отдельных большевиков, левые эсеры захватили телеграф, размещавшийся в Покровских казармах, и телефонную станцию. В полночь на телеграф прибыли П. П. Прошьян и член ЦИК профсоюза работников почт и телеграфов левый эсер В. В. Лихобадин. И все-таки, это были лишь меры ограниченной самозащиты потерявшей партии, а не восстание против советской (большевистской) власти. Дело не только в том, что заместитель Дзержинского, левый эсер Закс, звонил Троцкому и растерянным голосом жаловался на непонимание происходящего; Лацис вернулся за потерянной шляпой; арестованный на телеграфе нарком Подбельский сообщил по телефону Троцкому о занятии телеграфа левыми эсерами, а сам ускользнул из здания; а фракция левых эсеров на съезде, дореволюционные террористы, многие из которых вооружены, митинговала в запертом Большом театре и даже не пыталась присоединиться к "мятежу". Вот что писали эсеры в послании к 2-му и 3-му латышским стрелковым полкам: "Центральный комитет партии левых социалистов-революционеров категорически заявляет, что ни к какому захвату власти он не стремится, а произвел убийство Мирбаха с целью прекратить в дальнейшем завоевание трудовой России германским капиталом. Партия коммунистов-большевиков будет играть на руку контрреволюции, если будет направлять против защищающих советский строй и Центральный комитет партии социалистов-революционеров частей советских войск свои обманутые части, направленные для отпущения за Мирбаха"³ В другом документе указывалось, что "всякие попытки, направленные к низвержению советской власти, будут беспощадным образом

3. Красная книга ВЧК, том I, стр. 170.

подавляться”; о Дзержинском и Лацисе сообщалось, как о “временно задержанных”. Правда, логика борьбы иногда оказывалась сильнее лояльности. В приказе Лихобадина, не являвшегося, кстати, членом ЦК партии левых эсеров, отдано распоряжение о задержании всех депеш, в том числе и за подписями Ленина, Троцкого и Свердлова, вредных “для советской власти и правящей в настоящее время партии левых эсеров”.⁴ Но и в тшеславном приказании выскочки, очутившегося у телеграфного аппарата, борьба за советскую власть ставилась на первый план. Отвернувшись от большевиков, левые эсеры не думали о сближении с оппозиционными режиму партиями. Напротив, в первых же своих документах, перечисляя врагов советской власти и левых эсеров, они, наряду с белогвардейцами, кадетами и немецкими провокаторами, упоминали “контрреволюционные партии правых эсеров и социал-демократов меньшевиков”.

Используя действия отряда Попова в качестве формального повода для репрессий, большевики начали тотальную войну против левых эсеров. Образованная 6 июля в Москве по постановлению Московского Совета “для организации борьбы с мятежом левых эсеров” Чрезвычайная Пятёрка⁵ в ночь с 6 на 7 июля предложила районным советам “немедленно созвать всех вооруженных членов Коммунистической партии и других честных сторонников советской власти и организовать из них вооруженные отряды. На всей территории районов расставить патрули и обезоружить всех подозрительных и сомнительных лиц. На территории района произвести аресты комитетов левых эсеров и отдельных руководителей этой партии, а также, в зависимости от обстоятельств, арестовать руководящую группу сочувствующих восстанию левых эсеров партий. Принять все меры к организации утром массовых митингов для мобилизации рабочих сил и разъяснения населению смысла происходящих событий. Об исполнении всего этого немедленно доводить до сведения президиума Московского Совдепа.”⁶

4. Известия ВЦИК, 8 июля 1918 г.

5. МЧК, Сборник документов, Москва, 1978, стр. 59.

6. ЦГАСА, ф. 25883, оп. 1, ед. хр. 4, лл. 19-20.

Несколько ранее в Моссовет поступила телефонограмма Свердлова: "Во все районы отдать предписание: установить постоянное дежурство в районах, держать в полном порядке службу связи и тесный контакт с фабрично-заводскими комитетами, так, чтобы по первому призыву можно было бы вывести рабочих на улицу."

В нелепых формах и выражениях пропагандистская машина уже обвиняла левых эсеров в преступлениях, которых те никогда не совершали, и сулила народу счастье немедленно после подавления восстания. Нарофоминский уездный Совет, например, обратился к рабочим и крестьянам с воззванием за подписью председателя исполнительного комитета Н. Бурикова: "В виду создавшегося политического положения и предательского выступления части левых социалистов-революционеров, убивших германского посланника Мирбаха, для того, чтобы порвать Брестский договор и возобновить войну с германскими империалистами, заключив договор с меньшевиками, правыми эсерами и соглашателем Керенским, а также белогвардейцами и буржуазией, они подло изменили делу революции и тем самым погубят себя в неравной борьбе с нами.

Призываем вас, товарищи рабочие и крестьяне, к дружной и твердой борьбе с проклятыми изменниками и предателями.

Сплотитесь все дружной пролетарской семьей вокруг своих Советов, которые ведут вас к светлой жизни и к светлому будущему.

Товарищи, напряжем все свои усилия к плотной организации нашей рабоче-крестьянской армии, разобьем врага, и тогда у нас будет хлеб и не будет заклятого врага капиталиста и буржуазии. Все фабрики и все земли будут нашей собственностью, что мы уже начали делать.

И будем делать это для вас до тех пор, пока хоть искра жизни будет биться в нас.

Товарищи, не верьте разным темным слухам, не верьте провокаторам и контрреволюционерам и всех, замеченных вами в агитации против советской власти направляйте в Совет, где с

7. Я.М. Свердлов. Избранные произведения, т. 2, Москва, 1959, стр. 252; ЦАОР, ф. 94, оп. 2, л. № 1118.

ними поступят как с предателями родины и революции.”⁸

В другой антиэсеровской резолюции, принятой на Ростокинской красильно-аппретурной фабрике, говорилось, что ”вопреки воле съезда Советов, который является истинным представителем рабочих и крестьян и один только он полномочен решать вопросы о войне и мире, партия левых социалистов-революционеров вступила на явно контрреволюционный путь и организовала и провела убийство... Мирбаха для того, чтобы втянуть измученный народ в новую борьбу против Германии. Мы, рабочие означенной фабрики, протестуем против преступных действий партии левых эсеров и заявляем, что эта партия не является истинной защитницей трудящихся, а поэтому мы, рабочие, требуем немедленного разоружения этой контрреволюционной организации и привлечения заговорщиков к суровому революционному суду. Требуем немедленного освобождения гг. Дзержинского, Лациса и Смидовича, заявляем, что все подобные провокационные выходы будут караться железной рукой пролетариата и на угрозы шайки бандитов будем отвечать массовым террором.”⁹

Общее руководство ликвидацией мятежа в Москве поручалось председателю Высшей военной инспекции Подвойскому и комиссару Московского военного округа Н. И. Муралову, которые доносили, что ”военное управление еще не организовано, командование находится в неподготовленных руках, слаба дисциплина”. Два обстоятельства ослабили силы большевиков в Москве. Первое — восстание в Ярославле, происшедшее в ночь на 6 июля. Оно вынудило большевиков отослать в Ярославль для подавления восстания ярославских делегатов 5-го съезда Советов. Группу возглавили комиссары Л. Бабич, Ян Карлович Берзиньш, коминтерновец Симанис Бергис и Ю. Данишевскис. Еще раньше отряд красноармейцев выехал для подавления антисоветского выступления в Тамбове.

Общая ненадежность войск явилась второй и главной причиной слабости большевиков. На 5 июля в Москве и ее

8. Упрочение советской власти в Москве и Московской губернии, Москва, 1958, стр. 135-136.

9. Упрочение советской власти..., стр. 142-143.

окрестностях находилось до 24 тыс. военнослужащих, из них около полутора тысяч составляли офицеры старой армии.¹⁰ Только третья часть гарнизона считалась надежной¹¹. К последним, безусловно, относились четыре стрелковых и кавалерийских полка и специальные подразделения латышской дивизии. Латышские большевики Нарком юстиции П. И. Стучка, комиссар латышской дивизии К. А. Петерсон и старый член партии К. Х. Данишевский приняли непосредственное участие в организации подавления мятежа.

Поскольку основная часть русских воинских частей отказалась выступить против левых эсеров и объявила нейтралитет,¹² Ленин отдал приказ о назначении командующим всеми советскими войсками в Москве командира латышской стрелковой дивизии И. И. Вацетиса, которому предлагалось разработать план защиты Кремля и ликвидации левозесеровского выступления. Вацетис наделялся неограниченными полномочиями. "Положение очень серьезное, — подчеркивал, обращаясь к нему, Муралов. — Вы должны действовать быстро и решительно. Владимир Ильич просил передать вам, что вся надежда на ваши стрелковые полки." Свердлов добавил: "Действуйте беспощадно! ...Даю вам право расстреливать мятежников на месте. Социал-предатели должны быть уничтожены... Главарей — под усиленной охраной в Кремль!"¹³

В военных действиях 6 июля успех сопутствовал левым эсерам. Комендантский полк и интернационалисты, посланные в район расположения отряда Попова, были разбиты и отброшены за реку Язу. Одновременно на сторону левых эсеров перешли полки имени 1-го Марта и 1-й Караульный, Реквизиционный отряд и 16-й летучий отряд особого назначения. Но даже тогда эсеры не помышляли о настоящем восстании. Прежде всего, в инкриминированном ЦК левых эсеров секретном постановлении от 24 июня указывалось, что в случае нападения на левых эсеров

10. ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 117, лл. 5-30 и др..

11. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 1148, л. 31. Документ написан Н. И. Подвойским с пометкой "К докладу /о/ вост. л.с.-р."

12. Николай Нефедов, Железный занавес. Две великие провокации, и др. Издательство SKIF, Нью-Йорк, 1978, стр. 74.

следует "прибегнуть к вооруженной обороне занятых позиций". Речь, следовательно, ни в коем случае не шла о превентивном наступлении на большевиков. Член ЦК партии левых эсеров Трутовский вспоминал впоследствии, что никаких вариантов военных действий не существовало. Отряд Попова так и не сдвинулся с места до самого разгрома. Один из двух (по некоторым сведениям — четырех) имевшихся броневиков направили в разведку к Большому театру, но его немедленно захватили красноармейцы немецкого интернационального отряда. "Оборона занятых позиций" свелась к отсиживанию в двух домах Большого Трехсвятительского переуллка, а сам Попов "с первых же выстрелов... заговорил об отступлении".¹⁴

В полночь в Кремль прибыли Вацетис и Данишевский, причем Вацетис сообщил, что в 4 часа утра 7 июля, как запланировано, наступление начать не удастся, потребуется два часа для объезда города и сбора сведений. Двумя часами позже Вацетис, теперь уже с Подвойским, вновь прибыл в Кремль и доложил, что наступление верных большевикам войск начнется утром. "Не позднее 12 часов 7 июля мы будем в Москве победителями", — заверил он. За ночь большевики провели все необходимые приготовления. Для разгрома отряда Попова и присоединившихся к ним красноармейцев — всего около 1300 человек организовалось три группы войск. Первый латышский стрелковый полк и Образцовый полк сосредоточились у храма Христа Спасителя (на месте снесенного храма позже вырыли бассейн "Москва"); Второй латышский стрелковый полк и курсанты артиллерийских училищ — на Страстной площади (ныне площадь Пушкина); Третий латышский стрелковый полк — на Таганке. На Арбатской площади находился полк коменданта Москвы, а основные силы Девятого латышского стрелкового полка охраняли Кремль.

В ночь с 6 на 7 июля позиции левых эсеров значительно ослабли. Еще вечером большевики, прибегнув к хитрости, подсказанной Свердловым, заняли ВЧК и арестовали явившегося туда с группой матросов Жаркова. В полночь в здание вер-

14. Архив ИГВ ИМЛ, ф. 5, оп. 3, п. 1, д. 12, л. 18.

нулся Петерс. За ночь разоружению и аресту подверглись "Отряд особого назначения" и члены главного штаба Всероссийской боевой организации левых эсеров. На грузовике их доставили в Московский областной военный комиссариат на Пречистенке (ул. Кропоткина). В соответствии с приказом Чрезвычайной Пятерки аресты левых эсеров производились во всем городе; в войска рассылались политические комиссары из числа коммунистов-большевиков¹⁵; в районах производились массовые мобилизации рабочих и коммунистов, давшие до 10 тыс. человек¹⁶, и образовывались революционные комитеты.¹⁷ Попов, тем временем, пробовал уладить конфликт мирным путем. Комиссар латышской дивизии доносил в связи с этим Троцкому: "Только что к нам в дивизию по телефону сообщили, что четыре делегата из отряда Попова идут к нам выяснить положение. Они говорят, что большинство их стоит на платформе советской власти и для них совершенно неясны и непонятны причины восстания. Просим прийти к нам, чтобы совместно переговорить с ними"¹⁸.

Но большевики не желали переговоров. Утром 7 июля они начали артиллерийский обстрел занятых эсерами зданий. Командир артиллерийского дивизиона Э. П. Берзин, руководивший обстрелом, впоследствии писал: "В первые несколько минут нами было выпущено по обоим домам 16 снарядов с замедлителями, которые великолепно пробивали стены и разрывались внутри... Всего было выпущено по мятежникам 55-60 снарядов. Прекратились ответные винтовочные выстрелы со стороны левых эсеров."¹⁹ В полдень Вацетис по телефону доложил Ленину, что левые эсеры разбиты и бегут к Курскому вокзалу.

К часу дня разбежался и штаб левых эсеров, а арестованных эсерами заложников освободили сами караульные. Части Девятого латышского полка с помощью семидесяти интернационалистов из отряда Бела Куна отбили телеграф, который

15. ЦАОР, ф. 94, оп. 2, дело № 1118.

16. См. "Беднота", 10 июля 1918 г.

17. ЦАОР, ф. 94, оп. 2, дело № 1116.

18. ЦАОР, ф. 1917, дело № 11.

19. Архив ИГВ ИМЛ, ф. 3, оп. 5, п. 25, л. 11, л. 6.

возобновил свою работу. Примерно в час дня Ленин отдал первые распоряжения об арестах разбегавшихся левых эсеров. Ленин требовал "обратить" особое внимание на район Курского вокзала, а затем на все прочие вокзалы... организовать как можно больше отрядов, чтобы не пропустить ни одного из бегущих. Арестованных не выпускать без тройной проверки и полного удостоверения в непричастности к мятежу."²⁰

Мобилизации членов РКП/б/ и рабочих были необходимы не только для борьбы с левыми эсерами, но и для предотвращения антибольшевистских митингов. Так, военком И. Косиор доносил 7 июля в военный комиссариат Москвы, что "район охраняется при помощи усиленной патрульной и караульной службы. Караулы выставлены на мостах Москвы-реки, в электрических станциях... Устраиваемый митинг в Коммерческом институте с участием Михора нами не допущен и не состоялся. Согласно приказанию товарища Пече... выслали 62 человека. В это время район не располагал силами, так как нужно было оставить наряд в районе для недопущения митингов и, кроме того, Рогожско-Симоновский Совет прислал следующую бумагу: "Бога ради, пришлите подкрепление, нас со всех сторон теснят, окружают кольцом". В ответ военный комиссариат выслал 110 пеших и 15 конных красноармейцев... В районе вооружены и взяты на учет до 200 рабочих членов РКП, часть их отправлена с отрядами, часть несет караулы в партийных и государственных учреждениях."²¹

Несмотря на то, что попытка получения поезда на Курском вокзале потерпела неудачу, группа левых эсеров, включая Попова и Саблина, в сопровождении броневедомобиля и нескольких автомобилей, вырвалась из города и пешком двинулась по Владимирскому шоссе. Многочисленные телеграммы Ленина с требованием задержать прорывавшихся повисли в воздухе.²² Лишь вечером того же дня броневик бежавших нашли взорванным на 12-й версте Владимирского шоссе, а самих

20. Ленин, ПСС, т. 50, стр. 114-115; Декреты Советской власти, том 2, стр. 531-532.

21. Упрочение советской власти..., стр. 137-138.

22. Ленинский сборник XXXIV, стр. 30; Ленин, ПСС, том 50, стр. 115; Декреты советской власти, том 2, стр. 532.

эсеров окружили и арестовали в имении Третьякова (в 19 верстах от Москвы)²³ и в районе имения Севрюгино (в 30-ти верстах от города).²⁴ Общее количество пленных достигло в Москве 444 человек.²⁵

Уже 7 июля, приказом члена президиума Моссовета Фельдмана, левых эсеров, занимавших ответственные посты, сместили и заменили большевиками.²⁶ Предусматривался арест и разоружение всех левоэсеровских отрядов, но прежде всего — членов ЦК партии левых эсеров. Сопrotивлявшихся, согласно приказу Ленина, расстреливали на месте: все члены левоэсеровских отрядов должны были быть "обезврежены".²⁷ Для упрощения поимки левых эсеров, оставшихся в Москве, президиум Московского Совета вынес постановление, согласно которому хозяева квартир, в которых находились левые эсеры, подлежали немедленному аресту и преданию суду Революционного трибунала "наравне с участниками мятежа, в случае, если они... повинны в укрывательстве." Если же эсеры находились в домах без ведома домовых комитетов и домовладельцев, последние карались "за преступную небрежность тюремным заключением не ниже трех месяцев и денежным штрафом не ниже 10.000 рублей." Сведения о восставших сообщались в Моссовет.²⁸

В тот же день СНК образовал Особую следственную комиссию (Кремль, здание судебных установлений, комната 37) в составе Наркома юстиции П. И. Стучки, члена ВЦИК и члена следственного отдела Революционного трибунала при ВЦИК В. Э. Кингисеппа и председателя Казанского совета, делегата 5-го съезда Я. С. Шейнкмана.²⁹ Следователем комиссии назначалась Розмирович. Аресту подлежали в первую очередь Карелин, Камков, Черепанов, Голубовский, Саблин, Трутовский,

23. Ленин и ВЧК, Москва, 1975 г., стр. 88; Упрочение советской власти..., стр. 142.

24. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 604, л. 27.

25. Сообщение Московского окружного военного комиссариата от 11 июля 1918 г.

26. Упрочение советской власти..., стр. 142.

27. Декреты советской власти, том 2, стр. 534.

28. Правда, 9 июля 1918 г., № 140.

29. Декреты советской власти, том 2, стр. 536-537.

Прошьян, Магеровский и Фишман. В Комиссию поступали все документы и материалы, относившиеся к восстанию, а также сведения об арестах. Освобождение арестованных происходило лишь с ведома Комиссии.³⁰

Но репрессии не ограничились Москвой. Вскоре после убийства Мирбаха, не дожидаясь ни расследования "мятежа", ни окончания военных действий в Москве, Ленин дал указание "о проведении мероприятий по предотвращению выступлений в войсках в поддержку мятежа".³¹ В частности, в телеграмме, посланной в ночь с 6 на 7 июля в 1.20, в Царицын, Сталину, Ленин писал: "Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истеричных авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров... Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще."³² Через 15 минут Сталин ответил: "Что касается истеричных — будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по-вражески".³³ А. Авторханов пишет: "У Сталина не только не дрогнула рука, но, пользуясь полномочием Ленина, он развернул такую вакханалию террора в Царицыне, что похоронная команда чекистов не успевала закапывать жертвы расстрельной команды."³⁴ Испугавшись масштабов террора, Ленин телеграфировал Сталину: "Будьте осторожны." А позже — раскаивался в своей мягкости: "Когда Сталин расстреливал в Царицыне, я думал, что это ошибка, думал, что расстреливают неправильно. Моя ошибка раскрылась..."³⁵

В пригородах Москвы и городах московской области Ленин приказал задерживать "всех подозрительных, устанавливая в каждом отдельном случае принадлежность или непринадлежность к мятежникам... О всех арестованных сообщать... во Всероссийскую чрезвычайную комиссию..."³⁶ С помощью специально созданных отрядов аресты левых эсеров производились в Петрограде, Туле, Жиздре, Воронеже, Витебске, Вязьме и

30. Упрочение советской власти..., стр. 142.

31. Ленин и ВЧК, стр. 84.

32. Правда, 21 января 1936 г.; Ворошилов, Сталин и Красная армия, стр. 39.

33. Сталин, сочинения, т. 4, стр. 118; С. Шаумян, Статьи и речи, стр. 293.

34. А. Авторханов, указ. соч., стр. 508.

35. Ленинский сборник, XXXVII, Москва, 1970, стр. 136.

36. "Красный архив", 1940, № 101, стр. 115.

других городах.³⁷ Те, кто не был арестован, но занимал ответственные посты, лишились их. Так, 18 июля Московский областной Совет исключил из своего состава всех (10 человек) левых эсеров, членов Исполкома, отказавшихся осудить свой ЦК. То же произошло в Московском городском и районном советах. Члены партии левых эсеров исключались из губернских и уездных советов; и к концу июля левые эсеры потеряли все свои позиции в правительстве страны.

Вплоть до окончательного подавления "мятежа" в Москве фракция левых эсеров находилась под арестом. Когда утром 7-го июля в Большой театр прибыли два представителя большевистского правительства, левые эсеры потребовали своего немедленного освобождения и прекращения огня с обеих сторон. Спиридонова обвинила большевиков в насилии. Ее поддержал Колегаев, заявивший, что правящая партия большевиков нарушила конституционные права. Тогда один из членов Совнаркома ответил: "Какие вообще могут быть речи о конституционных правах, когда идет вооруженная борьба за власть! Здесь один закон действует — закон войны. Задержанные вовсе не являются сейчас фракцией 5-го съезда Советов или ВЦИКа, а членами партии, поднявшей мятеж против советской власти, а стало быть и закон, по которому мы сейчас действуем, есть закон усмирения мятежа."³⁸

Весь день левые эсеры провели в заблокированном фойе Большого театра. Наступила вторая ночь их ареста, которую, как и первую, им не дали поспать спокойно: будущих узников приучали к режиму тюрем. В ночь на 8 июля началась регистрация арестованных. У эсеров потребовали сдачи оружия. Все беспрекословно подчинились, но Спиридонова на вопрос об оружии не ответила, подверглась обыску и лишилась своего револьвера. Часть эсеров, решительно осудивших ЦК своей партии, из театра выпустили, но остальных заставили заполнить анкету "Вопросы особой следственной комиссии". Ленин, физически уничтоживший рядовых членов партии левых эсеров, требовал политического самоубийства от оставшегося в живых актива.

37. ЦАОР, ф. 1917, дело № 11; Спирина, указ. соч., стр. 74. ЦАОР, ф. 130, оп. 1, дело № 196.

38. Архив ИГВ ИМЛ, ф. 5, оп. 3, п. 1, д. 15, л. 20.

Именно с этой целью 8 июля Ленин и Свердлов подписали постановление ЦК РКП/б/ с требованием "произвести в течение ночи с 8 на 9 выяснения отношения делегатов V съезда л. эсеров к авантюре. Освободить тех, кто заведомо не причастен и не сочувствует авантюре. Все материалы передать в следственную комиссию."³⁹ Заполняя анкеты, эсеры провели на ногах и третью ночь своего заточения. Голод, бессонница и моральные потрясения дали свои результаты. Из сохранившихся 173 анкет видно, что около 40% делегатов V съезда осудили убийство Мирбаха и действия отряда Попова, примерно половина — дала уклончивый ответ, и лишь 10% отказались отвечать на вопросы.⁴⁰ Впрочем, поскольку подобное антиэсеровское единодушие кажется маловероятным, остается предположить, что анкеты, осуждавшие большевиков, "не сохранились".

9 июля в связи с возобновлением работы съезда, уже без левых эсеров, арестованных перевели в Малый театр. После того, как большевистские делегаты от имени съезда одобрили действия правительства и приняли постановление об исключении из Советов эсеров, поддерживавших свой ЦК, большинство членов фракции левых эсеров освободили из-под стражи. Только 13 человек, во главе со Спиридоновой, посадили на гауптвахту в Кремле, но на следующий день десятерых из них выпустили. Со Спиридоновой остались Измайлович и Мстиславский, которые, согласно решению большевистской фракции съезда, подлежали суду революционного трибунала.⁴¹

Арест и последовавшее вскоре освобождение Дзержинского не снимали с повестки дня вопрос о его роли в убийстве Мирбаха. 8 июля Дзержинского официально сняли с поста председателя ВЧК. Советский историк так объясняет это событие: "Еще 8 июля Дзержинский обратился в Совнарком с заявлением об освобождении его от работы ВЧК, мотивируя это тем, что он является одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посла Мирбаха, расследованием которого занимался аппарат ВЧК. Советское правительство согласилось с

39. ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1а, ед. хр. 58, л.1.

40. Спирин, указ. соч., стр. 54.

41. Спирин, указ. соч., стр. 55.

этой просьбой.”⁴² Другой советский историк уточняет: “Мотивировал он это тем, что в отряде ВЧК произошло не только неповиновение ему, но черная измена, что террористы использовали его имя, что он является одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посла Мирбаха.

После этого Совнарком вынес постановление о роспуске коллегии ВЧК и поручил Петерсу в недельный срок сформировать новую комиссию и представить ее на утверждение правительства.⁴³ В решении, в частности, говорилось: “1. Все служащие и сотрудники члены партии левых эсеров должны быть уволены. 2. Все служащие члены РКП/б/, не зарегистрированные в партийном коллективе, обязаны в трехдневный срок зарегистрироваться в коллективе. 3. Беспартийные и сочувствующие большевикам должны в трехдневный срок подать в коллектив заявление с рекомендациями членов РКП/б/ и удостоверение о прежней деятельности.”⁴⁴ Председателем комиссии ВЧК назначался Я. Х. Петерс. Снятие Дзержинского явилось фикцией. Шесть лет спустя Петерс признался: “Хотя Дзержинский формально был устранен как председатель ВЧК, фактически он оставался руководителем ВЧК, и коллегия была сформирована при его непосредственном участии.”⁴⁵

Загадка смещения Дзержинского объясняется тем, что широким слоям партийного актива, включая многих высших советских руководителей, не посвященных в заговор Ленина и искренне веривших в “мятеж” левых эсеров, непричастность Дзержинского к убийству казалась сомнительной. Ленин же, на время пожертвовавший официальным постом Дзержинского, и из этого извлек выгоды. Он не только очистил ВЧК от небольшевистских элементов, но и полностью подчинил Комиссию партийному контролю. Объяснения советских историков кажутся по меньшей мере наивными. Расследованием убийства Мирбаха в то время занималась Особая следственная комиссия, а не аппарат ВЧК. А потом — на первом году революции какие

42. С. З. Остряков, Военные чекисты, М., 1979, стр. 31.

43. Спиринов, указ. соч., стр.68.

44. Партийный архив Института истории партии МГК и МК КПСС, ф. 64, оп. 2, ед. хр. 716, л. 61.

45. “Пролетарская революция”, 1924, № 10/33/, стр. 20.

предрассудки могли помешать "железному Феликсу" исполнять одновременно обязанности следователя и свидетеля?

Еще до суда, 14 июля, ЧК сообщила о расстреле В. А. Александровича. Его допросили первым, сразу же после ареста 7 июля. Александрович сказал, что отданные им приказы, в частности об аресте Лациса и Петерса, основывались на указаниях ЦК партии левых эсеров и что взятые им деньги будут возвращены. На остальные вопросы Александрович, согласно версии советской официальной историографии, отвечать отказался.⁴⁶ В тот же день допросили Жаркова и других. В обвинении, опубликованном неделей позже в "Известиях ВЦИК" говорилось, что Александрович, "воспользовавшись своим положением... ввел в Комиссию убийц Мирбаха — Блюмкина и Андреева. Он же приложил печать к подложному удостоверению, с помощью которого убийцы добились приема у графа Мирбаха. Кроме того им были захвачены из комиссии 544 тыс. рублей и переданы ЦК партии левых эсеров. Решившись на выступление, Александрович заблаговременно подготовил пути отступления для отряда и принял самое деятельное участие в восстании. Им был отдан приказ арестовать Лациса, Добола, Петерса, Визнера и других членов и сотрудников Комиссии. Он же послал отряд для захвата всей Комиссии и ее помещения. Во главе посланного отряда стояли комендант помещения Комиссии А. Е. Жарков, назначенный на пост этот Поповым, а также М. С. Загорин. В числе нападавших на Комиссию были: А. А. Филонов, Ф. Н. Кабанов, М. Я. Кострюк, И. А. Кузин, С. С. Бубкин, А. И. Юшманов. Все они — члены боевого отряда при ВЧК. За эти преступления все вышеозначенные лица были расстреляны. Кроме них расстреляны члены боевого отряда Кулаков, В. Немцев, А. Д. Лопухин, Пинешин, захваченные как разведчики, с оружием в руках во время самого мятежа."⁴⁷ Красная книга ВЧК называет еще несколько фамилий: Пинсин, Капрюк, Кудин, Воробьев. Две из них, безусловно, созвучны с фамилиями, упомянутыми в "Известиях ВЦИК". Заявление ЦК во многом грешило против истины. Как заместитель ВЧК

46. Спирин, указ, соч., стр.79.

47. Известия ВЦИК, 14 июля 1918 г.

Александрович отвечал за прием в Комиссию новых сотрудников, а потому обвинение его в "введении в комиссию" Блюмкина и Андреева бессмыслица. Удостоверение, подписанное Дзержинским и Ксенофонтовым и скрепленное печатью ВЧК, не было подложным, как установил сам Дзержинский. В то же время, сообщение ЧК не подтверждало подделки подписей Дзержинского и Ксенофонтова. 544 тыс. рублей Александрович не захватил из Комиссии, а "экспроприровал" у одного из арестованных. Но в то время, как ЧК считала их своими, Александрович передал деньги партии левых эсеров. Огласка обычных межпартийных недоразумений, существовавших и ранее, могла удивить разве что обывателя. Здесь важно другое: Александровича расстреляли сразу же после его ареста — в ночь с 7 на 8 июля. "Он был революционер, и мне рассказывали, что он умер мужественно..." - эту фразу, которая звучала более чем цинично, Троцкий проронил на съезде 9 июля. "Дифирамбы" расстрелянному Александровичу на этом не кончились. Троцкого поддержал Дзержинский: "Александровичу я доверял вполне. Работал с ним все время в Комиссии и всегда почти он соглашался со мною и никакого двуличия не замечал. Это меня обмануло и было источником всех бед. Без этого доверия я... не поручал бы ему расследовать жалобы, которые поступали иногда на отряд Попова, не доверял бы ему, когда он ручался за Попова в тех случаях, когда у меня возникали сомнения в связи со слухами о его попойках. Я и теперь не могу примириться с мыслью, что это сознательный предатель, хотя все факты налицо и не может быть после всего двух мнений о нем."⁴⁸

Этим заявлением Дзержинский фактически свел свою причастность к террористическому акту к чрезмерной доверчивости и лишней раз подчеркнул коварство Александровича. Но зачем же так торопились с расстрелом? И почему из членов ЦК партии левых эсеров расстреляли одного Александровича? Ответ на этот вопрос, возможно, лежит в правительственном сообщении, опубликованном 8 июля. В нем указывалось, что Александрович действовал так же, "как действовал провокатор

48. Красная книга ВЧК, том 1, стр. 193-194.

Азеф”.⁴⁹ Сравнение Александровича с Азефом часто встречается и у Троцкого. Но если Александрович — “Азеф”, не Дзержинский ли был “Рачковским”? Именно потому, что его причастность к провокации не вызвала сомнения у непосвященных в тонкости “операции” большевистских руководителей, Дзержинский в столь ответственный период революции, когда советская власть сотрясалась от восстаний в Ярославле, Тамбове, Рыбинске, Муроме... находился не на своем посту. По решению СНК он вновь занял его 22 августа 1918 г., т. е. более чем за три месяца до суда над левыми эсерами, ради которого, согласно официальной версии, он покинул пост председателя ВЧК и где собирался выступить свидетелем, но так и не выступил.

И только один человек, непосредственный организатор убийства германского посла, спровоцировавший восстание левых эсеров — Ленин — оставался вне подозрений. Но вечером 7 июля..

“...Он шел и смотрел в землю. Вдруг, как будто кто шепнул ему что-то на ухо. Он поднял голову и увидел, что стоит у того дома, у самых ворот... Неотразимое и необъяснимое желание повлекло его. Он вошел в дом, прошел всю подворотню, потом в первый вход справа и стал подниматься по знакомой лестнице... На узенькой и крутой лестнице было очень темно. Он останавливался на каждой площадке и осматривался с любопытством. На площадке первого этажа в окне была совсем выставлена рама: ‘Этого тогда не было’, — подумал он... Поколебавшись, он поднялся по последним ступенькам и вошел... Ему представлялось почему-то, что он все встретит точно так же, как оставил тогда, даже, может быть, трупы на тех же местах на полу. А теперь: голые стены, никакой мебели; странно как-то! Он прошел к окну и сел на подоконник.”

Так вечером другого дня Родион Раскольников вернулся в дом, где совершил убийство. Так вечером 7 июля Ленин приехал в здание отряда ВЧК, в Трехсвятительском переулке. Вместе с Крупской он ходил по комнатам разрушенного здания, дробя подошвами своих ботинок куски лежавшей на полу обвалившейся штукатурки и разбитого стекла. Вскоре ему стало скучно, и

49. Декреты Советской власти, том 2, стр. 543.

он попросил увезти его.⁵⁰

10 июля Особая следственная комиссия приступила к расследованию террористического акта и "восстания" левых эсеров. Комиссия, однако, убийц Мирбаха найти и не пыталась, да и, казалось, не слишком желала этого. Об Андрееве все странным образом забыли сразу же после покушения. 9 июля в постановлении 5-го съезда Советов, принятом по докладу Троцкого "об убийстве Мирбаха и вооруженном восстании левых эсеров", упоминался только "член партии левых эсеров" Блюмкин.⁵¹ Но и Блюмкина не нашли, хотя тот весь июль провел в Москве. По словам советского историка, левые эсеры, "отступая из Трехсвятительского переуллка, забыли взять его из лазарета ВЧК. В тот же день он вместе с другими ранеными был увезен в больницу, где назвался красноармейцем Григорием Беловым. Через несколько дней друзья помогли ему из больницы бежать."⁵² Данная концепция не выдерживает никакой критики. Можно ли предположить, что Ленин, потративший так много сил, чтобы выловить всех левых эсеров, не распорядился о проверке раненых, тем более в госпитале ВЧК, их документов и причастности к мятежу? В дни, когда эсеры вылавливались по всем дорогам, кто мог помочь Блюмкину бежать из госпиталя позже, когда случайные бреши, еще оставшиеся 6 и 7 июля, уже перекрыли? Блюмкин, к тому же раненый, мог бежать лишь в одном случае — при содействии самих большевиков. Под фамилией Авербаха он уехал в Рыбинск, оттуда в Кимры, Гатчину, Царское Село, и, кажется, даже побывал в Петрограде. В начале сентября он прибыл на Украину. Здесь он активно участвовал в организации подпольного антигерманского движения, вместе с коммунистами организовывал повстанческие отряды, короче выполнял задания большевиков на оккупированной Германией территории.

За неимением убийц Мирбаха Особая следственная комиссия допрашивала участников "восстания" левых эсеров. Одной из

50. См. Н. К. Крупская. Переезд Ильича в Москву и первые месяцы его работы в Москве. В книге: "Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине", том 2, Москва, 1957, стр. 192-193.

51. Троцкий, сочинения, том 17, часть 1, стр. 475.

52. Спирин, указ. соч., стр. 84-85.

первых допросили Спиридонову, которая отвергла обвинения в свержении советской власти и заявила, что подобного постановления ЦК партии левых эсеров не выносил. "Все происшедшее, — утверждала она, — является результатом стремительной защиты русским правительством убитых агентов германского империализма и самозащитой ЦК партии, совершившего это убийство".⁵³ Даже тогда Спиридонова не сознавала, что "происшедшее" являлось провокацией. Спиридонова вновь подтвердила, что "меры к мобилизации левозеро-евских сил" производились из опасения захвата Москвы австро-германскими военнопленными. 22 июля впервые допросили Саблина, которого опознал на пароходе, шедшем из Самары в Царицын, и сдал в ЧК председатель Царицынского совета Ерман. Саблин также отрицал обвинения в желании свергнуть советскую власть и заявил, что арест Дзержинского явился актом самозащиты. Особая следственная комиссия допросила около 650 левых эсеров. Но даже ее выводы полностью расходились с заявлениями Ленина и Троцкого. Так, член комиссии Кингисепп писал, что "значительная часть вооруженных сил Трехсвятительского Пьемонта находилась в полном неведении и непонимании происходящего даже 7 июля, когда среди них разрывались снаряды. Все финны в составе более двух рот так и были убеждены, что они защищаются против австро-германцев, которые, облачившись в красноармейские мундиры, восстали для свержения Советской власти".⁵⁴

Именно таких результатов расследования и боялся больше всего Ленин, а потому Комиссию, только что начавшую свою работу, спешно распустили. Стучку в начале сентября отправили в Берлин; вернувшегося в Казань Шейнкмана 8-го августа расстреляли захватившие город белые. 13 сентября Коллегия наркомата Юстиции вынесла специальное постановление о передаче дела в следственную комиссию революционного трибунала при ВЦИК.

Покончив со своими вчерашними союзниками — левыми

53. Красная книга ВЧК, том 1, стр. 201.

54. Д. Руднев, С. Цыбов. Следователь республики. "Волга", 1967, № 5, стр.

эсерами, — Ленин сделал только полдела. Вопрос о войне со вторым союзником — кайзеровской Германией — уже стоял на повестке дня. Во имя этой войны ЦК левых эсеров принял на себя ответственность за убийство Мирбаха. Попытка срыва Брест-Литовского мирного договора инкриминировалась левым эсерам как тягчайшее преступление. Но в какой степени разрыва Брест-Литовского договора боялся сам Ленин и насколько правомерно заявление бывшего сотрудника германского посольства в Москве Г. Хильгера, что большевики "должны были считаться с возможностью того, что германское правительство могло использовать убийство своего посла в качестве предлога для объявления новой войны против Советской республики или по меньшей мере для возобновления политического и экономического давления, ибо Брест-Литовский договор за четыре месяца не дал ожидаемых выгод"⁵⁵? Факты свидетельствуют о том, что Ленин, если и верил в вероятность самой войны, то уж ни в коем случае не боялся ее.

6 июля, в 5 часов 15 минут, т. е. вскоре после убийства посла, Ленин телеграфировал советскому полномочному представителю в Германии Иоффе⁵⁶: "Сегодня в 2 часа дня двое неизвестных, пробравшись с подложным документом от Чрезвычайной комиссии в германское посольство, бросили бомбу в кабинете графа Мирбаха. Граф Мирбах, тяжело раненный, скончался. Правительство, представители которого немедленно посетили германское посольство и выразили ему свое негодование по поводу этого акта политической провокации, принимает все меры к обнаружению убийц для предания их чрезвычайному революционному трибуналу. Усилены меры для охраны немецкого посольства и германских граждан. Правительство поручает Вам немедленно посетить германского министра иностранных дел и выразить германскому правительству возмущение русского правительства этим актом, а равно семью убитого графа Мирбаха для выражения ей своего соболезнования."⁵⁷

55. G. Hilger, A. Meyer. The Incompatible Allies. A. Memoir History of German-Soviet Relations 1918-1941 N.Y. 1953, p. 6.

56. ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, ед. хр. 487, л. 20.

57. Ленин, ПСС, т. 50, стр. 113.

До тех пор, пока не подавили окончательно "восстание" левых эсеров, Ленин придерживался выжидательной тактики. Но уже 9 июля V съезд Советов, имея в виду прежде всего Германию, указал, что несмотря на то, "что главной задачей Советской власти в области внешней политики остается по-прежнему обеспечение мира для истощенной страны, Всероссийский съезд заявляет, что в случае иноземного нашествия, с чьей бы стороны оно ни исходило, обязанностью всех рабочих и крестьян и всех честных граждан является беззаветная защита Советского отечества против империалистов".⁵⁸ То был пробный ленинский шаг, оказавшийся успешным: Съезд, еще три дня назад выступавший, в лице большевистской фракции, за мир любыми средствами, высказался в защиту своего отечества.

А Германия тянула с ответом. Только 14 июля в 11 часов вечера исполняющий обязанности германского дипломатического представителя доктор Рицлер вручил Чичерину текст полученной из Берлина телеграммы. В ней содержалось требование о вводе в Москву для охраны германского посольства батальона солдат императорской армии. Но Ленин не собирался отступить. И если в марте он готов был "подписать в двадцать раз, в сто раз более унижительный мир", чем Брест-Литовский, в июле — он хотел войны. "Мир есть передышка для войны... Ловите передышку, чтобы поддержать контакт с дальним тылом, там создавать новые армии".⁵⁹ Ленин никогда не отказывался от этой концепции. С разгромом левых эсеров и установлением однопартийной диктатуры большевики перестали нуждаться в антивоенном лозунге как орудии борьбы со своими политическими противниками. Но Ленин, еще в марте отчаянно доказывавший большинству ЦК своей партии необходимость подписания Брест-Литовского мира, не осмеливался через четыре месяца после этого открыто выступить за войну с Германией. Именно поэтому он пытался спровоцировать Германию на войну с Россией. С другой стороны, Ленин

58. Пятый Всероссийский съезд Советов..., стр. 209.

59. Седьмой экстренный съезд РКП/б/. Стенографический отчет. Москва, 1962, стр. 22, 24.

понимал, что немцы не поддадутся на провокацию с легкостью левых эсеров.

Надежда на удачу мелькнула последний раз 15-го июля. Вот свидетельство Бонч-Бруевича, докладывавшего Ленину о германской телеграмме: "Я сообщил ему, что есть очень важные известия из Москвы.

— От немцев?

— Да, — и я подал ему полученную телефонограмму. Владимир Ильич быстро прочел ее и, еще читая, стал бледнеть...

— Чего захотели?.. А!.. Прохвосты! Вот левые эсеры добились своего. В колонию нас обратить?.. Нет!..

Он вдруг *улыбнулся*, даже тихонько *засмеялся* (подчеркнуто мною — Ю. Ф.) и камнем сел за свой письменный столик..."⁶⁰

Ответ немцам Ленин огласил 15 июля, на заседании ВЦИК, как правительственное заявление, не допускающее обсуждения. Ленин указал, что требование о вводе германских войск в Москву ни в коем случае не может быть удовлетворено. "На такой шаг, — продолжал Ленин, — мы вынуждены были бы ответить, как отвечаем на мятеж чехословаков, на военные действия англичан на севере, именно: усиленной мобилизацией, призывом поголовно всех взрослых рабочих и крестьян к вооруженному сопротивлению и к уничтожению, в случае временной необходимости отступления, всех и всяческих, без всякого изъятия, путей сообщения, складов и в особенности продовольственных продуктов, чтобы они не могли достаться в руки неприятеля. Война стала бы для нас тогда роковой, но безусловной и безоговорочной необходимостью, и эту революционную войну рабочие и крестьяне поведут рука об руку с Советской властью до последнего издыхания."⁶¹ Ленин, однако, заявил, что и в случае войны с Германией отношение большевиков "к шайке левозеро-евских предателей" останется без изменений. Резолюцию по докладу Ленина съезд принял единогласно. 17 июля правительственное заявление опубликовали "Известия ВЦИК".

60. В. Бонч-Бруевич. Убийство германского посла Мирбаха и восстание левых эсеров (по личным воспоминаниям). М., 1927, стр. 54-55.

61. Ленин, ПСС, т. 36, стр. 525-526.

В марте 1918 г., согласившись на передачу Германии огромных территорий Советской республики, Ленин опасался не столько самого германского нашествия, сколько падения большевистского правительства от взрыва изнутри. Когда же с разгромом партии левых эсеров не стало опасного претендента на политическое руководство страной, исчезла и необходимость соблюдения условий Брест-Литовского мирного договора. Отсюда и излишняя резкость Ленина в ситуации, когда конфликт подлежал урегулированию дипломатическим путем: в июле 1918 г. Ленин не боялся ухудшения советско-германских отношений. Он понимал, что пришло время, когда не Германия будет диктовать условия России, но Россия — Германии. Два обстоятельства слились здесь воедино: военная слабость Германии и ее заинтересованность в большевиках, как правящей партии, согласной выполнять условия Брест-Литовского договора. "Кайзеру нужны были не Милюков с Черновым, тем более, не Деникин с Колчаком, а ему нужен был любой ценой капитулянт Ленин."⁶² Парадокс заключался в том, что Германия была уже, а Россия — еще слаба для каких-либо военных действий. В то же время, Ленин чувствовал, что приближается момент, когда можно будет вернуть отнятое.

На провокацию Германия не поддавалась, но отступила. Нота советского правительства, переданная Г. В. Чичериным Ришлеру 15 июля, излагавшая позицию большевиков, вынудила Германию снять свое требование. 28 июля в Москву прибыл новый германский посол (официально, как и Мирбах, он именовался дипломатическим представителем) Карл Гельферих. Последний, однако, скоро отбыл в Берлин, а германская миссия 7 августа выехала из Москвы в Петроград, а оттуда, через Финляндию, в оккупированный немцами Псков. Когда 11 ноября Германия подписала капитуляцию перед странами Антанты, большевикам, уже давно готовым разрушить кабальный Брест-Литовский договор, понадобилось только два дня для принятия решения о его аннулировании.

Двумя неделями позже, 27 ноября, в бывшем здании Судебных установлений в Кремле под председательством

62. А. Авторханов, указ. соч., стр. 123.

Карклина и с участием Томского, как члена суда, начался судебный процесс. Революционный трибунал при ВЦИК рассматривал "дело о контрреволюционном заговоре Центрального комитета партии левых социалистов-революционеров и других лиц той же партии против Советской власти и революции". Об убийстве Мирбаха никто и не вспомнил. Кроме того, из 14-ти обвиняемых в суд доставили только Спиридонову и Саблина; остальные от суда скрылись. Но и Спиридонова с Саблиным вскоре покинули зал заседаний. Спиридонова заявила при этом, что не признает суда одной партии над другой и что спор левых эсеров и большевиков может разрешить лишь Третий интернационал. Дело слушалось без обвиняемых. Приговоры вынесли заочно. Спиридонову и Саблина, учитывая их "прежние заслуги перед революцией", приговорили к годичному тюремному заключению, но уже 29 ноября того же года — амнистировали. Остальных обвиняемых, в том числе Блюмкина и Андреева, суд приговорил к трем годам тюрьмы, а Попова объявил "врагом трудящихся, стоящим вне закона". В случае поимки он подлежал расстрелу.

Судьбы эсеров, участвовавших в восстании, сложились по-разному. В феврале 1919 г. среди более чем пятидесяти виднейших членов партии левых эсеров, арестованных ВЧК, оказалась и Мария Спиридонова. Трибунал, осудивший ее, "нашел, что деятельность М. Спиридоновой как представительницы политической группы левых эсеров при недостаточно окрепшем положении Красного фронта и тыла Советской России в связи с чрезвычайно сложным положением страны в борьбе с мировым капиталистическим империализмом является вредной.

Однако, принимая во внимание болезненно истерическое состояние обвиняемой, не преследуя в наказании целей отмщения врагам революции и не желая причинять М. Спиридоновой излишние страдания, одновременно с тем охраняя рабоче-крестьянскую революцию и стоя на страже ее завоеваний, трибунал постановил изолировать Спиридонову от политической и общественной деятельности на один год посредством заключения ее в санаторий с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда."⁶³ Так положили

63. "Правда", 25 февраля 1919 г.

начало карательной медицине. Но Спиридоновой удалось бежать. В ночь на 2 апреля 1919 г. она вышла из Кремля по подложному пропуску и скрылась. Вплоть до своего следующего ареста в октябре 1920 г. она жила в Москве под именем Пелагеи Семеновны Онуфриевой. Из Бутырской тюрьмы Спиридонову вновь перевели в психиатрическую больницу, затем отпустили на поруки, но в 1923 г., после предпринятой ею попытки эмигрировать, сослали на три года.

Раскаявшегося Ю. В. Саблина после освобождения направили на Украину, где он руководил антипетлюровским движением. В 1919 г. Саблин вступил в РКП/б/, командовал дивизией Красной армии, участвовал в боях против Деникина и Врангеля, а в марте 1921 г. — в подавлении Кронштадтского восстания. П. П. Прошьян умер в декабре 1918 г. В. А. Карелина арестовали в феврале 1919 г., затем освободили, и он эмигрировал из России. А. Л. Колегаев уже в ноябре 1918 г. вступил в РКП/б/, занимал пост председателя Особой продовольственной комиссии, затем начальника снабжения и члена реввоенсовета Южного фронта. В 1920-1921 гг. он являлся членом коллегии Наркомата путей сообщения и председателем Основной транспортной комиссии при СТО. Расстрелян в 1939 г. Б. Д. Камков (Кац) оставался на антибольшевистских позициях и после июльской расправы. В 1921 г. он был арестован и осужден военным трибуналом, после окончания срока освобожден, но в 1938 г. — расстрелян.

Д. А. Черепанова арестовали 17 февраля 1920 г. по делу о взрыве в Леонтьевском переулке, в Московском комитете партии большевиков 25 сентября 1919 г. Его допрашивали Дзержинский, Лацис, Романовский... Согласно Красной книге ВЧК, Черепанов признался в том, что "подготовка этого взрыва, выработка плана и руководство до самого последнего момента" возлагались на него.⁶⁴ Донат Черепанов, в частности, сказал: "В метании бомбы я по постановлению штаба участия не принимал. Не будь этого постановления... я бы охотно принял на себя метание бомбы... Нужно только сожалеть о том, что... никто из более крупных не пострадал (при взрыве в Леонтьевском пер.)".

64. Красная книга ВЧК, том 1, стр. 315.

Обращаясь к Дзержинскому, он продолжил: "Об одном я сожалею — при аресте меня схватили сзади, и я не успел пристрелить ваших агентов". Такие люди, а в июле 1918 г. они еще составляли большинство в ЦК партии левых эсеров, не могли не принять на себя ответственности за убийство Мирбаха, хотя и не были причастны к самому террористическому акту. Они чуждались тактики выживания, и революционная героиня делала их игрушками в руках властелинов. Отрезвление всегда наступало слишком поздно. Исключением не явился и Черепанов. МЧК приговорила его к расстрелу. Но в Москве упорно циркулировали слухи, что Черепанова не расстреляли, а задушили в ВЧК.⁶⁵

Необычно сложилась и судьба Д. И. Попова. Член ВЦИК, начальник отряда ВЧК с марта 1918 г., а с апреля — еще и член коллегии ВЧК, он бежал на Украину после июльского разгрома левых эсеров. В сентябре 1919 г. он вступил в армию Махно и выполнял обязанности секретаря в его штабе. Осенью 1920 г., в Харькове, он вел от имени Махно переговоры с большевиками о совместных действиях против Врангеля. До тех пор, пока Попов был полезен, большевики не вспоминали о заочно вынесенном ему смертном приговоре. Но в ноябре 1920 г., когда Махно и его армию объявили врагами советской власти, в том же Харькове Попова арестовали чекисты и отправили в Москву, где его расстреляли в мае 1921 г.

Николай Андреев остался загадкой. Один из советских историков, без ссылок на источник информации, лаконично сообщает, что после июльских событий Андреев бежал на Украину, где и умер от сыпного тифа.⁶⁶ О смерти Андреева "где-то на фронтах гражданской войны" пишет в своих воспоминаниях Борис Бажанов.⁶⁷ Но скудность сведений об Андрееве в целом не может не удивить. О Блюмкине известно значительно больше. В середине апреля 1919 г., в разгар новой антиэсеровской кампании, он добровольно явился в Киевскую ЧК, которой в то время руководил Лацис. Предвидел ли

65. Г. Аронсон. На заре Красного террора. Берлин, 1929, стр. 220.

66. Спирин, указ. соч., стр. 86.

67. Б. Бажанов. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Издательство "Третья волна", Франция, 1980, стр. 258.

Блюмкины последствия ленинской провокации? Вероятно — нет. Во всяком случае в показаниях, данных Лацису сразу же после явки с повинной, Блюмкины утверждали, что никакого мятежа не было, что в Трехсвятительском переулке эсеры осуществляли самооборону, что никогда ни он, ни Андреев не согласились бы убить Мирбаха "в качестве повстанческого сигнала". В показаниях Блюмкины имелись противоречия. В одном из них он писал, что ночью 4 июля его пригласили на заседание ЦК левых эсеров, где окончательно решился вопрос об убийстве Мирбаха; в другом — сообщал, что на этом заседании он не присутствовал лично, но узнал о нем от одного из членов ЦК партии левых эсеров.⁶⁸ Но в ночь на 5 июля не происходило никакого заседания ЦК партии левых эсеров. Просто в то время, как февральские аресты охватили всех уцелевших руководителей партии левых эсеров, большевики подсказали Блюмкину новую ложь — позднее доказательство причастности ЦК к террористическому акту и самому восстанию.

16 мая 1919 г. ВЦИК советов официально амнистировал Блюмкина "в виду добровольной явки". Сразу же после этого Блюмкины формально вступил в РКП/б/ и начал работать в Киевской ЧК, где, кажется, вновь руководил отделом по борьбе со шпионажем. В дальнейшем Блюмкины "прославился участием в жестоком подавлении грузинского восстания", затем работал в Монголии, "где во главе ЧК он так злоупотреблял расстрелами, что даже ГПУ нашло нужным его отозвать".⁶⁹ В 1920-е годы он участвовал в нескольких провокациях. А. Солженицын сообщает, что в 1925 г. Блюмкины "написал так называемое предсмертное письмо Савинкова, по заданию ГПУ. Оказывается, когда Савинков был в заключении, Блюмкины был постоянно допущенное к нему в камеру лицо — он "развлекал" его вечерами... Это и помогло Блюмкину войти в манеру речи и мысли Савинкова, в круг его последних мыслей."⁷⁰ По поручению Ягоды Блюмкины некоторое время следил за Бажановым, в 1925 г. Блюмкины

68. Красная книга ВЧК, том 1, стр. 226, 232.

69. Бажанов, указ. соч., стр. 258.

70. А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг, 1918-56, том 1-2, Имка Пресс, Париж, 1973, стр. 374.

приставили к Троцкому, а в 1926 — к Каменеву. Во второй половине 1920-х годов он был резидентом ГПУ в странах Ближнего Востока, занимался шпионажем и диверсиями.⁷¹

По заданию ГПУ Блюмкин ездил в Париж для организации убийства уже сбежавшего к тому времени за границу сотрудника секретариата Сталина Бориса Бажанова. Вот свидетельство самого Бажанова: "В конце 1929 г. назначенный в Турцию резидентом ГПУ Блюмкин приезжает... в Париж, чтобы организовать на меня покушение... Когда... Блюмкин вернулся из Парижа в Москву и доложил, что организованное им на меня покушение удалось (на самом деле, кажется, чекисты выбросили из поезда на ходу вместо меня по ошибке кого-то другого), Сталин широко распустил слух, что меня ликвидировали. Сделал это он из целей педагогических, чтобы другим не повадно было бежать..."⁷² Бажанов пишет также, что перед своей последней заграничной поездкой в Турцию Блюмкин "вошел в контакт с троцкистской оппозицией и согласился отвезти Троцкому (который был в это время в Турции на Принцевых островах) какие-то секретные материалы. Его сотрудница, Лиза, предала его ГПУ. Он был вызван в Москву будто бы для доклада о делах, арестован и расстрелян."⁷³ Несколько отличной является версия А. Солженицына, по которой Троцкий попросил Блюмкина взять пакет для Радека. "Блюмкин привез, передал, и вся его поездка к Троцкому осталась бы в тайне, если бы сверкающий Радек уже тогда не был стукачом. Радек завалил Блюмкина..."⁷⁴ По постановлению Коллегии ОГПУ от 3 ноября 1929 г. Блюмкина расстреляли.⁷⁵

Убийство Мирбаха явилось одной из величайших провокаций в истории России. По мастерству исполнения задуманного Ленин не уступил Азефу, в то время, как в последствиях провокации — значительно превзошел последнего. С 6 июля 1918 г. началось падение партии левых эсеров, и уже никогда она не

71. Бажанов, указ. соч., стр. 259, 260.

72. Бажанов, указ. соч., стр. 292.

73. Там же.

74. А. Солженицын, указ. соч., стр. 374.

75. Остряков, указ. соч., стр. 124.

могла достичь той высоты, с которой свалилась во время июльских событий. Возможно, что даже Ленин не рассчитывал на столь легкую и полную победу: ведь если на 5-м Съезде Советов эсеры располагали более чем 30% всех мандатов, то на 6-м, состоявшемся в ноябре 1918 г., они владели лишь одним процентом голосов. 98% депутатских мест съезда принадлежало теперь большевикам.

Юрий Фельштинский

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ФОНД НОВОГО ЖУРНАЛА

В 138, 139, 40 и 142 кн. "Н. Ж." опубликованы списки жертвователей в издательский фонд "Нового Журнала". Всего 8.051 долл. Позже поступило ушу 185 долл.: 100 долл. — Т. Варшавская, 50 долл. — Алла Головина, 20 долл. — Т. и А. Фесенко, 15 долл. от В. Грауберг и 10 долл. от Н. Шерби. Всего — 8.246 долл.

Редакция сердечно благодарит всех жертвователей.

Большое спасибо!

Ф. И. ШАЛЯПИН НА ШМАРОВИНСКОЙ 'СРЕДЕ'

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В одном из последних номеров журнала "Наш Огонек" была напечатана статья по поводу исполняющегося в текущем году сорокалетия Московского Художественного Кружка "Среда", основанного В. Г. Шмаровиным. Эта статья и помещенные при ней портреты моих далеких друзей невольно воскресили в моей памяти былое этого кружка и побудили меня взяться за перо, чтобы поделиться с читателем некоторыми из моих воспоминаний о его жизни.

Бушует и жалобно стонет над Москвою февральская вьюга, вихрем гуляя по Молчановке; сметает она с мостовой плотный, сухой снег и гонит его смерчем вдоль тротуаров, укладывая у заборов и фундаментов домов в длинные, причудливые формы, суметы. Где-то жалобно трепещет и глухо колотит своим железным остовом полуоторванная вьюгой от стены вывеска;

Художник Константин Семенович Высотский (1867 - 1938) родился в Москве, был сыном лесопромышленника. Образование получил в Москве, где окончил Московское Училище Живописи, Ваяния и Зодчества со званием классного художника. Принимал участие на выставках Товарищества Передвижников и на выставках Московского Товарищества Художников. Он писал жанровые картины, но больше любил пейзажи и изображения животных (он сам был страстным охотником). Его картины находились в московских галереях Цветкова и Рябушинского. Известны также рисунки К. С. Высотского к "Капитанской дочке", к рассказам Мамина-Сибиряка, а также сцены охоты в охотничьих журналах. Он был превосходным рассказчиком, а так как среди его друзей и знакомых были В. Васнецов, Левитан, Чехов, Шаляпин и артисты М.Х.Т., то рассказы его были увлекательны. Русским он был насквозь, и когда умирал в Риге, последние его мысли и слова были о России. *РЕД.*

подслеповато мигают в такт порывам ветра, густо облепленные снегом, газовые уличные фонари.

Еще далеко не поздний час, в начале девятый, а жизнь в этом районе города уже притихла и, благодаря разгулявшейся непогоде, — притаилась. На улице жуткое безлюдье: разве кое-где мелькнет плотно закутанная в шубу фигура молчановского обывателя, да увидишь у перекрестка улиц сидящего на облучке легковых саней ночного "Ваньку" и его понурую, с какой-то ветошью на спине, лядашую "Савраску".

На углу Малой Молчановки и Дурновского переулка мутным силуэтом вырисовывается приземистый одноэтажный особняк с тамбур-подъездом под фронтоном на тонких чугунных колонках. Это дом В.Г. Шмаровина, известного московского коллекционера, основателя и вдохновителя художественного кружка "Среда." К нему и направляюсь.

На мой звонок выходит степенная Марья Фоминична, одна из старых слуг шмаровинского штата, ворчливо отряхивает с воротника моего пальто плотно налипший снег и со словами: "ну, погодушка, прости Господи!" вешает его на массивную, красного дерева, вешалку и выпускает меня в зал. Здесь "наши" уже все в сборе. Группами разместились художники для своих очередных работ вокруг длинного, поставленного среди зала и накрытого темно-синим сукном, стола. На столе масса всевозможных карандашей, резин, растушевок; ящики с акварелями и кистями, пять-шесть папок, хранящих бумагу для рисования и эскизы рисующих.

На фоне многочисленных картин, бронзовых и мраморных скульптур, собравшаяся здесь художественная семья представляет своеобразное зрелище. Вот в первой группе художники: Н. Богатов, талантливый строгоновец С. Ягужинский и молодой, даровитый А. Синцов обсуждают и набрасывают эскизы декораций для зала Московского Дворянского Собраниа к предстоящему костюмированному балу "Среды". Рядом с ними жизнерадостный Н. Егорьев с присущим ему юмором изображает на заголовке протокола кружка величественную фигуру Афродиты и шествующий за ней в полном составе его художественный Олимп. Против него, по другую сторону стола, журналист и экспромтер Вл. Гиляровский в поддевке и бараньей

паннахе позирует Евг. Соколову, который мастерски изображает журна листа скачущим по степи на чудовище, подобном допотопному ихтиозавру, с громадным гусиным пером вместо пика. Соколов острит по поводу того, что на сравнительно небольшую "пуговицу", какой является нос Гиляровского, расходуются больше всего киновари и кармина, и что на лампы его шаровар эти краски приходится извлекать из ящиков ближайших соседей.

Остроумный барон Клодт — с неизменной папиросой во рту и "тиком" в правом глазу — рисует восход солнца над тундрой, в которой он, по личному его признанию, никогда не был. Художники И. Калмыков и Чирков, оба побывавшие в Японии, изображают совместно на большом листе "ватман" улицу в Токио. За ними углубились в свои работы "бурливый" Батурин, "злаязычный" и "всекритикующий" Э. Мартен, "франтоватый" Левин и "нелюдимый" А. Соколов. А вот и "старательный" Нечаев осторожно выводит кисточкой "острие комариного жала" сучки плакучей березы в виньетке собственной композиции.

Псаломщик по профессии, он всей душой любит живопись и рисование. Не имея возможности учиться этому искусству и работать у себя дома, он весь отдается своему влечению на вечерах "Среды". На дальность расстояния, — а жил он тогда на самой отдаленной окраине Замоскворечья, ни "хляби небесные" не могли заставить его пропустить "Шмаровинскую Среду". Тихий его нрав, вечно блуждающая улыбка на его лице и, наконец, фамилия дали повод кому-то из посетителей "Среды" окрестить его в "Нечаянную радость", и с тех пор это прозвище укрепилося за ним на многие годы.

В глубине зала около арки, отделяющей его от обширной гостиной и живописно украшенной коврами, материей и громадной палитрой с надписью на ней золоченой славянской вязью: "Среда," видна высокая, сухошавая фигура с большой седеющей головой, бритым широким подбородком, в очках и поношенном, серого сукна, сюртурке. Это — основатель кружка, Владимир Георгиевич Шмаровин, или, как его зовут друзья "дядя Володя." Он, прислонившись к краю стола, о чем-то оживленно беседует с художниками В. Серовым и В. Переплетчиковым. Подхожу к ним. Дядя Володя крепко пожимает мою руку, рад меня видеть, но журит за то, что я так

давно не был в кружке. "Забыл, дорогой Семеныч, совсем забыл нас ... а тут столько новостей, о которых хочется поговорить, посоветоваться с тобой!" — слегка шепелявит он баском и, любовно потрепав меня по плечу, направляет в столовую, к хозяйшке, которая отогреет меня чайком, — "а то, поди, продрог, сердечный!" Отогретый двумя стаканами горячего чаю с ромом, я возвращаюсь в зал. В нем большое оживление: вновь прибывшие гости осматривают работы художников и делятся впечатлениями. Несмолкаемый смех, шутки, остроты слышатся вокруг талантливого Евг. Соколова. Он, вооружившись акварелью и толстой кистью, с редкой быстротой воспроизводит полные юмора шаржи, подчеркивая в них с поразительной меткостью особенности позирующих. Иду в гостиную. Здесь оживление более сдержанное. Контингент гостей преимущественно дамы; они рассматривают художественные протоколы, альбомы и рисунки членов кружка. Возгласы истинного восторга вызывают рисунки, сделанные на вечерах "Среды" И. И. Левитаном. У открытого рояля молодой пианист беседует с миловидной блондинкой, наигрывая левой рукой какую-то мелодию "mélancolique".

Три коротких звенящих удара в бубен и металлический шелест его жестяных тарелочек. Посреди гостиной стоит дядя Володя с высокоподнятым бубном, с лицом, отражающим на себе всю важность предстоящего сообщения, — он обладал прекрасной мимикой: "Люди добрые, в разном звании и сословию пребывающие!! он любил на наших вечерах вступительные слова своей речи уснащать выражениями русской старины. — Сейчас начнется музыкальное действие: нам сыграет кончающий в этом году Московскую Консерваторию сидящий перед вами у рояля пианист Л., а позднее нам споет молодой певец, которого обещал к одиннадцати часам привести любезный член нашего кружка, доктор Трояновский. Вот, люди добрые, что я хотел вам сказать", — заканчивает свое слово дядя Володя и скрывается в дверях кабинета.

Когда пианист Л., с успехом сыгравший прелюдию Шопена, почтительно раскланивался на аплодисменты слушателей, я тихонько пробираюсь к уютному уголку гостиной, где сидит поэтесса Лохвицкая-Жибер — с известным в то время доктором-

гипнотизером Фельдманом, — и с сердечным трепетом прошу ее не отказать в любезности попозировать мне для очередного моего вклада в альбом нашего кружка; она мило кивает мне в знак согласия своей интересной головкой, и мы отправляемся для сеанса к нашему столу.

В самый разгар моей работы звонок в прихожей. На пороге в зал появляется худошавая фигура доктора Трояновского в сопровождении молодого человека высокого роста, одетого в черный, наглухо застегнутый сюртук, с круглым лицом типичного русского "паренька", с короткой, непокорной прядью светло-русых волос над красивым, мускулистым лбом. "Надо полагать из семинаристов, — язвит "бурливый" Ватурин, кивая в сторону удаляющегося от нас певца; а затем, обращаясь к Евгению Соколову, просит его немедленно увековечить на протоколе вновь прибывшего и нарисовать ему манжеты подлиннее, да пораструбистей. — Видишь, как у него... — только ногти из-под них выглядывают", — наставительно шепчет он Соколову.

Около двенадцати часов зал на время пустеет. Художники, закончив свои эскизы, наброски присоединяются к своим гостям, ведут с ними беседу, знакомят вновь прибывших посетителей с художественными собраниями и коллекциями хозяина молчановского особняка. Чу, бубен дяди Володи, — этот вечерней колокол "Среды," — зовет к себе. Стягиваемся все в зал, теперь превращенный в трапезную. Наш стол, несколько минут тому назад служивший искусству, украшен обильной снедью, старинным хрусталем, стильными серебряными чарочками, ковшиками и неизменным екатерининским кубком, являющимся на наших товарищеских ужинах привилегией чествуемых: два бочонка с пивом на резных рогатках-аппастаментах завершают декорацию стола.

Дядя Володя просит всех присутствующих, прежде чем "приступить к закуске", прослушать молодого певца, недавно прибывшего из Петербурга в Москву, в труппу Мамонтовского театра. У рояля доктор Трояновский. "Старый капрал... слова Беранже", — тихо, но четко говорит певец и легким наклоном головы в сторону аккомпаниатора, просит его начинать. Несколько тактов прелюдии ...там...за аркой зала, оваянный

сединою старины, встает перед нами образ капрала. С каждым музыкальным тактом, каждой фразой певец ярче и рельефней выявляет его фигуру, его глубокие душевные переживания. Вот он, высокий, худой старик с густой щетиной седых усов и зорким орлиным взглядом, направленным куда-то в даль, он — оскорбивший офицера и приговоренный к расстрелу, теперь сам ведет на место казни своих верных и любимых им солдат исполнить приговор.

Как повелительны слова его команды: — "В ногу, ребята, идите... в ногу — раз, два!" Каким воплем исстрадавшейся души, ужасом о содеянном звучит в устах певца: "я оскорбил офицера". И вот старый капрал на месте казни. Раздается его последний приказ солдатам — "целься верней... пли!" Глухой, какой-то сдвоенный, полный жути крик вырывается из груди певца с последним словом команды солдата.

Певец окончил. Секунда гробовой тишины и... бурный, kloкочущий поток аплодисментов гремит, наполняет зал и гостиную, сливаясь с криками одобрения и всевозрастающего восторга. Гурьбой направляемся в гостиную и, окружив плотным кольцом еще взволнованного артиста, благодарим, жмем ему руки, поздравляем "от души" с выдающимся успехом; дамы машут раздушенными платочками, украдкой посылая ему воздушный поцелуй. "Всекритикующий" Э. Мартем — вне себя и "благим матом" орет — "Качать его... предлагаю качать!" Но номер этот не проходит, и он, безнадежно махнув рукой, "растворяется" среди публики, направляющейся в зал к ужину. Ужин открывается тостом дяди Володи — "Люди добрые! — взволнованно начинает он. — Осушим наши чарки до дна за здоровье дорогого гостя и талантливого артиста — певца Федора Ивановича Шаляпина — и будем просить его, если мы ему любимы, испить до дна стоящий перед ним кубок "Среды"... "Недурно пущено!" — "Недурно пущено" — хором подхватываем мы тост дяди нашей традиционной, застольной песенкой, под аккомпанемент аплодисментов, бубна и рояля. Оживленная, веселая беседа, экспромты, тосты, речи затягиваются далеко за полночь.

Вьюга стихала, когда я с моим приятелем А. Синцовым вышел на улицу. Где-то, в стороне Смоленского рынка, хрипло

пел неугомонный предвестник утренней зари — петух, да назойливо, с подвывом, на кого-то лаяла собачонка. В воздухе чувствовалась близость оттепели и грядущая весна.

Прошли многие, тяжкие годы. Как-то в конце октября 1920 г. я отправился навестить дядю Володю, с которым очень давно не виделся. Жил он тогда уже на Б. Никитской и занимал две небольших комнатки в квартире его родственницы С. Н.Л. Я застал его больным. Исхудалый, пожелтевший, с воспаленными глазами и приступами сильнейшего грудного кашля, он полулежал на диване в потрепанном халате и протоптанных туфлях. Очень обрадовался моему приходу. Разговорились. От него я узнал о временной, год тому назад, ликвидации кружка, об утрате им дома, всех его собраний по искусству, многочисленных коллекций. Развернул он передо мной печальные страницы жизни оставшихся в живых моих сотоварищей по кружку. Вспомнили былое нашей "Среды". В самый разгар беседы входит Софья Николаевна и строго напоминает больному предписание врачей — "соблюдать возможный покой" и "никаких волнений."

Простившись с Вл. Г., я зашел в его убогий кабинет-столовую выкурить папироску. На письменном столе лежала раскрытая, в черном коленкором переплете тетрадь; на одной из ее страниц мелким убористым почерком дяди Володи было написано следующее четверостишие:

Пройдут года, — быть может, зарастет
И на Молчановку пробитая дорожка,
Не станет "Сред", все сгинет понемножку,
Но в сердце памяти — былое не умрет.

К. Высотский

ПИСЬМА Б. К. ЗАЙЦЕВА И. А. И В. Н. БУНИНЫМ

(ПУБЛИКАЦИЯ МИЛИЦЫ ГРИН)

Дорогие друзья Иван и Вера, не удивляйтесь, что я так долго не еду — кончал Вишняку¹ первую часть повести², писал в "Возрожд.", и только дня три тому назад освободился. В воскресенье выезжаю, билет уже взял. Остановлюсь на день в Авиньоне, на день в Эксе, и поеду в Ниццу. Там буду стараться что-либо подыскать для В. и Н., которые тронутся не ранее начала июля. Буду у Вас, разумеется, но не надолго. С дороги напишу еще, и из Ниццы.

Вера за зиму очень устала, ей хочется так устроиться, чтобы самой не готовить, значит, надо или хорошую "хам де менаж", или (хоть временно) недорогой пансион. Тут у нас прошел слухок, что под Нищей будто такой (русский) есть Spèriamo. Иван, за "Арсеньева" обнимаю горячо. Чудесно!

Господь Вас храни. Ваш Борис.

P. S. Не ругайте меня за долгое молчание. Правда, много работал — не поднималась рука на письма. Сейчас вечер Рошина. Наш дом представлен Верой. У меня от юбилеев, вечеров и пр. полное одурение.

1. М. В. Вишняк, один из редакторов "Современных Записок".

2. Вероятно, "Анна".

12 авг. 1928.

Милые друзья Иван и Вера, нынче ровно неделя, как я тут. В Париже раздобывал денег (купил Н. часы!), сорвал с самого

См. кн. 139, 140, 141 "Нов. Журнала".

барина, ¹ он подвернулся как на грех (для него), и с болью в сердце пришлось ему оторвать от своих грошиков триста монет.

Н. и В. нашел (тьфу, не сглазить) в отличном виде. Жизнь тут, правда, для здоровья великолепная. Они утром и после завтрака на пляже, просто сидят, лежат, немного купаются и т. д. В смысле артистическом Порнишэ малоинтересно, как отдых же — превосходно. Я тоже купаюсь. Пляж огромный, с большой морской жизнью, очень крепкими запахами, живностью (в отливе) и т. п. Едим много мулей и палурдов — их тут же ловят. Океан похолодней Вашего моря, т. ч. купаться так долго не могу. Часто, оч. часто вспоминаю Вас, мои дорогие, весь Ваш писательский питомник — дай Бог здоровья и процветания вилле Бельведер. Мне у Вас было чудесно. ² Чувствую себя сейчас оч. ровно, покойно, работаю. Оказалось весьма приятн. ощущение жить *со своими* и так, что никто посторонний не влезает в твою жизнь, не стучит зря в двери и не завтракает "неожиданно". Эта жизнь имеет несколько робинзонский и бесконечно деревенский характер, что как-то молодит. Нек. детали, напоминают Притыкино.

Кстати, сегодня Тата получила письмо от сверстницы своей, доч. нашей кухарки. Та была прошл. летом в Притыкине. В моем флигеле тепер конюшня (при ветеринар. пункте). Вот я и правильно чувствовал всегда судьбу своего жилища, где писал, читал в юности Соловьева, переводил Данте... Не по "клеймату", разумеется, все это было! Нынче написал Ксюнину с просьбой устроить Ивану и мне визу итальянскую на обратном пути. ³ Иван, живы будем, заедем в Венецию, выпьем Valpolicello в узкогорлых графинах, я покажу тебе такого Тинторетто в Scuola di San Rocco, что ты... (твое слово!).

Всем "надеревне" нежный привет, т. е. Галине ⁴ и капитану. Последнему пишу отдельно — ему необходимо сочинить что-либо в пределах вместимости газетной, разговор об этом был дважды.

Обнимаю и целую Ваш Борис.

Вера и Наташа шлют привет.

1. Вероятно, речь идет о Гукасове.

2. У Буниных Б. К. пробыл с 21. 6 до конца июля. Вера Николаевна записала (1 августа): "В Зайцеве есть светлость, понимание чего-то нужного,

чувство правильности своего пути — это великое счастье. Религиозность — его опора и защита некая от собственной плоти. (...) Ему здесь было хорошо, "как дома". Конечно, наш "Монастырь муз" ему подходит, есть и устав, есть и удовольствие, и правильный образ жизни, и возможность писать спокойно, и полная душевная свобода. Прочла "Афон" в книге, прочла о нем рецензию и нахожу, что никто по-настоящему не оценил эту редкую книгу".

3. В Сербии устраивался съезд русских писателей, предполагалось основать журнал и русское книгоиздательство. Бунин в Сербию не поехал.

4. Молодая писательница Г. Н. Кузнецова, жившая у Буниных.

16 сент. 1928.

Милая Вера, на днях выезжаю в Белград, деньги и визы уже получены. Все делает Земгор, т. ч. хлопот пока никаких. До сербск. границы во II, там переседем в I-й класс, билеты (беспл.) присланы. "Персонально" едут Куприн, я и Алданов.¹ В Белграде готовится торжественная встреча. Бальмонт не едет, он будет там в ноябре и, видимо, надолго.

Я получаю отовсюду "заказы" на устройство "стипендий", будто эти стипендии у меня в кармане. Была Н. Н.² — о Ходасевиче. Упомнянула, что и Иван будет за него ходатайствовать, равно и за Тэффи. Я, разумеется, обещал, но смогу-ли что-ниб. сделать реально, совершенно не знаю. Правда ли, что И[ван] хлопотал за Т[эффи]? Или это "избирательный маневр" (без имени Т. вряд ли Н. Н. решилась бы заговорить со мной о. Х.).³ Мне интересно бы все это знать до отъезда, равно и то, как смотрит И. на возможность успеха таких попыток. И буду ли я хлопотать один (как в глубине души думаю), или с чьей-либо поддержкой. Итак, буду тебе оч. благодарен, если напишешь мне неск. строк с тем расчетом, чтобы я получил их до 22-го. (Ивана не тревожу: по моей информации он очень занят).

Между пр., Н. Н., явившись, начала с того, что она думала, будто я вообще и *не* был со своими на океане, встретился с ними лишь в Париже, что я куда-то "пропал" из Грасса и проч. ахиною.

Отпор был дан очень решительный, но очевидно, ее информация связана с тем, что я долго не писал Ивану и тебе из Порнишэ — информация и неверная и неблагожелательная. Не крою, что я принял ее с огорчением.

Наташа сейчас у Карбасниковых до конца месяца.
Желаю Вам всем всего лучшего.

Твой Бор. Зайцев.

Р. С. В. Лодыженский едет на днях в Нишцу. Мне удалось достать ему немного денег, а там он будет жить у объявившейся неожиданно для него родственницы. Разумеется, побывает у Вас. Пригрей его (2-3 часа), он очень одинок.

1. В Белград поехали и Мережковские.

2. Вероятно, Н. Н. Берберова.

3. Судя по дневнику Веры Николаевны, Бунин говорил о возможности стипендии Ходасевичу с приезжавшим в Грасс, сербским проф. Беличем, председателем Державной комиссии. Насчет Тэффи сказано, что Бунинны "свели" ее с Беличем.

Париж 27 авг. 1928

Дорогой Иван, вчера мы вернулись в Париж (...). Что же Сербия? Едем? Как себя чувствуешь? Говорят, жары у Вас несомнимые. Тут сейчас хорошо, нынче ясный день — 16-летие Наташи и "Пакт Келлога" — но в Париже после океанского воздуха кажется уж очень сухо и душно (хотя жары нет).

Обнимаю и целую. Привет всем. Ваш Бор. Зайцев.

Р. С. Знаешь, где сейчас Донзель? На северном полюсе! Только его там и нехватало. Корреспондентом от Humanite на "Красине", разыскивает Амундсена.

1 сент. 1928

Дорогой друг, (...).

Мне очень интересно, какой будет у тебя разговор с Б-чем¹ — если Вера неск. слов напишет, буду весьма благодарен. То, что ты не едешь, я, конечно, осуждаю. Для такого случая "С. З." могут и еще 2 нед. подождать, в П. можно ехать из Марселя днем, вообще это все "причины неуважительные", как говорили нам в гимназии при частых отсутствиях. Написал ли ты об этом в Белград? Денег у них в обрез, если ты не едешь, то они хоть должны знать, что у них освобождается известная сумма.

Что взялся рьяно за "Арсеньева" — прекрасно, сердечно

этому рад, впрочем, твоим карканьям ни минуты не верил (т. е. верил, что все трудное будет преодолено). Целую дружественно и сердечно. Твой Борис.

1. Проф. Белич.

12 окт. 1928.

Дорогой Иван, во вторник вечером мы с Куприным ввалились в Париж после двухнедельных белградско-загребских "празднеств". Ты, вероятно, многое уже знаешь. Было очень парадно, шумно, приветливо. Съели мы массу белградских стерлядей, задали большую работу смокигам, выпивали, слушали, "отвечали" и т. п. Жизнь была ничего, веселая. Короли, министры, епископы, дамы, фотографы, интервьюеры, автографы (в невероятном количестве!), опять выпивка, автомобили — чего ж тебе еще?

Самым знаменитым и дорого правительству обошедшимся оказался, конечно, Мережковский, но симпатий не внушил. Самым популярным у "простых", у серой публики (а там почти вся она такая) был Куприн. Ну, затем ордена. Мережковский теперь со звездой и лентой, мы с Куприным с крестами и звездами¹ — звезды эти столь внушительны, что вполне выводят в тайные советники. Предсталь себе, что они голубаватые, что вчера дало повод Тикстону приветствовать меня на обеде с получением "голубой звезды". Вообще же говоря, ордена эти произвели в Париже некую сенсацию. Гукасов устраивает нам банкет. Аминадо бранится в "П. Н." — но право же мы тут ни при чем: дали так дали, мы ничего не просили. (Кстати: стипенд. назначены Немировичу и Чирикову, а Т(эффи) и Х(одасевичу) отказано начисто, я долго и безуспешно говорил с Беличем. Х., может быть, пригласят прочесть что-ниб. по литературной части, это и все).

Я очень жалел, что тебя не было, мы бы отлично провели время. С Зинаидой (З. Н. Гиппиус — М. Г.) я помирился, вместе сидели в театре, в ложе, я ее водил под руку (с не-глухого уха), она нашла, что у нас одинаковый шаг ("а Дмитрий всегда отстает"..) и у меня "крепкая мужская рука". Мы жили в одном

отеле. Куприн был пьян, но довольно мил. Чириков также, и все мечтает о девушках, но у него уже нет "крепкой мужской руки" и он меланхоличен.

Я был в Белой Церкви и Нов. Биче, осматривал корпуса и институты, читал. Подписал сотни полторы автографов. Институтки оч. милы, но я еще не в чириковском возрасте. Видел о. Иоанна, он прелестный. Генералы там ходят в золотых погонах (но грустны!). Впечатлений и рассказов масса. Всего не напишешь.

Сердечно обнимаю всех вас. Ваш Бор. З.

1. Мережковскому дали орден Св. Саввы первой степени, другим — второй.

16 окт. 1928.

Дорогой Иван, я тебе мало написал о "деле", поэтому добавлю. Со Струве виделся, встретились мы хорошо, он говорил как *редактор* журн., выходящ. с января, 6 кн. в год, чисто литературного, объединяющего всех. Я ему что-то обещался дать, сам не знаю что. Но далее — я дважды говорил и с Беличем. По последнему (перед моим отъездом) разговору, я почувствовал, что положение С. (Струве — М. Г.) не крепко, против него есть сильное течение (по-моему тут Дима, Зина и Володя).¹ Вопрос о редакторе окончательно еще не решен. Желательно, по словам Б-а, поставить во главе беллетриста, *на кот. все объединились бы*. Имен названо не было. Окончательно ли это решение, или нет, не знаю. Чувствую лишь, что М-им (Мережковским — М.Г.) С. (Струве — М. Г.) неприятен, они всячески стараются его устранить. М. там сейчас большая сила. За ним весьма ухаживает и правительство и Белич, вряд ли последний сделает что-либо против желания М-го. (М. пр., и в первонач. проекте струвевского ред-ва был пункт о М.: М. находится где-то вблизи, и не будучи прямо редактором, может, однако, проводить лиц и произведения, ему желательные. Если при этом он расходится с редактором, то вещь печатается с пометкой: "рекомендовано М-им"). Издательство тоже с янв, 10-12 кн. в год. Будет и отдел переводов на сербский, но это, видимо, лишь в будущем.

В последн. минуту выплыл вопрос о газете, "Русск. Слово", с Немировичем во главе, всей нашей литер. группой в лит. отделе, с Ксюниным и Благовым как фактич. редакторами. Нынче есть об этом в "Возр.", но кратко. Не могу тебе сказать, в какой мере это окончательное решение, только знаю, что белградская лит.-журналистическая молодежь — люди очень ловкие и зубастые, к Державной Комиссии они пристроились довольно прочно, и вряд ли упустят момент, правда, весьма благоприятный.

Обнимаю и целую всех. Привет. Борис.

Вообще белградцы на Съезде отлично сыграли!

И. Дм. Мережковский, Зин. Гиппиус и Вл. Злобин.

1 ноября 1928.

Дорогой Иван, посылаю тебе для подписи два листа — это сбор Плешееву, на 70-летие. Пожалуйста, подпиши, и дай подписать Мережковским — будут "все" парижские подписи. Если можно, верни мне поскорее. Одним словом, "сезон начался!" Нынче вечер Аминадо, и т. д.

Обнимаю Б.

12 ноября 1928

Дорогой Иван, вот тебе отчет о моих делах: я условился с Беличем об издании книги избранных рассказов. (Приглашал меня и Брянский — кстати, это наш бывший сосед по имению). Экземпляр я послал, денег пока нет, и вообще молчат. Авансу должны дать 2-3 тысячи, но пока эти тысячи не в кармане, считаю, что еще ничего не скажешь. На сколько экземпляров и сам не знаю, кажется, в пределах 2-х тыс. (и те не разойдутся, конечно).

Видимо, с журналом задержка. Насколько я понимаю, из-за редакции? Это поразительно. *Деньги* есть, *желание* есть, нету варяга? Ну, посмотрим. Раздорами своими чрезвычайно мешаем и портим себе же самим. Получал от Шмелёва длиннейшие письма, *чтобы я настоял*, чтобы Мережковский *не* был редактором. — Хорошо. 1) Не я издаю журнал. 2) Ко мне Белич относится довольно прохладно и влияния я никакого не имею. 3)

Никто М. редактором и не приглашал. И самое милое: приехав, Ш. тотчас отправился к Гукасову, всячески громил *хозяину* (!) Ходасевича, меня, Муратова — из-за того, что какой-то его рассказ долго не печатали — доказывал что то, что печатается в литер. отд. "Возрождения", никуда не годно и т. п. (Разумеется, предварительно был у меня, кричал часа 1,5 — 2 без перерыва, жаловался на врагов, предлагал "взять в свои руки" "Возрожд.", и т. п. чепуху. В заключение сообщил, что о нем пишут в Америке, и что на иностр. яз. вышло 18 его книг — репертуар обычный). И все возвышенно! ("Не из-за своих интересов, а национальная идея"...)

Новости литературные: 1) известная часть населения (Аминадо, Азов, и К⁰) продолжают ругать нас за то, что мы получили ордена (Талин на общ. собрании предложил считать Съезд *не бывшим!* Это я собств. ушами слышал. Ему жестоко насыпал Зеелер и Познер.) 2) "П. Н." мне больше не высылаются — тоже за Савву. 3) Кругом все слышишь о нужде. Из России вести прескверные. 4) Передай Вере, что бедная Татьяна Алексинская разбилась на автомобиле — вышиблены все зубы, треснула челюсть, вообще ужас. Лежит в клинике. Видишь, веселого мало!

Обнимаю. Когда сюда? В Сербию? Или куда? Б.

9 дек. 1928.

Дорогой Иван, с книгой моей выясняется так: издательская комиссия постановила выдать мне аванс в размере 25% (чего? Видимо, всей суммы гонорара, но какова она, понятия не имею). На переписку об этом ушло чуть не шесть недель (правда, одно письмо из Б. пропало) — и аванса все-таки еще нет. Сказано "на днях", думаю, что это будет 1500 фр. Алданов отказался печатать там кн. статей, объяснил мне так, что этим недоволено "Слово". Впечатление мое — все там идет кое-как, деньги есть, но дело чиновничье, т. е. довольно безнадежное.

На днях уезжаю в окрестности Chantilly к знакомым ("в Притыкино"), надо кончать повесть. С деньгами в этом году ту же, сейчас выручил И. И. (Фондаминский — М. Г.), налоги, плата за Наташу, и т. д. В "В". ("Возрождении" — М. Г.)

зарабатываю теперь не — 1200.

Наташа зубрит. Учится по-английски у отличной учительницы и уже немного говорит.

Привет всем на Бельведере. Твой Борис.

25 дек. 1928.

Дорогой Иван, ты, может быть, уже видел мою статью об Айхенвальде — хочу сообщить несколько подробностей о его смерти, дошедших из Берлина.

Ю. И. был в тот вечер у Татаринова (из "Руля"), в очень подавленном и мрачном настроении. Говорил, что надежд никаких нет и *жить не стоит*. Вышел и на бульваре (в роде как на Av. Henri Martin, трамвай идет совсем рядом с аллеей) — по близорукости своей и попал под вагон. Трамвай так его придавил, что пришлось поднимать вагон специальным краном, подъемником! Но видимо он сразу оказался в бессозн. состоянии. Изуродован ужасно, выбиты зубы, и т. п. В больнице у него был брат Вышеславцевой и видел его, но Ю. И. в себя так и не пришел. Хоронили его в Тегеле, было много народу, масса венков, очень многие его в Берлине любили. Наш Милюков вначале возражал мне против панихиды от Союза! ("Мы не конфессиональное учреждение..."), но поддержал меня Аминадо и панихида на Дарю состоялась — народу пришло мало, большинство (за что благодарю их в сердце) — евреи. Вот, дорогой друг, печальные подробности. Понимаешь, конечно, как мы с Верой его оплакивали. Трагедий, смертей, покушений на самоубийство вокруг сколько угодно.

Время идет. Оказывается, через месяц увидимся? Капитан уже здесь, был у нас, пришел и на панихиду. Шмелева не было. В нем я нажил, кажется, окончательно врага. (Гукасов давал нам обед у Petit Durand. Ш[мелев] произнес речь, длившуюся 40 минут, где жаловался на притеснения, главн. обр. Ш-ва, а я его не поддержал. Он мне безумно надоел. Если бы все мы, 12 чел., начали говорить о своих проторях в "В-ии" по 40 мин., то дружеская беседа затянулась бы до 8 ч. утра, притом он и все прения о литерат. отделе переводил на себя. Прислал мне письмо в 1/2 печ. л. с упреками, я дал читать Вере для извлечения

сушности. Главная сушность, конечно, обида).

Обнимаю горячо тебя и Веру, Галине привет от соседа по жару.

Вера моя тоже Вас всех очень хорошо приветствует. Твой Борис.

Г. Ю. И. Айхенвальд, литературовед и критик, автор "Силуэтов русских писателей".

11 янв. 1929.

Carissimo maestro e amico, в рассуждении чехов дело пока неважно. Разумеется, никто не получил. Но из Земгора прошел слухок, что еще на 6 мес. раздобыли 3 миллиона, и Земгору уже дали. Мережковский просил меня написать Масарику (!), но я сделал несколько проще — всего только Ляцкому написал (этот хоть знает, кто я), с просьбой "нажать" на наши стипендии. Вот может быть ты Масарику напишешь? Или вообще кого в Праге знаешь? В Земгоре говорят, что личное давление там имеет большое значение, пример самого Земгора убедителен (служащих известили, что жалованья за январь не будет, а потом все-же прислали.).

Послезавтра писательский бал, вывозим Наташу. Она будет отлично mise. Обнимаю, целую. Б.

20 мая 1929.

Дорогой Иван (...)

Я сейчас ничего (кроме товаров для "Возрождения") не пишу. Чувствую себя неважно. О лете вовсе не думаю. Ничего хорошего все равно не выдумаешь.

Привет всем в Грассе! Твой Бор. Зайцев.

Р. С. Выпускаю на днях повесть в "С. З".¹ За дешевое издание, вероятно, ничего не получу. И. И.² говорил мне, что оно окупается 350-400 экз., а Коварский теперь — что 600-700! Что же мне останется? И когда? Да еще Заксу объявлен бойкот. Влетели мы все. Один умный Алданов сумеет вовремя отступить.

1. "Анна", изд. "Современные Записки", 1929.
2. И. И. Фондаминский.

24 авг. 1929.

Дорогой Иван, время однако идет — хочется повидаться, а когда и как соберемся мы в Грасс? Хорошо бы встретиться теперь же, *поговорить*, и т. п. Независимо от нашего приезда (в Грасс или Канн) — не собрался ли бы ты к нам в Ниццу? Если не очень бешено пишешь, приехал бы сюда? Позавтракали бы, где пожелаешь [*excerpté Ruhl*], погуляли бы, купанье теперь лучше (мерда *почти* нет) и т. д. Итак, напиши. Привет всем сердечный — от меня и Веры. Твой Борис.

7 ноября 1929.

Caro, illustre maestro (e amico), сегодня отправил в Милан письмо с твоим адресом — его хочет знать г. Ринальдо Кюфферле, напечатавший о тебе статью в "Corriere della Sera". Он не знает, куда тебе ее послать. Кроме того спрашивает, отдал ли ты кому-нибудь в Италию la "Vita d'Arseniev" (для перевода). Я ответил, что не знаю, пусть сам напишет. К сведению: он человек очень литературный, заведует русским отделом "Corriere della Sera", из классиков переводил Пушкина (драматич. сочинения, мне показалось — совсем неплохо). Он посылал тебе свои книги, — "in omaggio" (homage)... Но ты, вероятно, отнесся к этому делу с известным нам всем (орловским и калуцким) дворянским равнодушием. (На всякий случ. его адрес). "La Vita d'Arseniev" прочел я, как всегда, с большой радостью, некоторые страницы прямо с восторгом (ночь перед "решением", где луна; смерть В. Князя). Вообще очень, очень хорошо. Дай Бог сил и бодрости на дальнейшее — в силах этих я ни минуты не сомневаюсь, но знаю в illustre maestro и человека "нервического", иногда склонного самому себе создавать препятствия. Впрочем, может быть, это и лучше, чем полнейшее самодовольство "солнечного брата"¹ и его замоскворецкого кузена из Капбретона.²

Здесь в Париже "без перемен". Был вечер Аминадо, встречался с Куприным между 11-ю и 5-ю (утра) у добрых

людей, выставяющих лангусты и вино. Сейчас сижу в полу-одиночестве — Вера ушла слушать платовских казаков, а Наталья до одурения возится с отражением света от каких-то зеркал. Грустно видеть неглупую девочку, занимающуюся пустяками. Гораздо хуже то, что здоровье ее неважно. Третьего дня был такой припадок печени (песок проходил, сказал Серов), что прямо беда. Пьет сейчас воды. Алданов мрачен. Муратов *ежедневно* пишет в "В-ии" ("Каждый день") и выколачивает деньжонки для семьи, находящейся в Риме (но зато приятен и нежен парижский роман). Нынче утром я позавидовал Грассу. Если у нас был такой свет и тепло, то что же там...

Обнимаю и целую: тебя, Веру, Галине только ручку, Рошина embrasse. Твой Борис.

1. Речь идет о К. Бальмонте.

2. И. Шмелев.

7 янв. 1930.

Caro, illustre maestro (e amico!), с Новым Годом! Обнимаю тебя и Веру дружески, целую ручку Галине, шлю привет всему дому.

А далее идет "жизнь, как она есть" (не очень-то акварельная!) Ты уже заметил, вероятно, что чехи молчат. С января стипендии прекращены. Если ты *тоже*, как другие здесь, *не* получил, то по утверждению спецов, надо сейчас же писать в Прагу, кто кому может, добиваясь "индивидуально" продления хотя бы на год. Крачковский из Нишцы пишет мне, что ему "по болезни" стипендия продолжена. Оказывается, некоторые догадливые люди хлопочут уже с октября!

Все это, разумеется, в предположении, что ты денег *не* получил. Если же сам заранее обеспечил себя от "свенцянского прорыва", то тем лучше, и тогда все это писание ни к чему. Теперь скоро уж и увидимся? Пора, пора! (Хотя ничего особенного от Парижа не жди. Все мы понемногу стареем и изнашиваемся — но все же держимся). Вчера у меня был один инженер, проездом в Америку. Это приятель моего покойного отца, служил под его начальством на Мальцевских заводах и

был со мной знаком *40 лет тому назад!* Мы с ним не видались 40 лет — и представь, я его узнал. Мы когда-то скакали с ним верхом, он был молодой инженер, теперь совершенно белый старик, но глаза те же (относительно, конечно!) Мне он сказал, что глаза и у меня не изменились, а сам я стал очень походить на отца. Вот время-то! Но мне не страшно было на него глядеть. Он оч. бодр умен, изящен. Фамилия — Старицкий, джентльмен, барин. Еще раз целую. Твой Борис.

(Открытка, штемпель: 24. 6. 30)

Caro maestro e amico, здесь устраивается протест против письма в "ouv. Litt." группы советских писат. и худ. о Левинсоне¹ (они обляяли его за справедливую статью о Маяковском). Наш ответ и выражение сочувствия А. Я. будет помещен там же. Текст написан мною, редактируется окончательно Ходасевичем. Тон спокойный. Будь добр, дай твою подпись (Мер., Купр. и др. уже дали) — а также Галины Ник. и Зурова² — будут и молодые. Очень обяжешь. Если не пожалеешь 3-4 фр. лишних, то дай телеграмму. Очень спешим. (Текст взялся написать Алданов, но уехал, ничего не сделав. Пусть и он не возражает — французов собирать уже некогда). Сердечный привет всем, поцелуй кому можно. Борис.

1. А. Я. Левинсон, критик, печатавшийся в "Последних Новостях".

2. Писатель еонид Зуров, приехавший по приглашению Бунина в Грасс.

28 янв. 1931.

Дорогой Иван, сейчас придет Наташа, у нее узнаю адр. К.¹ и припишу к письму. Имей только в виду, что Н. Н. совсем разорен, занимается распродажей по дешевке остатков книг своих — и даже сам их разносит, как Офеня. Живут они очень плохо. Издательство он давно закрыл, и кн. магазина нет. О чехах ты, конечно, знаешь. Но по нашим сведениям, Кускова хлопочет за тебя, меня и Ремизова — выйдет ли что-нибудь, сказать пока нельзя, все же маленькая шелка есть (но все это *не* для распространения).

Мы были больны гриппом, лежали все трое одновременно,

т. ч. за нами ходила и кормила нас одна добрая душа (дама) — иначе прямо хоть пропадай. Грипп был довольно тяжелый, с высокой темп., очень утомил. Сейчас оправились. Но у меня какие-то остатки в легких, у Веры слабо сердце. В общем же вертимся. В Париже невесело — вся жизнь несколько сжимается, будущее темно — дай Бог удержаться на теперешнем уровне. Пав. Андреич² все болен, и Бог знает, когда оправится. Тэффи переутомлена до предела. Бодрее и веселей других Наташа — как и полагается по ее возрасту. Сейчас заходил Марк Ал.³ — собирается на юг, звал меня с собой. Но, разумеется, я не поеду. Вот, дорогой друг, какие дела. С большим удовольствием читаю твои маленькие рассказы, очень нравится.

Целую тебя, наши кланяются. Привет всем вашим на вилле. Твой Бор. Зайцев.

1. Вероятно Карбасников, Ник. Ник.

2. П. А. Тикстон.

3. М. А. Алданов.

5 июня 1931.

Caro amico e mastraccio, пишу тебе с неким отчетом о парижских наших делах. Ты, конечно, получил письмо от Белича, как ты его понял? Как будто есть невеселый намек на возможность прекращения "поддержки" (буде книжные дела и впредь плохо пойдут). У нас всех тексты несколько разнятся, у Ремизова, напр., так сказано, что разговор идет о дальнейшем сохранении поддержки, понимаемой, как самое *печатание* наших книг,¹ а значит *не* о тысьеце золотых. Во всяком случае, мы обеспокоились, дважды собирались у Мережковского (Куприн с Ел. М. и я). От Ремизова у меня была уверенность. И порешили так, что на вопрос, кого рекомендуем из парижского представительства, ответить — "Возрождение". Книжн. магазин согласился. Возьмут 50% и даром рекламу книг в газете. (Само писание походило на ответ запорожской сечи султану — пыхтели, потели — "Зина, не мешай!", "Ты ничего не понимаешь, дал бы лучше Зайцеву чернил. Так, значит, "Возрождение" отказывается быть представителем?", "Зина, тебе только что сказали, что именно "Возрождение" согласилось!", "А,-а, ну, я

прослушала..." и т. п.).

Шмелев из Капбретона тоже указал на "В". Мы же оговорились, что отвечаем только за себя, списываться было бы трудно. Каков твой взгляд? За "В" говорит богатство хозяина, довольно хорошая постановка книжного аппарата и, главное, возможность бесплатной рекламы (чего у Коварского, напр., о котором мы тоже думали, нет). Думаю, запорожцы тут не ошиблись. Напиши Беличу, я думаю, то же самое — сколько мы ни прикидывали и ни советовались, лучшего в Париже не выдумаешь. Буду ждать от тебя неск. строк.

Приглашены на твой вечер в среду. Билеты идут, не весьма быстро, но наверно будут "солидно размешены" (как об акциях говорят). Состав исполнителей превосходный. О впечатлении отпишем, разумеется. Весьма возможно, что на август приедем в Golf Juan. Но с деньгами, как всегда, плохо. Мережковские что-то молчат о лете. Алданов собирается в Испанию, будет писать для "П. Н." Кстати, ты должен настроичить Демидова, чтобы в "П. Н." позволялись статьи о *всех* книгах Державной комм., надо объяснить ему, что это дело очень важное, и не для одних только нас: касается вообще поддержки Сербией русских, нельзя тут проявлять равнодушие.

Дружески обнимаю, привет всей вилле. Наши целуют. Борис.

1. В конце 1928 г. в Сербии, с целью поддержки русских писателей, было основано книгоиздательство. В 1931 г. там, между прочим, была напечатана книга Б. Зайцева "Тургенев".

2. Игорь Пл. Демидов.

9 марта 1932.

Дорогой Иван, пишу тебе тем самым пером, которым Вера только что кончила эпическое и обстоятельное описание Наташиной свадьбы.¹ Женщины всегда лучше нас пишут письма, т. ч. прибавлять почти нечего. (Вот разве что: вчера один художник, Ровинский, сказал мне: "Наташа очень хорошо вошла в церковь и несла букет. Может быть, она репетировала это?" — Он Наташу мало знает... поэтому вопрос простителен.).

Нынче я из "Возрождения" говорил с Наташей по телефону.

Из Фонтенбло тоненький, звонкий голос сразу сказал: "Папа?" Разговор был короткий (мне очень мешали), но голос фонтенблоский — веселый. Потом другой, пониже, и тоже веселый. "Ну, как вы себя чувствуете, Андрей?". "Чудно". Вот это факты. Надо думать, что "молодые" и правда в хорошем настроении.

А старые засели в некое парижское Притыкино. Ты, верно, знаешь, что мы переехали в Булонь. Квартирка небольшая ("бедный, но честный ремесленник Блэк" живет в ней) — но с удобствами, очень чистая, в новом доме, все как у порядочных людей. И *своя*. В день Наташиной свадьбы, утром, я впервые увидел из своего окна (5-эт. — но подъемник) St. Sulpice и Notre Dame, по случаю очень ясной погоды. Это мне было приятно. Потом приятно то, что вышел пасьянс "Наполеон", на Наташино счастье загаданный — а до того шесть раз не выходил, и сейчас, только что, еще два раза не вышел. Это глупости, конечно, но пишу уж все.

Ф. О. (Ельяшевич — М. Г.) устроила мне вечер, ты слыхал об этом. Благодаря вечеру удалось переехать и выдать Наташу замуж, но все же есть долги и будущее очень неясно. Слава Богу, что Он дал мне легкий (в этом отношении) характер. Мне пошел шестой десяток, а я ни о чем не думаю (денежном). Желание на лето у меня такое: попасть на юг, в Ваши края, покупаться, вас повидать, выпить с тобой вина, и т. п. Может быть, и удастся! Я Грасс ваш люблю — возможно потому, что жил там мало, но *очень приятно*, это помню. Пожелай же мне, чтобы удалось съездить: я два года не видал настоящего солнца.

Обнимаю тебя, Веру, шлю привет Галине и Зурову — буду оч. рад, если напишешь о себе неск. строк. Любящий тебя Борис.

P. S. Здесь теперь Бальмонт — стал "мрачный как скалы" и одержим ни с кого уже не срывает. На днях родит Мирра.² Отец ребенка будущего антропософ, засел в Швейцарии. Позлащенных возможностей мало.

1. Дочь Зайцевых. Наталья Борисовна, вышла замуж за Андрея Влад. Соллогуба.

2. Дочь Бальмонта.

3 июня 1932.

Дорогой друг, у сербов был — обещали тотчас отправить тебе деньги. Сейчас ждем Наташеньку, она приехала вчера из Aix - les - Vains. Видов на лето никаких. Безденежье полное. Нынче обед "Возрождения", по случаю 7-и лет — *не* иду на него (но не из-за денег: Гукасов устраивает его на свой счет. Все равно. Физиономия Абрама ¹ мне "не ндравится" — насколько приятно обедать с друзьями, настолько же невесело с такими Абрамами).

Обнимаю тебя и Веру, привет Галине и Зурензону. ² Бор. Зайцев.

1. Речь идет об Абраме Осиповиче Гукасове.

2. Шутливое название Л. Зурова.

6 авг. 24 июля 1932.

Дорогой друг, слышу все, что ты нездоров, лежишь и т.п. — просто грусть берет: откуда эта анафемская напасть? Издали тебя обнимаю и целую.

Нынче мои именины — мы с Верой были в церкви, исповедовались и "припишались", как у нас в Калуге говорили. День какой-то хороший получился — и даже в Париже солнце, настоящее, высокие облака и т.п. редкости. Ты, вероятно, знаешь, что Вера была в Нечаянной Радости¹, а я прожил 12 дн. в Wimereux, под Бульонью, на море у Наташи. Un vieux gaga chez sa fille. Мне у них отлично жилось, с удовольствием вспоминаю изяшное местечко, уже полу-английское, Ламанш. (Первый раз в жизни видел Англию — один раз только она и показалась). Я так загляделся на английский лад, что все бормотал про себя английские слова (собств. производства), разгуливая по набережной. Сейчас Н. с Андр. под Орлеаном на Луаре — каникулы. А мы с Верой завтра уезжаем к сестре в Нечаянную Радость — на неделю, а может, дней на 10. Сегодня очень поразились смертью Черного. ² Менее всего можно было ждать!

В Париже теперь Бальмонт — совсем угасший. Вижу его редко. Он как будто на меня дует, не знаю за что. И вообще озлобленность появилась. Впечатление тяжелое. ("Борис, однако... у вас квартира", ты сам знаешь, *какая* у меня квартира. Но он, кажется, все еще думает, что я "купаюсь в

гукасовском золоте” — и вообще вздор).

Куприны в полном упадке. Квартиру бросают, из “Илл. Р.” пришлось уйти (возвращали *без его ведома* авторам принятые им рукописи! — тоже хамье). В “Возр”. он почти не печатается. Ел. М.³ совсем замучена. Говорит, что возьмет комнату себе и ему, Кису⁴ поместит где-ниб. у подруги. Разумеется, это нервное преувеличение, но все же плохо. Вот видишь, невеселые вещи. Жизнь все крепче зажимает маленькое наше писательское племя — впрочем, и не одно писательское: кругом только и слышишь горестные вещи.

Я чувствую себя сейчас много лучше, чем когда ты был. Конечно, надо пить разные фосфористые штуки, да не соберешься как-то. Эти дни все о тебе думаю — очень родственному, и с нежностью. Дай Бог поскорее оправиться. Хотелось бы оч. в Париже повидаться — надеюсь, осенью? Мы, вероятно, переберемся отсюда опять в Отёй — если, конечно, что-ниб. подходящее найдем!

Веру целуй тоже — от меня и моей Веры (но вот самого себя тебе трудновато будет от нас поцеловать — а надо). Твой Борис.

1. В обители Нечаянной Радости жила сестра Бориса Константиновича, Татьяна.

2. Писатель Саша Черный (псевд. А. М. Гликберга).

3. Елизавета Маврикиевна, жена Куприна.

4. Дочь Куприна.

1 февр. 1933.

Дорогой друг, одновременно с письмом посылаю деньги. Сербы переехали — лишь сегодня узнал об этом, на дверях билетик с новым адресом: (...). Вчера было распределение денег с бала. Пусть Галина и Зуров не обижаются, что дали мало — делили 7000 на 75 человек, причем было неск. стариков, как Амф(итеатров), Купр(ин), кот. дали 200-300, да еще необход. расх(оды) по устройению бала (ок. 1000), т. ч. в последнюю минуту всем пришлось скинуть по 20%! — цифры получились убогие, *никогда* еще этого не было, но никогда столько заявл(ений) неподавали (и *кое-кому* мы вовсе ничего не дали!), успех же бала был ниже обычного. Итак: они получают по 80

целковых! Небогато. На днях получат, а м. б., одновременно с этим письмом.

Новостей у нас особенных нет. П. А. Тикстон тяжело болен — Вера ходит к нему ежедневно, Тэффи извелась. Вчера я у него был... что сказать! Мучителен конец его жизни. В воскресенье читал о св. Серафиме в Бианкурской церкви. Очень хорошее впечатление, каждое слово "доходит" — сам был в подъеме.

Ну, Господь Вас всех храни, обнимаю и целую. Твой Борис.

"Арсеньев" — отличен! Спасибо! (Глупое слово, но почему-то захотелось его сказать). "Узнаю коней ретивых я по их таврам" (...).

СМЫСЛ КОММУНИСТИЧЕСКОГО УНИЧТОЖЕНИЯ НАРОДОВ

ИЗ ИСТОРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ И БИОСОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В СССР

При изучении коммунистической революции 1917-1920 годов на территории России, на методы и выводы исследователей часто накладывают отпечаток две не оговариваемые специально психологические предпосылки. Во-первых, предполагается, что коммунисты были, так сказать, равными партнёрами в борьбе за власть, наряду с белыми правительствами, зелёными партизанами и народными повстанцами; кто-то из участников борьбы был лучше, кто-то хуже, но в целом — шла гражданская война, и все её участники в большей или меньшей степени расстреливали, грабили, насиловали население; и в этом смысле не было принципиального отличия коммунистов от их противников в плане демографического воздействия на население.

Во-вторых, массовый революционный террор коммунистического режима, если даже и превышал количественно белый и повстанческий террор (что само по себе под вопросом), то во всяком случае перекрывался другими факторами, прежде всего тем, что реакционные белые генералы и грубые крестьянские повстанческие отряды применяли варварские средства борьбы: пороли крестьян, устраивали погромы национальных меньшинств, всячески издевались над простым народом, чем озлобили и оттолкнули его.

Последний тезис нашёл чеканную формулировку в недавно опубликованной в эмиграции самиздатской статье видного московского учёного: "красные расстреливали, белые пороли".

Массовый террор коммунистов против крестьянства был отеснён в сознании народа тем глубоким унижением, которое крестьянство испытало со стороны белого движения. В этом лежала глубокая психологическая причина, по которой крестьянство не могло предпочесть белых по сравнению с коммунистами. Из-за массовых пороков белые предстали перед крестьянским большинством населения России как чуждое ему меньшинство, несущее реакционные порядки. (Сразу же отметим, что понятие "реакционность" — в этой схеме ключевое). Массовые расстрелы меньше ударили по психологии, по чувству собственного достоинства населения, чем напоминающие крепостную эпоху порки. И в этом заключалась важная психологическая причина победы коммунистов.

В изложенной концепции, в том или ином виде широко распространённой в мемуарной и научной литературе, имеется ещё одна, третья, подлежащая психологическая предпосылка. Самые массовые расстрелы, проводившиеся коммунистами, несут печать революционной традиции, европейского прогресса, французской революции и т.д., тогда как порки и другие истязания и надругательства — реакционные, крепостнические, азиатские меры, которые революционеры-коммунисты, конечно, не могли применять.

Ведь если радикальные интеллектуалы, фанатики-социалисты руководили революцией, в ходе которой не только расстреливали, но и пороли, истязали, насиловали и надругались, — тогда где же царско-генеральская реакция и где модернизация и прогресс? И куда ведёт этот прогресс? Куда ведёт историческое развитие, частью которого является коммунистическая революция? Разбору этих вопросов и посвящена настоящая работа.

1. Порки и расстрелы населения белыми.

Порки и расстрелы на белых территориях были широко распространены, но как явление ещё не изучены. Они никак не были связаны с продовольственными реквизициями, поскольку белые территории не знали голода и имели свободную продовольственную торговлю. Белые территории страдали от продовольственного затоваривания, от невозможности крестьянам

найти рынок сбыта произведенных излишних продуктов. На Кубани в 1919 году было до 100 миллионов пудов излишнего, пропадающего за отсутствием экспорта товарного хлеба и 13 миллионов пудов излишнего подсолнечного масла.¹ В Сибири было к январю 1919 года до 150 миллионов пудов хлебных излишков, и до снятия урожая к осени 1919 оставалось свыше 110 миллионов пудов товарных хлебных запасов, до 3 миллионов пудов излишнего сливочного масла, много мяса и других продуктов, а урожай 1919 года оказался, на несчастье, выше среднего. "Некуда было вывозить хлеб, который лежал не находя спроса... Это вело к недовольству деревни экономической политикой белогвардейцев".²

Таким образом, в тот самый период, когда по коммунистической территории кровавым разбоем проходила Продовольственно-реквизиционная армия Г.М. Зусмановича, выгребала последний хлеб, подавляла и истребляла крестьян,³ крестьянство на белых территориях поднималось против белых правительств, разоренное отсутствием хлебного экспорта. Можно отдельно проанализировать эту разницу между советскими и, так сказать, американскими причинами крестьянского недовольства красными и белыми властями, но вернемся к поркам.

Порки и расстрелы крестьян на белых территориях были связаны с осуществлением не социально-экономической, а воен-

1. Доклад члена Кубанского правительства Я.Л. Щупляка Краевой Раде. Цит. по: Г.Л. Покровский. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани. 1918-1919 гг., Харьков, 1926, с. 151-152.

2. Статистика по: "Сибирская кооперация". Омск, 1919, № 1, с. 46. "Сборник Сибирского статистического управления". Вып. 4 Новосибирск, 1921, с. 3. Цитата из: Л.М. Спирин. Разгром армии Колчака. М., 1957, с. 136.

3. Подробный отчет см.: Ю.К. Стрижков. Продовольственные отряды в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1917-1921 гг. М., 1973, с. 66-236. Приказ Наркомпрода № 79 от 19 октября 1918 разрешил при отъеме хлебных "излишков" снизить норму крестьянского душевого потребления (=оставляемого крестьянам хлеба) до 18 фунтов в месяц, то есть до 245 граммов в день. См.: "Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу". Кн. 1. Нижний Новгород, 1919, с. 227.

Так начался организованный коммунистами искусственный голод в хлебопроизводящей России, голод среди самого крестьянства.

ной политики белых властей. Это очень важное различие, так как оно заставляет рассматривать данные формы репрессий у белых, в отличие от аналогичных репрессий у коммунистов, как явления военного времени, безусловно временные впрямь до установления законной твёрдой власти, а не как постоянные институты, присущие социально-экономическому строю. Главными военными мероприятиями белых, в ходе которых они широко применяли порки и расстрелы, были мобилизации в армию и подавления крестьянских восстаний.

И неохотный отзыв определённой части крестьянства на белые мобилизации, и восстания крестьян против белых были связаны прежде всего с аграрной политикой белых правительств. Главная трагедия войны 1917-1920 годов заключалась, на наш взгляд, в том, что руководители белого движения проводили антикрестьянскую аграрную политику, сами того не понимая, не видя, что это — антикрестьянская аграрная политика. Эта аграрная политика уходила своими глубокими историческими корнями в давние социально-экономические верования большинства русской интеллигенции XIX-XX века о социалистической природе крестьянства, о предпочтительности общины для крестьян, о крестьянском желании социализации земли, об отрицательном отношении крестьян к частной собственности на землю, — в верования, а точнее в интеллектуальное ослепление, абсолютно противоположное реальной истории многодесятилетней борьбы крестьянства за земельную собственность. Осуществляя эти социалистические интеллигентские верования, либеральное Временное правительство провело 28 июля 1917 года самое, на наш взгляд, реакционное мероприятие в русской истории — отменило действие аграрной реформы П.А. Столыпина, запретило крестьянам покупку и продажу земли и привело в невесомое состояние всю накопленную трудом крестьянских поколений частную крестьянскую земельную собственность.⁴ Ни один общественный деятель ни правого, ни левого направления, ни одна политическая партия, ни одна организация не возвысили голос протеста против этого тоталитарного закона,

4. "Вестник Временного правительства". Пг., 1917, No. 117 29 июля, с.1. "Собрание узаконений". Пг., 1917, отдел 1, статья 1242.

устанавливающего в России "азиатский способ производства"; никто не указал, что теперь Россия обречена на углубление социализма — на коммунистический путь.⁵

Враждебную крестьянству аграрную политику Временного правительства продолжали впоследствии все образовавшиеся на территории России правительства, с той существенной разницей, что коммунисты делали это вполне целенаправленно и сознательно⁶, а руководители белого движения — без ясной цели и вполне бессознательно. Вожди белого движения были профессиональными военными и в аграрном вопросе полностью полагались на своих политических советников, на Юге — либералов, конституционных демократов (кадет), на Востоке — социалистов-революционеров (эсеров).⁷ Обе названные крупнейшие и влиятельнейшие партии в своих программах провозгла-

5. Крестьяне протестовали, но не было политической группы для защиты их интересов. Когда делегация русских и узбекских крестьян Туркестана 24 августа 1917 просила министра-председателя А.Ф. Керенского отменить антикрестьянский закон, Керенский предупредил, что если бы волнения "где-нибудь произошли, будут приняты самые суровые меры". Цит. по: Г. Сафаров. Колониальная революция. М., 1921, с. 58.

6. В.И. Ленин, очевидно исходя из статистики о количестве крестьянских дворов, укрепивших в годы столыпинской реформы землю в частную собственность, летом 1918 года просто разметил, что 2 000 000 крепких крестьянских семей должны быть беспощадно истреблены. См.: В.И. Ленин. Полн. собр. соч., том 37, с. 40-41. Демографические итоги войны 1917-1920 годов показывают, что это и было осуществлено в порядке демографической развёрстки.

7. По Югу см. прекрасное современное западное исследование: Peter Kenez. *Civil War in South Russia, 1919-1920*. Stanford, Ca., 1977, pp. 86-94.

По Сибири см. единственную обильно документированную работу: В. Аверьев. Аграрная политика колчаковщины. — ж. "На аграрном фронте". М., 1929, кн. 6, с. 24-45, кн. 8, с. 23-44. Руководителем аграрной политики у Колчака был известный эсеровский экономист Н.П. Огановский, впоследствии работавший в СССР по подготовке коллективизации крестьянства. Только в 1920 году, когда белое движение уже было разбито, генерал П.Н. Врангель пригласил в качестве руководителя экономической политики старого царского чиновника А.В. Кривошеина, они провели земельную реформу в столыпинском духе и дали крестьянам землю в полную частную собственность, — и произошло чудо: из обломков возродилась Русская армия, крестьяне охотно шли в неё, Крым обещал превратиться в своего рода русский Тайвань, если пользоваться современной аналогией. Но белому Крыму противостояла Красная армия в 5,5 миллионов солдат, и было уже поздно.

силы общинное землевладение и принудительное отчуждение частной земельной собственности, включая и крестьянскую; кадеты, дополняя свою программу, в революционном энтузиазме 1917 года пошли даже дальше эсеров и провозгласили запрещение крестьянской земельной аренды (то есть пошли дальше коммунистов, во время НЭПа разрешавших крестьянскую аренду земли); в длинном списке гражданских прав населения в эсеровской и кадетской программах отсутствовало одно — основополагающее! — право частной собственности на землю.⁸

Проводя в принципе социалистическую аграрную политику, белые правительства могли оттолкнуть от себя все слои крестьянства в массе, но были социальные, этносоциальные и исторические группы внутри крестьянства, которые сильнее испытали на себе месяцы кровавого коммунистического истребления, и эти группы, несмотря ни на что, в большинстве пошли за белыми военными руководителями или даже, можно сказать, опередили белое движение, поскольку свергли советскую власть самостоятельно, выдвинули из своей среды офицеров и генералов и — в одном случае, на Юге, — влились в немногочисленное собственно белое движение, а в другом случае — в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке — просто создали белое движение. Эти группы — *казачество* Дона, Кубани, Терека, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское, Енисейское, Иркутское, Семиреченское, Забайкальское, Уссурийское, Амурское, и *крестьяне-старожилы* Сибири, Степи и Туркестана. Удивительно, что только во второй половине 1970-х годов и только единственный (и выдающийся) западный исследователь, Питер Кинез, проанализировал простой и очевидный факт: казачество составляло массу белых армий, белое движение

8. Аграрные разделы опубликованных партийных программ эсеров и кадет см.: "Спутник избирателя в Учредительное Собрание". Пг., издание юридического отдела Петроградского областного комитета Всероссийского Союза городов 1917, с. 34-35, 77-80. Из 1981 года трудно поверить, каково было антикапиталистическое, антисобственническое, антикрестьянское ослепление русских либералов в 1917-1919 годах, тем более, что среди них были и очень консервативные экономические мыслители — П.Б. Струве, А.С. Изгоев; но миф о "мужике-социалисте" ослепил тогда всех, кроме Л.А. Кроля.

Антикрестьянский миф сильно исказил и идеи сборника "Из глубины".

было по своему социальному составу — прежде всего казаческим движением, казачество вынесло на себе 3 года антикоммунистической белой войны, и погибло.⁹

В Сибири и Степи огромную роль в создании и борьбе белого движения сыграли также рабочие-повстанцы Урала и Прикамья, и старожильческое (свыше 10 и 15 лет на месте) крестьянство. Эти социальные группы были сильнее задеты террористической политикой коммунистов и меньше задеты социалистической аграрной политикой белых правительств, так как и все казачьи войска и крестьяне-старожилы обильно владели землёй, и владели ею на общинном праве. Соответственно различные формы обобществления по ним ударили меньше.

Пострадали от белой аграрной политики прежде всего *крестьяне-новосёлы*, столыпинские переселенцы Сибири и Степи, и крестьяне-собственники, хуторяне и отрубники Юга и Украины, так называемые "кулаки"; именно эти наиболее экономически консервативные группы крестьянства сформировали *зелёное движение*, и воевали против красных и против белых, не шли по белым мобилизациям; именно они, а не только и не столько Красная армия, разгромили и в Сибири, и на Украине казачьи и старожильческие белые армии и белые рабочие дивизии.¹⁰

Направленное против красных и против белых, *зелёное*

9. Peter Kenez. Op. cit., pp. 110-139. По Уралу и Сибири см.: Б.Б. Филимонов. На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 года. Шанхай, 1934, с. 13-148. А.В. Зув. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. 1918-1922 гг. Харбин, 1937. И.Г. Акулинин. Оренбургское казачье Войско в борьбе с большевиками. 1917-1920. Шанхай, 1937. В.С. Толстов. От красных лап в неизвестную даль. Константинополь, 1921. И.Г. Акулинин. Уральское казачье войско в борьбе с большевиками. — ж. "Белое дело". Кн. П. Берлин, 1927, с. 122-147. А.А. Кириллов. Сибирская армия в борьбе за освобождение. — ж. "Вольная Сибирь". Кн. IV. Прага, 1928, с. 36-68.

10. Перечислим только наиболее важные источники и литературу: Е.Е. Колосов. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923, с. 9-55, 105-145.

В. Эльпин. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака. — ж. "Пролетарская революция". М.-Л., 1926, кн. 2 (49), с. 5-48, кн. 3 (50), с. 51-82. И. Грушин. Борьба с колчаковщиной в Кустанае. — там же, 1926, кн. 9 (56), с. 150-192. Генерал Г.Х. Эйхе. Опрокинутый тыл. М., 1966, с. 84-356. Д. Кин. Крестьянство и гражданская война. — ж. "На аграрном фронте". М., 1925, кн. 11-12, с. 123-

движение, несмотря на наличие в нём коммунистических и анархических руководителей и коммунистических и эсеровских агитаторов, было как по социальному составу, так и по экономической и политической программе глубоко консервативным движением, стоявшим не налево, а направо от белых. Приведём для иллюстрации характерную прокламацию, которая распространялась в одном из крупнейших антибелых повстанческих районах 1919 года — в Минусинском уезде Енисейской губернии:

“Пора кончить с разрушителями России, с Колчаком и Деникиным, продолжающими дело предателя Керенского. Надо всем встать на защиту поруганной Святой Руси и русского народа. Во Владивосток приехал уже Великий Князь Николай Николаевич, который и взял на себя всю власть над русским народом. Я получил от него приказ, присланный с генералом, чтобы поднять народ против Колчака. Ленин и Троцкий в Москве подчинились Великому Князю Николаю Николаевичу и назначены его министрами. Призываю всех православных людей к оружию.

За Царя и Советскую власть!

Штабс-капитан Щетинкин.”¹¹

Вот этих зелёных крестьян и расстреливали и пороли в карательных экспедициях казачьи и крестьянские отряды, посланные белыми правительствами на мобилизации и подавления.

“Как снег на голову скатились на нас добровольцы. Объявляют сразу мобилизацию. На кого нас мобилизуют, за что будем мы сражаться — никто не знает. Ну, и решили мы на мобилизацию не идти. Живём мы в горах, в стороне. Слышим, разгромили деникинцы Пластунку и идут к нам. Взяли мы винтовки, засели в горах. Подошёл их отряд. Мы дали залп, другой — побежали “кадеты” и пулемёт бросили. После этого позвали нас в Сочи на съезд. Построили нам ловушку, а мы в неё попались. Объявили нам в Сочи, что Деникин-де друг крестьян, что моби-

130. Н.Н. Воронович. Меж двух огней. Записки зелёного. — “Архив русской революции”. Том VII. Берлин, 1922, с. 165-182, 321-334. “Зелёная книга. История крестьянского движения в Черноморской губернии. Сборник материалов и документов”. Прага, 1921, с. 6-163.

11. Генерал К.В. Сахаров. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923, с. 158-159.

лизация отменяется и что нам позволено жить и мирно работать. Мы поверили, успокоились, вернулись домой и работаем. Вдруг нагрянули стражники, арестовали двоих мужиков и на наших глазах шомполовали их нагретыми на огне шомполами. За что? — спрашиваем. — Вы, говорят, зелёные. — Через день опять приезжают, требуют оружия. Погнали мы их из деревни, а за ними, оказалось, идёт белый отряд полковника Петрова. На пути его деревня Суэтха. Первого встречного спрашивает: где зелёные? — Не знаю. — Ах, не знаешь — 50 шомполов! Следующее селение Отрадное. Те же вопросы. За незнание двоих расстреляли, а одну женщину насмерть шомполами забили. Так прошёл полковник Петров по всему нашему району, убивая людей, забирая скот и кукурузу. После него похоронили мы 21 мужчину и 2 женщин, расстрелянных и зашомполованных насмерть "кадетами".¹²

Таких документов можно приводить множество. В некоторых повстанческих уездах Сибири казаки перепоролы значительное число мужчин и женщин, которые не успели уйти в тайгу. Особенно прославились жестокостями и порками семиреченские и семипалатинские казаки из отрядов атамана Анненкова, подавлявшие зелёных в казахской Степи и в Южной Сибири.

Однако следует отметить два важных момента. Во-первых, зелёных партизан и население повстанческих районов далеко не всегда удавалось выловить: на Кавказе уходили в горы, в Сибири — в тайгу, а сил для преследования у белых не было.¹³ Во-вторых, белые военные командования и белые правительства крайне отрицательно относились к эксцессам казачьих и других подавительных отрядов, но не могли с ними справиться. Казачьи отряды, полностью подчинявшиеся только своим окружным, станичным и походным атаманам, были фактически неуправляемы, и казачьи генералы Анненков, Красильников, Волков, Катанаев, Семёнов в Сибири, Шкуро, Улагай, Покровский на Юге практически не подчинялись Колчаку и Деникину, не говоря уже о гражданских руководителях правительств. Это

12. Доклад делегата Волковского района крестьянина Потарина. — "Зелёная книга", с. 29-30.

13. Е.Е. Колосов. Ук. соч., с. 131.

явление вошло в историю под именем "атаманщины". В конце концов, белые армии оставались в значительной степени конгломератом казачьих и крестьянских повстанческих отрядов.

Адмирал А.В. Колчак и его военные губернаторы Розанов и Артемьев издавали строжайшие приказы отрядам, направляемым в повстанческие зелёные районы:

"В населённых пунктах надлежит организовать самоохрану из надёжных жителей.

Требовать, чтобы в населённых пунктах местные власти сами арестовывали, уничтожали агитаторов, смутьянов." Если население сообщает о зелёных, никаких расправ не производить, "в противном случае на всю деревню налагать денежный штраф", этим ограничиваться.

"В подчинённых вам частях установить суровую дисциплину и порядок. Никаких незаконных действий, грабежей, насилий не допускать. С уличёнными расправляться на месте, пьянство искоренять, пьянствующих наказывать, отрешать, карать.

Начальников, не умеющих держать вверенные им части на должной высоте, отрешать, предавая военно-полевому суду за бездействие власти".¹⁴

Этот и многие подобные приказы белых командований, как правило, не выполнялись.

Руководители белого движения, выросшего из противокommунистического казачьего и крестьянского повстанчества, осознавали, что конфликт между различными частями подвластного им крестьянского населения переходит в катастрофическое стихийное бедствие и обрекает белое движение на гибель; но по всем имеющимся документам очевидно, что белые руководители не могли осознать природу этого конфликта — собственную аграрную политику, превратившую дореволюционные экономические противоречия между казаками и крестьянами, между старожилами и новосёлами-переселенцами — в войну за землю; и даже не за саму землю как вещь — поскольку земли в Сибири и на Юге как раз хватало всем, — а за формы землевладения. Казаки и старожилы, восставшие против коммунистов, защищали просто статус-кво, не будучи, конечно,

14. Цит. по: Е.Е. Колосов. Ук. соч., с. 128.

противниками частной земельной собственности, если бы белые правительства поддержали таковую; лишившиеся земли в результате коммунистической и не отменённой, а лишь видоизменённой белыми социализации частнособственнические крестьяне и новосёлы восставали против всех, кто социализацию проводил, — в том числе и против соседей — казаков и старожил.

Соответственно неуправляемая патриархальная казачья и старожильческая стихия стала свирепствовать при мобилизациях и подавлениях в районах жительства и борьбы крестьян-собственников и новосёлов-переселенцев.

И к истории казачьей стихии и казачьей патриархальной традиции и сводится вопрос о порках при белых.

Пороли крестьян, конечно, не столичные интеллигенты, принимавшие участие в белом движении, и не гражданские власти (ниже увидим, как обстояло дело у коммунистов), и не гвардейские офицеры, и не офицеры и солдаты обычных русских полков. Пороли крестьян — казаки. Но прежде всего казаки пороли — казаков.

Порка была патриархальной и традиционной казачьей институцией, имевшей в сознании казачества не только и не столько репрессивное, сколько педагогическое значение. Казаки исчезли с лица российской земли после 1920 года, они истреблены коммунистами (остатки культивируются для интуристов в шолоховских местах; а от 13 раскинувшихся по российским окраинам некогда многочисленных миллионных казачьих войск — ничего не осталось). С исчезновением казачества провалилось в историю, что это был этнически сложно-составной особый народ, со своим собственным национальным самосознанием, создающим национальную уникальность на Земле. Многие казачьи обычаи могут с точки зрения других традиций рассматриваться как варварство, — например, порка; но столь же варварской показалась бы казакам такая распространённая в XIX веке в Европе репрессия, как гражданская казнь у позорного столба.

Порка как раз не воспринималась казаками как унижение человеческого достоинства, и вольный дух казачества предпочитал порку длительному тюремному заключению, каковое

казалось невыносимым.

Порка была в традиционном обычном праве казаков единовременной и окончательной репрессией, после совершения которой наказанный снова становился полноправным членом общества.

В годы войны против коммунистов казаки беспощадно пороли членов собственных станичных сообществ, которые отказывались принимать добровольное участие в борьбе или помогали большевикам. И точно по тому же обычному праву, без малейшего желания унижить казаки пороли остальных крестьян в районах, выступавших против белых, — то есть, по казачьему сознанию, в районах, выступавших против казаков в их смертельной борьбе против истребляющего их коммунистического врага.

Психологическое воздействие порки как не унижающего, а отрезвляющего казачье сознание действия, передаёт примечательный эпизод из истории Уральского казачьего Войска весной 1919 года:

“Со времени выбора Войскового Атамана (11 марта 1919 — М.Б.) начинается второй период борьбы Уральцев за независимость. К этому времени красные войска были в Лбищенске. Разрозненные же казачьи части и остатки учебных полков находились в Мергенева.

Красные прислали делегатов, из них главный был Конде, из французов, и в одном из домов был устроен митинг. Вот вам, по свидетельству есаула И.Д. Яганова, описание того, как развернулись события.

Штаб армии, находившийся в Сахарновской станице, узнал заранее о предстоящем митинге и выслал полусотню юнкеров под командой есаула М.Е. Мясникова, которая должна была, не доходя Мергенева, ждать дальнейших приказаний. В 4 часа утра 20 марта 1919 вышла вторая полусотня юнкеров под командой хорунжего, в то время, И.Д. Яганова со взводом конной батареи и присоединилась к первой полусотне. В это же время прибыл в автомобиле Атаман (генерал В.С. Толстов — М.Б.) и заявил: “Я выбран Атаманом, в Войске завелась зараза, я хочу её вырвать с корнем.”

Сел в автомобиль с начальником штаба Моторновым и быстро поехал в Мергенев, за ним наметом шла полусотня юнкеров с хорунжим Ягановым и полковником Кирилловым. По

приезде в Мергенев, полусотня окружила здание, где происходил митинг и где Конде предлагал прекратить войну и признать советскую власть. Когда вошли туда незаметно Атаман с Моторновым, как оратор выступал диакон Горячинского посёлка казак Спирин. Спирин убеждал казаков сдаться, что невозможно драться со своими братьями солдатами и прочее. Один казак сказал на все эти речи, что у нас теперь выбран Войсковой Атаман и что с ответом нужно подождать до его приезда сюда. Спирин снова продолжал: "Довольно проливать кровь, против кого воюем? что нам Атаман? он разъезжает себе по Гурьевам и пьянствует".

При этих словах Атаман Толстой вышел на середину и громко крикнул: "Я Атаман, расстрелять их сейчас же!" Юнкера моментально схватили Спирина и трёх советских делегатов и на дворе их расстреляли. Перед расстрелом Спирин упал на колени и просил пощады, тогда как Конде вёл себя мужественно и сказал: "Что ж, умрём, но знайте, что в конце концов мы победим".

Всех же остальных, бывших на митинге разделили на две партии. Оказывается, ранее были посланы туда казаки учебных полков, всегда верных казачеству, чтобы узнать, кто из присутствующих сочувствует большевикам.

Атаман подошёл к группе сочувствующих и приказал им вырыть во дворе яму, настолько большую, чтобы они все туда поместились. Момент был жуткий. Но эту угрозу в исполнение он не привёл.

После того, как расстрелянные (4 человека — М.Б.) были похоронены, всем сочувствующим дано было по 100 плетей, а всем остальным по 25.

Это событие имело громадное значение в истории Войска во время гражданской войны. Сейчас же было отбито наступление красных на Мергенев и произошёл первый Лбищенский бой, когда красные были разбиты наголову и территория до самого Уральска была очищена.

Теперь уже и фронтовики взялись за оружие как следует. Организовались великолепные полки. Произошло много блестящих боёв, в большинстве из них красные разбивались наголову".¹⁵

Следует в завершение подвести некоторые статистические

15. Л. Масынов. Гибель Уральского казачьего Войска. Нью Йорк, 1963, с.124 - 125.

итоги, которые будут неизбежно неполны при простом следовании данным немногочисленных источников, но которые могут быть дополнены допущениями.

В 1923 году, после широкой пропагандной кампании в советской печати об итогах Генуэзской конференции, была создана представительная научная комиссия специально для подсчёта жертв и убытков населения СССР в годы войны 1917-1920 годов от белых, интервентов и от всех внутренних сил, имевших хоть малую материальную поддержку зарубежных государств.¹⁶ Как видно, согласно программе работы комиссии, она не учитывала жертвы населения от зелёных партизан, кроме жертв от армии Украинской Директории под командованием С.В. Петлюры (поскольку Украинская армия имела некоторые связи с французским командованием в Одессе). Комиссия абсолютно не учитывала также жертвы населения от противокommунистических народных повстанцев, в многомиллионных, в совокупности по числу участников, восстаниях на коммунистических территориях, так как эти восстания не были связаны с зарубежными силами. И конечно, комиссия совершенно не учитывала число жертв населения от самой коммунистической стороны, независимо от того, с кем и как эта правящая сторона была связана. Это была, разумеется, официальная комиссия, хотя она была составлена из видных академических деятелей: В.Н. Ипатьев, Н.С. Державин, Г.Д. Красинский, М.П. Кристи, А.В. Кубицкий, Н.Я. Марр, А.В. Филиппов, А.И. Швецов, Б.С. Швецов, В.П. Волгин и др.¹⁷

Комиссия работала 5 лет, имела в своём распоряжении разветвлённый и многочисленный аппарат, который через печать обращался к населению предъявлять индивидуальные и коллективные жалобы, последние рассматривались, группировались по районам и категориям жертв и убытков, и по итогам 1 335 000 предъявленных личных и имущественных претензий комиссия составила и опубликовала статистический отчёт. По итогам этого отчёта можно судить о порядковых величинах жертв от бе-

16. Потери населения СССР от интервенции. — "К десятилетию интервенции. Сборник статей." М.-Л., 1929, с. 233-234.

17. Там же, с. 234-237.

лых, интервентов и петлюровцев, вместе взятых. За 1917-1920 годы:

убито и замучено, а также умерло вследствие воздействия названных военно-политических сторон	111 730 человек;
выпорото, избито, понесли увечья, пострадали от насилий	112 805;
изнасиловано женщин	3 116. ¹⁸

Повидимому, эти числа неполны. Значительное число изнасилованных женщин, скорее всего, не заявляло спустя годы о происшедшем. Также и большое число выпоротых и избитых, вероятно, не предъявляло жалоб. Тысячи убитых и замученных не могли быть учтены во многих случаях, когда в те же годы или впоследствии погибли и вымерли семьи, и некому было заявлять.

С другой стороны, официальная советская комиссия не имела никаких причин занижать показатели жертв населения от прямых противников коммунистов.

Тем не менее, автор этих строк склонен считать предложенные комиссией итоги значительно заниженными. По разрозненным региональным источникам, относящимся ко всем частям России и СССР, мы определяем число погибших мирных жителей (не считая павших в бою красноармейцев и зелёных партизан) только от белых, не считая интервентов, — до 200 000 человек.

Трудно даже приблизительно определить, сколько человек было выпорото и избито белыми. Вероятно, численность выпоротых в полтора или два раза выше численности убитых белыми, но это лишь грубая и поверхностная оценка, за отсутствием исчерпывающих источников.

Во всяком случае, мы приходим к выводу, что все эти порки были, как это ни парадоксально, спасением жизни людей. Попросту говоря, пороли тех, кого не расстреливали, хотя рассматривали как прямых военно-политических противников казачества.

В этом смысле рассматривавшееся в начале данной статьи противопоставление: "красные расстреливали, белые пороли",

18. Там же, с. 243.

приобретает важное демографическое содержание. В других, более подробно разработанных опытах исчислений, мы опубликовали статистические итоги истребления мирного населения коммунистической стороной: от подавления областей и районов народных противокommунистических восстаний, от красного террора, от организованного коммунистами голода (о методах организации голода см. выше в примечании 3) погибло свыше 12 000 000 человек мирного населения, или 8,2% исходного предреволюционного населения в послереволюционных границах СССР.¹⁹

200 000 погибших мирных жителей и 12 000 000 погибших мирных жителей — таковы для сравнения итоги белых и красных расстрелов; дополнительно надо иметь в виду, что в число истреблённого коммунистами мирного населения входит значительная доля женщин и детей и что все эти расчёты заканчиваются на осени 1920 года. После этой даты белых расстрелов населения больше не было, а коммунистическое истребление населения продолжалось ещё сквозь годы и десятилетия.

2. Порка у народных противокommунистических повстанцев.

Хотя в народных восстаниях против коммунистического режима участвовали в течение 1917-1922 годов в общей сложности несколько миллионов человек — вооружённых бойцов и невооружённых крестьян, но собственно повстанческих документов сохранилось немного, и при изучении хода восстаний и внутреннего повстанческого быта приходится в основном пользоваться документальными материалами подавительной стороны, то есть коммунистическими источниками. Такие источники дают богатую информацию о ходе восстаний и подавлений, но редко могут рассказать о порядках в повстанческих зонах, о внутреннем быте. Тем не менее, по отдельным так или иначе сохранившимся материалам можно заключить, что порка

19. М. С. Бернштам. "Вестник РХД". Париж, кн. 128, с. 323-327; кн. 131, с. 308-311, 318-319. Подробно разработанные и несколько уточнённые исчисления будут представлены в завершаемой нами книге "Демографическая революция в СССР, 1917-1920."

применялась в ряде повстанческих районов как мера дисциплинарного наказания.

Так, в 1920-1921 годах в крупнейшем восстании крестьян, охватившем значительные территории Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Пензенской и Рязанской губерний с несколькими миллионами поддерживавшего повстанцев населения и с 50 000-60 000 организованных и вооружённых крестьянских партизан, были созданы пехотные и кавалерийские повстанческие полки регулярного типа, и руководившим восстанием Союзом Трудового Крестьянства был выработан дисциплинарный устав.

“Основной мерой наказаний в дисциплинарном уставе определена — порка (от 2 ударов плетями властью отделенного до 20 полкового командира и выше по суду), следующая мера — расстрел. Борьба с мародёрством, пьянством, картёжной игрой, судя по приказам, проводилась упорно, но не давала никаких результатов.”²⁰

Так передаёт события руководитель коммунистического подавления В.А. Антонов-Овсеенко в подробном отчёте на имя ЦК РКПб и В.И. Ленина, отчёт сохранился в находящемся в Гарварде архиве Л.Д. Троцкого. Пересказ противника, конечно, тенденциозен, но из него можно заключить, что порка применялась не в отношении мирного населения, а исключительно в отношении самих организованных по регулярному принципу партизан. Наоборот, в отношении мирного населения командование следило, чтобы бойцы не чинили насилий, и строго наказывало бойцов за насилия — вплоть до расстрела. Конечно, навести полный порядок повстанческое командование в тех условиях не могло.

По-видимому, это довольно типичная картина относительно порки у повстанцев. Мирное население, то есть своих же родственников и соседей, повстанцы, очевидно, не пороли.

Можно заключить, что варварский обычай порки населения присутствовал на противокommунистической стороне только в

20. В.А. Антонов-Овсеенко. О бандитском движении в Тамбовской губернии. — “The Trotsky Papers. 1917-1922”. Ed. Jan M. Meijer. Vol. 11. Paris, 1971, p. 502.

одном специфическом случае: он был связан со своеобразными традициями казачьих Войск. Но и в этом специфическом случае он не содержал установки на психологическое воздействие на достоинство человека, не направлен был на унижение человеческой личности и не использовался как специальный инструмент унижения и подавления человеческой психики.

3. Порки рабочих и крестьян коммунистами.

История порок населения при коммунизме до сих пор не привлекала ни общественного внимания, ни интереса исследователей, и это само по себе показательно. Вместе с тем, анализ этого исторического сюжета может осветить малоизвестные стороны природы коммунистического режима.

Массовые расстрелы и порки мирного населения, в том числе рабочих, проводились коммунистическими властями с самого начала революции. Весной 1918 года они уже широко были распространены на заводах Урала. В Нижнем Тагиле, Нижних Сергах, Белорецке, Кизеле, Златоусте, Багаряках и практически на всех остальных уральских заводах и заводских посёлках рабочих беспощадно расстреливали и пороли весной 1918 — просто в порядке установления и закрепления советской власти.²¹

“Расстрелы, карательные экспедиции, телесные наказания стали явлением по заводам Урала обычным. Нет ни одного завода, куда бы ни посылались карательные отряды. И всюду они действовали *по одному шаблону*: приезжали в завод, выставляли пулемёты и начинали палить, а затем производили обыски, аресты, расстрелы и порку, самую настоящую доподлинную порку”.²²

Таким образом, мы имеем здесь дело с установлением карательной институции порки, проводящейся в порядке узаконенной системы. Порка становится способом “триумфального шествия советской власти”.

В течение второй половины 1918 года триумфальное шествие

21. Старый Урален. Вести с Урала. — газ. “Новая жизнь”. Пг., 1918, № 84 (299), 8 мая (25 апреля ст.ст.), с. 4.

порки по всем губерниям и уездам подсоветской России становится, наряду с расстрелами и продовольственными реквизициями, систематическим способом подавления крестьянства и подчинения крестьян коммунистическому режиму.

“В редакцию “Правды” поступают с разных концов России, из деревень и захолустных городов, сообщения, рисующие неприглядную картину: крайнюю запуганность населения и в то же время — разнузданность то местных, то наезжих советских, а подчас и партийных деятелей. За недостатком места в газете нет возможности печатать все такие сообщения, Но для образца делаю выдержку из доклада московского товарища, ездившего по партийным и советским делам в Макарьев.

Этот городишко стоит за 55 вёрст от железной дороги, среди лесов. И сидит без дров. За отсутствием фуража и продовольствия лесные артели не работают. Население голодает; только продовольственники получают усиленные порции.²³

Годовщина революции прошла недурно, но беда, что коммунисты злоупотребляли спиртными напитками. А после праздника разразилось восстание крестьянской массы во многих волостях.

... Слышится: “в старое время становые на мужиках ездили, а

22. Там же.

23. Вставное примечание М.Б.: История коммунистических продовольственных органов, в отличие от органов ЧК, ещё не подверглась научному анализу, хотя органы создания искусственного голода унесли не меньше народных жизней, чем собственно ЧК. Важно при этом отметить, что, в отличие от ЧК, продовольственный аппарат по своему внешнему виду вовсе не состоял из фанатичных коммунистов и профессиональных садистов и палачей. В центральном продовольственном аппарате в Москве — Наркомпроде — был только 1% коммунистов и 99% беспартийной интеллигенции: 29 коммунистов на 2 996 работников. (“В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. 1917-1922 гг.” М., 1975, с 334). Очевидно, это профессиональные экономисты, статистики, социологи и другие “буржуазные” специалисты, а не безграмотный нарком А.Д. Шюрупа, разработали, как организовать крестьянский голод в экспортирующей хлеб России. Роберт Витакер недавно остроумно заметил, что стоит только объективно заговорить о крестьянстве и его антисоциалистических тенденциях, и указать при этом на социализм определённой доли интеллигенции, сразу же сыпятся обвинения в “народничестве” и “интеллигентофобии”. Как прекрасно сформулировал проф. Самюэл Маккрекен, “культурный и идеологический империализм Элитарной Левоы является одной из величайших нерассказанных историй нашего времени”. (“National Review”. New York, 1981, vol. XXXIII, No. 5, March 20, p. 281).

теперь коммунисты катаются". Коммунист, заведующий кино-театром, заставил мужика перенести его через грязь под угрозой расстрела.

... При таких условиях мало помогут всякие ревизоры и люди, посланные из центра: прибавятся только лишние бюрократы и лишняя опасность проникновения мерзавцев".²⁴

"16 декабря 1918 в Москву прибыла экстренная делегация от Исполкома из Никольска: тов. А. Носков, Ордин и Верония. Они привезли материалы, ярко свидетельствующие о том, что органы советской власти своими преступными действиями сами вызывают крестьянские восстания.

В Никольский уезд был послан 1-й Вологодский продовольственный отряд. Руководитель отряда Михайлов, как видно из протоколов Исполкома, заявил:

— Разговаривать с населением и давать какие бы то ни было справки и разъяснения гражданам я не желаю, всех их считаю кулаками, считаться в чём-либо с ними я не буду, и мы одну за другой сметём все деревни.

Началось беспощадное выколачивание хлеба — не излишков, а последнего. В Аргуновской волости крестьяне хотели устроить собрание. Идущих на собрание разгоняли выстрелами. Произошло восстание, во время которого убиты Михайлов, два красноармейца и один крестьянин... Восстание возглавлялось не кулаками, а беднейшими слоями волости, оно лишено политической окраски и вызвано лишь боязнью беднейших крестьян лишиться последних запасов хлеба.

Иначе посмотрели на дело члены Чрезвычайной Комиссии, посланной в уезд продовольственниками. Вскоре стали доходить в город вопиющие сведения о работе этой комиссии; Исполком послал свою комиссию, которая установила факт бесчеловечного обращения чрезвычайников с крестьянами: крестьян массами запирали в холодный амбар, раздевали догола и избивали шомполами так, что вся спина покрывалась кровоподтёками.

Комиссия Исполкома арестовала членов Чрезвычайной Комиссии Гольберга, Анискина и Ознынова. После этого на партийном собрании тов. Хлюстов, защищая арестованных, заявил:

— Когда нас посылали из Центра, то говорили, чтобы мы

24. М.С. Ольминский. В глуши. — газ. "Правда". М., 1918, № 281, 25 декабря, с. 1.

лучше пересаливали, чем недосаливали, что и было в Аргунове”.²⁵

“Расследования, которые местные и центральные власти производят в связи с белогвардейскими кулацкими восстаниями, дают чрезвычайно любопытный материал о наших собственных промахах, ошибках и преступлениях.

Одно из недавних восстаний произошло в Костромской губернии. Материал, собранный советской комиссией, расследовавшей деятельность волостного Совета села Урени, даёт потрясающую картину, несомненно типичную для кой-каких других углов нашей провинции.

Председатель Уренского Исполкома Рехалев и его ближайшие помощники из Совета делали всё возможное, чтобы восстановить население против советской власти. Сам Рехалев часто находился в нетрезвом виде, нередко наносил побои местным жителям. Избиение просителей в Совете было вешью заурядной. Такие же избиения производились и по деревням. В деревне Березовка, например, крестьяне избивались не только кулаками, но и палками. С избитых снималась обувь, и они сажались в погреб на снег.

Но в Уренском крае отличался не только Рехалев с компанией, но и члены Варнавинского Исполкома Галахов, Морев, Мохов и др. Особенно ярко проявили они себя во время реквизиции хлеба. Эти реквизиции были, в сущности, простым грабежом, во время которого пускались в ход нагайки, обвитые проволокой.

Многочисленные показания свидетелей, проверенные советской комиссией, рисуют яркую картину насилий.

Подъезжая к какой-нибудь деревне, отряд Галахова и Мохова открывал стрельбу из пулемётов, чтобы испугать жителей. Мужикам приходилось надевать по пять или более рубах для того, чтобы не ощущать порку, но и это мало помогало, так как плети были свиты из проволоки и случалось, что после порки рубахи врезались в тело и так засыхали, что приходилось отмачивать тёплой водой.

Мохов, по словам красноармейцев, приказывал в буквальном смысле грабить всё население. (...)

Особую энергию в деле избиения проявил этот Мохов, председатель следственной комиссии. По словам одного из красноармейцев, Мохов дал общую инструкцию такого рода: “Если

25. М.С. Ольминский. Держиморды под советским флагом. — газ. “Правда”. М., 1918, № 276, 19 декабря, с. 1.

крестьяне не будут нас слушаться, то чтобы не церемонились с ними и били чем попало”, — и красноармейцы исполняли приказание.

Другой красноармеец рассказывает: “Мохов приказал, чтобы мы всыпали арестованным крестьянам, то есть хлестнули нагайкой, заявив, чем таскать их с собой, так всыпьте им, пусть помнят Советскую власть!” (...)

Как часто раздаются с мест те вопли, которые, например, дошли до нас из одной из волостей Костромской губернии: “Нас губят, — пишет один волостной сход, — насилуют нашу волю, над нами издеваются, как над бессмысленным скотом”.²⁶

В начале 1919 года центральная и местная советская печать помещала сообщения такого рода:

“Коммунисты в Тамбовской губернии, в Спасском уезде, всё отбирают у трудового крестьянства; за возражения — арест, избивание и расстрел”.

“В Бельском уезде Витебской губернии порют крестьян по постановлению Исполкома”.

“В Ливнах Орловской губернии — расстрел и порка за взнос половины налога”.²⁷

Бюллетени ЦК партии левых социалистов-революционеров в начале 1919 года и письмо лидера левых с.-р. М.А. Спиридоновой в ЦК РКПб содержат подборку писем и жалоб из различных мест России:

“Ставили нас рядом, — пишут в одном письме, — целую одну треть волости шеренгой и в присутствии двух третей лупили кулаками справа налево, а лишь кто делал попытку улизнуть, того принимали в плети”.

26. В. Керженцев. Пособники контрреволюции. — газ. “Известия ВЦИК”. М., 1919, № 15, 22 января, с. 1.

Серия разоблачительных статей М.С. Ольминского, П.М. Керженцева и др. в “Правде” и “Известиях” была связана с кампанией, проводившейся М.Ю. Козловским и Н.В. Крыленко в целях упразднения ЧК и передачи их функций Наркомюсту и Ревтрибуналам. Это была, в основном, ведомственная бюрократическая интрига, которой мы обязаны цитированными материалами. См. также: “В.И. Ленин и ВЧК”, с. 132-133, 144-145, 154-156.

27. Цит. по: И.З. Штейнберг. Нравственный лик революции. Берлин, 1923, с. 58-59.

“По приближении отряда большевиков, — свидетельствует другое письмо, — надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-трудолика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по несколько недель не ложились на спину”.

“Вязали нас и били, — говорит следующее письмо, — одного никак не могли усмирить, убили его... оставили нам много листов и брошюр, мы их пожгли, всё один обман и лесть”.

“Мы не прятали хлеб, мы, как приказали, по декрету, себе оставили 9 пудов на год на человека. Прислали декрет оставить себе 7 пудов, 2 пуда отдать. Отдали. Пришли большевики с отрядами, разорили вконец. Поднялись мы. Плохо в Юхновском уезде (Смоленской губернии — М.Б.), побиты артиллерией. Горят сёла. Сравнили дома с землёй”.

“В Спасском уезде Тамбовской губернии, в Ардатовском уезде Симбирской губернии, при взыскании чрезвычайного налога крестьян, упорствующих в неуплате наложенной на них суммы, опускают привязанных на верёвках в прорубь до трёх раз, раздев донага, катают по снегу, требуя денег”.

“Реквизиционные отряды и пр. начисто загнали трудовых мужиков. Творилось что-то невероятное. Грабили, били, пороли, насильничали, отбирали всё. Всегда вооружённые, пьяные, с пулемётами. Комиссара станцией чуть не избили, пригрозив бумажкой, которая, как они кричали, даёт им право ‘всё, что угодно, делать’. Характерно, что они при всех этих безобразиях нечленораздельно ревели: ‘что, контрреволюцию завели, нет, шалишь, мы всех вас, кулаков, вот как, к стенке — и готово’”.

“Зарегистрирована порка крестьян, — пишет М.А. Спиридонова по итогам полученных ею сообщений, — в нескольких губерниях, а количество расстрелов, убийств на свету на сходах и в ночной тиши, без суда, в застенках, за контрреволюционные выступления, за “кулацкие” восстания, при которых сёла в 15 000 человек сплошь встают стеной, — учесть невозможно”.

“В Тамбовской губернии в 40 волостях происходило совершенно тихийное восстание. Подавлялось самым бесчеловечным образом. Были пущены в ход броневики и удушливые газы.²⁸ Расстреливали невинных заведомо, о чём сознавались сами

28. Вставное примечание М.Б.: Химическое оружие неоднократно применя-

позднее: 'неудобно было отпустить, сказали бы, что мы боимся их, надо было поддержать авторитет и порядок'. Некоторые деревни артиллерийским огнём стёрты с лица земли. Ученье расстрелов нельзя".

"В Тверской губернии в 13 волостях в 7 дней расстреляно 200 человек... В Казанской: Советы разгоняют, поборы, чрезвычайки, восстания и усмирения. В Арской волости, Казанского уезда ставили подряд 30 крестьян и шашкой рубили, отрубили головы... В Смоленской губернии, в Велижском уезде — 600 человек расстреляно, пытки и всегда нагайка.

Воронежская, Костромская, Орловская — 1 000 расстрелянных... Порки производились во всех губерниях Западной области, также в Нижегородской, Казанской, Тверской, Псковской, Вятской, Тамбовской, Рязанской, Ярославской, Калужской, Тульской. Секут розгами, шомполами, палками и нагайками. Бьют кулаками, прикладами, револьверами, в Вязьме жгли огнём".²⁹

Многочисленные документы такого рода, поступавшие в ЦК РКПб и ВЦИК, очевидно, никак не рассматривались и, во всяком случае определённо оставались без ответа. Никаких мер по устранению террора и порок не принималось, и не могло приниматься, так как террор и порки были составной частью социально-экономической политики коммунизма в отношении крестьянства.

Эта политика была систематической и протягивалась сквозь годы. Выше приведены описания расправ над крестьянами Тамбовской губернии в 1918 начале 1919 года. Имеется свидетельство независимого источника о таких же точно массовых расправах в течение 1919 года и начала 1920 по той же Тамбовской губернии. Это документ, направленный группой членов партии правых социалистов-революционеров во ВЦИК, СНК и Президиум ВЧК в 1920 году. За недостатком места приводим его с незначительными сокращениями:

"Группа социалистов-революционеров, командированных

лось коммунистами в 1918-1920 годах при подавлениях народных восстаний. 20-21 июля 1918 при помощи химического оружия было подавлено крупнейшее восстание в Ярославле. См. "Приказ Чрезвычайного штаба Ярославского фронта". — "Известия ВЦИК". М., 1918, № 156, 25 июля, с. 2.

29. Цит. по: И.З. Штейнберг. Ук. соч., с. 59-62.

Поволжским бюро партии на обследование крестьянских беспорядков в Тамбовской губернии, считает своим нравственным и революционным долгом заявить, что в ноябрьских противосоветских восстаниях крестьян в Тамбовской губернии партия с.-р. и, в частности, её местные организации никакого участия не принимали. Заявляя через свои официозы о том, что означенные восстания являются результатом агитации партии с.-р., советская власть сознательно лжёт, стараясь замолчать и затемнить ту страшную правду, которая вызвала этот взрыв народного гнева. Не в 'предательской агитации эсеров', а в слепой, бездушно-жесточкой политике государственной власти, в её преступном презрении крестьянских нужд и потребностей нужно искать источники этого движения, повлекшего за собой тысячи жертв и кошмарные бедствия...

Советская власть путём целого ряда самых чудовишных и нелепых экспериментов над деревней не только не сумела организовать народное хозяйство и поднять его производительность, но ещё более углубила общественно-хозяйственную разруху и довела её до состояния неизбежной катастрофы.

С самых первых дней своего существования эта власть встала в непримиримо-враждебные отношения к деревне, и трудовое крестьянство вступило в бесконечную полосу контрибуций, реквизиций, денежных и натуральных повинностей и всевозможных мобилизаций. Все эти меры проводились и проводятся в жизнь без всякой закономерности и системы и почти всегда сопровождаются массовыми арестами, расстрелами, а иногда и поркой. С невероятно возрастающей быстротой деревня идёт к всеобщему непоправимому обнищанию...

Обещая в своих декретах всё, советская власть не даёт крестьянскому населению ничего и в то же время выжимает из деревни буквально последние соки на содержание Красной армии и миллионной своры советских чиновников. В результате такого положения сильно увеличилась заболеваемость и смертность среди крестьян; производительность их труда пала до минимума, и почти на одну треть сократилась посевная площадь губернии.

Исполнителями советских декретов и постановлений на местах являются главным образом комитеты бедноты, и им принадлежит роль первой побудительной причины в деле крестьянских волнений. Составленные при помощи приезжих агитаторов и местных ячеек, из хулиганских отбросов общества, игравших до революции в хозяйственно-политической жизни

деревни роль люмпен-пролетариата, густо разбавленные уголовным элементом, комитеты бедноты превзошли всё мыслимое в области административного разврата...

Поощряемые свыше, они поставили вверх дном всю организацию экономической жизни деревни, загнали под каблук пьяного красноармейца общественно-политическую мысль и отняли у крестьянина уверенность в завтрашнем дне...

Деревня бесправна и беззащитна. Она не знает, куда ей нести своё горе и жалобу. Представители центра, в виде всякого рода авантюристов, проходимцев и держиморд, с своей плохой русской речью, жестокостью, бестактностью и круглым невежеством только больше вносят раздражения в крестьянские массы, каждым словом и действием напоминая им времена недавнего царизма. К числу побуждающих причин (восстаний — М.Б.) необходимо также отнести прямолинейное и бессмысленно грубое проведение в жизнь декрета о Церкви, что сильно возбудило религиозно настроенную часть деревни...

Поводы для восстаний были разные: мобилизация, реквизиция скота, учёт пьяными властями церковного имущества и т.п. Выпыхнув в одной, они (восстания — М.Б.) быстро, как зараза, распространялись по другим волостям и наконец охватили целые уезды. Стремление у восставших было одно — сбросить гнетущую власть большевизма и заменить её властью народной...

Советская власть двинула на места десятки карательных отрядов, и вот весьма краткий перечень фактов из их кровавой деятельности: (...) В Спасском уезде, во всех волостях, где только появлялись карательные отряды, шла самая безобразная, безразборная порка крестьян. По сёлам много расстрелянных. На площади города Спасска публично, при обязательном присутствии граждан-односельчан, было расстреляно 10 крестьян вместе со священником, причём телеги для уборки трупов должны были представить граждане-односельчане. Расстрелянных за Спасской тюрьмой 30 человек заставили перед смертью вырыть себе одну общую могилу.

В Кирсановском уезде усмирители в своей безумной жестокости дошли до того, что запирали на несколько дней арестованных в один хлев с голодным экономическим хряком: подвергшиеся таким пыткам сходили с ума.

Председатель Нашёкинского комитета бедноты продолжал расстреливать самолично уже после отъезда карательного отряда.

В Моршанском уезде сотни расстрелянных и тысячи пострадавших. Некоторые сёла, как, например, Ракша, почти уничтожены орудийными снарядами.

Имущество крестьян не только разграблялось коммунистами и армейцами, но и сжигалось вместе с запасами семян и хлеба. Особенно пострадал Пичачаевский район, где сжигали десятый двор, причём женщины и дети выгонялись в лес. Село Перкино участия в восстании не принимало, однако там в то же время переизбрали Совет. Отряд из Тамбова весь новый состав Совета расстрелял. Из Островской волости в Моршанскую тюрьму доставлено 15 крестьян, совершенно изувеченных усмирителями. В той же тюрьме содержится женщина, у которой выдраны волосы на голове. Случаи насилия над женщинами надо считать десятками. На кладбище города Моршанска израненные армейцами 8 крестьян (Марков, Сучков, Костяев, Кузьмин и др.) были полуживыми зарыты в могилу.

В Тамбовском уезде многие сёла почти уничтожены пожаром и орудийными снарядами. Масса расстрелянных. Особенно пострадали сёла: Пахотный Угол, Знаменка, Кариан, Бондари, Лаврово, Покровское-Марфино и др. В Бондарях расстрелян весь причт за то, что по требованию крестьян отслужил молебен после свержения местного Совета...

Кроме специальных карательных отрядов, практиковалась также посылка на боевое крещение коммунистических ячеек, и эти хулиганские банды устраивали по сёлам настоящие оргии — пьянствовали, занимались грабежом и поджогами, претворяя таким образом великий принцип "свободы, равенства и братства" в ужас татарского нашествия.

Необходимо также отметить кровавую работу латышских отрядов, оставивших после себя долгую кошмарную память.³⁰

В настоящее время тюрьмы и подвалы чрезвычайек переполнены. Число арестованных по губернии нужно считать тысячами. Вследствие голода и холода среди них развиваются всякие болезни. Участь большей половины арестованных ясна — они будут расстреляны...

30. Вставное примечание М.Б.: Расправы и насилия коммунистического режима над населением было бы неоправданным упрощением объяснять жестокими национальными традициями населения России, как это часто делается. Следует отметить, что по интернациональной природе коммунизма, именно интернациональные части армии, внутренних войск и аппарата совершали

Восстания были также в Козловском, Усманском, Борисоглебском и остальных уездах Тамбовской губернии, причём относительно усмирения Шацкого уезда очевидцы говорят, что он буквально залит кровью”.³¹

наиболее дикие расправы над мирным населением, проводили тактику “выжженной земли”, чего, быть может, те же самые люди не стали бы делать на территории своего народа. Так, Интернациональный полк 1-й армии красного Восточного фронта совершил целый ряд столь жестоких и циничных акций при подавлении башкирского народа зимой-весной 1919 года, что центральное красное командование должно было сдерживать зарвавшихся, даже по коммунистическим понятиям, революционных энтузиастов. (О действиях этого Интернационального полка в Башкирии см.: М.Л. Муртазин. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. М., издание РВСР, 1927, с. 85-87, 75-79). Сдавшиеся коммунистам национальные башкирские повстанческие отряды, как писал РВС Южной группы Восточного фронта,

“подвергались издевательствам, побоям, разувались и раздевались догола. При этом представителями нашего командования делались наглые заявления, что то, что терпят башкиры, — это только начало того, что они в дальнейшем должны будут вынести. И такие заявления находили подтверждение в дальнейших действиях: за оскорблениями и издевательствами следовали массовые расстрелы солдат-башкир...

Отношение к мирному башкирскому населению полно ужаса. Грабежи, аресты, расстрелы, изнасилования женщин нашли себе широкое применение. На каждую деревню налагались контрибуции деньгами и натурой. За невнесение денег расстреливались революционные деятели Башкирии, поэты, художники. У башкирского населения, не занимающегося хлебопашеством, отбирался последний хлеб, приобретенный ими. Одна из виднейших женщин Башкирии, учительница (З. Жданова — М.Б.) изнасилована в день 21 красноармейцем и, как пленница, продана в распоряжение приходящих”. (“Известия Башкирского областного комитета РКПб”. Уфа, 1922, № 1-2,

1 апреля, с. 29-30. Перепечатку с незначительными разночтениями см.: М.Л. Муртазин. Ук. соч., с. 77-78; “Образование Башкирской автономной советской социалистической республики. Сборник документов и материалов”. Под ред. Б.Х. Юлдашбаева. Уфа, 1959, с. 249-250).

В истории белого движения было немало жестокостей но мы не знаем ни одного случая торговли женщинами: не было психологии оккупантов на завоёванных территориях. В описанном эпизоде обращает на себя внимание именно циничное надругательство над оккупированным беззащитным населением: З. Жданова была первой башкирской женщиной, получившей университетское образование, народной просветительницей, символом национального развития, её знала вся Башкирия. (см.: М.Л. Муртазин. Ук. соч., с. 75).

31. Усмирение крестьян в Тамбовской губернии. — ж. “На чужой стороне”.

Рассматривая приведенные материалы в совокупности, можно предложить несколько общих выводов о порках населения коммунистами:

1. они являются составной частью красного террора и коммунистических подавлений, и как часть этой политики были массовыми, затронули сотни тысяч и миллионы людей во многих местах подсоветской России в течение 1918-1920 годов;

2. это не временные явления войны до установления твёрдой гражданской власти, а постоянные, фактически узаконенные институции, покоящиеся не на отживающем обычном праве отдельных групп населения, а на политике целого строя;

3. 'одни и те же элементы и приёмы повторяются во множестве отдалённых друг от друга географических мест и от месяца к месяцу в течение всего революционного периода, и применяются революционерами разного социального и этнического происхождения, — следовательно, это система;

4. не были непосредственно связаны с мобилизациями и не преследовали побудить население к лучшему отклику на мобилизации;

5. порки также не были связаны непосредственно с подавлениями народных восстаний, а часто предшествовали восстаниям и вызывали их; были обращены равно и против повстанческих, и против не восстававших, лояльных, покорившихся волостей и групп населения;

6. порки проводились не вместо расстрелов, а вместе с расстрелами;

7. осуществлялись не только военными властями, но всеми видами властей, органов и учреждений: продовольственными отрядами, специальными отрядами интернационалистов, Советами, комитетами бедноты, Чрезвычайными комиссиями, партийными организациями коммунистов, и т.д. и т.п., — то есть по большей части именно властями гражданскими, и в порядке осуществления гражданской, а не военной политики;

8. не местные эксцессы, а общая политика; центральные органы знали (печаталось в коммунистических газетах; различные жалобы посылались в ЦК РКПб и во ВЦИК), но не

останавливали; исполнители говорили, что исполняют приказы центра;

9. порки в первую очередь связаны с продовольственными реквизициями и с проведением социально-экономической политики коммунизма, порки являлись частью процесса установления социалистического строя;

10. как часть этого процесса, были направлены прямым социальным образом против крестьянства как класса, захватывали и рабочих тех заводских районов, где рабочие владели землёй и были тесно связаны с крестьянством; то есть были направлены на подавление и перестройку досоциалистических и несоциалистических классов населения России;

11. являются, таким образом, формой социально-экономической и демографической политики коммунизма;

12. порки были пыточными, применялись наряду с другими пытками и как формы пытки, прежде всего в этом качестве для устрашения всего крестьянства, для терроризирования населения;

13. несут в себе цель унижения человеческого достоинства населения, циничного надругательства над людьми; ставят целью подавление человеческой психики; по словам одного из цитированных документов, являются способом доведения людей до состояния "бессмысленного скота".

Перечисленные выводы непосредственно вытекают из сопоставительного анализа рассмотренных документов, однако при этом всё-таки ускользает какой-то более глубокий уровень анализа этого явления, более глубокая сущность происходившего. Документы, касающиеся разных мест, заостряют внимание на разных деталях и сторонах, и целостная картина недостаточно проступает. В конце концов, описанное происходило со 149 миллионами людей, населявших в течение 1917 года будущую территорию СССР (в границах до 2 мировой войны и до аннексии Бухары и Хивы), и нужны тысячи дополнительных документов для целостной реконструкции.

Однако состояние источников позволяет более пристально сосредоточиться на истории одной замкнутой этно-социальной общины и рассмотреть более глубокие конечные цели коммунистического режима. Эта община может послужить показа-

тельным примером для выяснения сущности явления. Речь идёт о донских, ставропольских и астраханских *калмыках*.

4. Калмыцкая глава, 1917-1920.

Калмыцкий народ, проживавший на территории Астраханской, Донской и Ставропольской губерний и областей, имел в царской России особый экономический статус: все земли Калмыцкой степи, не выделившиеся в частную собственность отдельных калмыцких хозяйств, считались неотчуждаемой собственностью калмыцкого народа, исключались из общей государственной (казённой) собственности Российской Империи и не передавались государственными законами на нужды малоземельных русских и украинских крестьян-переселенцев. Таким же статусом отличались и земли Внутренней Киргизской (Букеевской) Орды на территории Астраханской губернии, тогда как остальные земли кочевых народов Степи были государственной собственностью, и в процессе перевода казахов и других кочевников на оседлый образ жизни, часть их земель перечислялась государством на нужды земледелия и передавалась переселенцам.³²

Кроме земли, находившейся в частной собственности, калмыцкий народ владел, согласно переписи землевладения 1905 года, 6 521 898 десятин земли.³³ Количество калмыков на всей территории Российской Империи определено переписью 1897 года в 190 648 человек.³⁴ Таким образом, кроме частной собственности, у калмыков было в среднем по 37 гектаров неотчуждаемой земли на душу населения. Это в несколько раз больше, чем у крестьянства Европейской России и русских крестьян Северного Кавказа: например, у донских казаков приходилось менее 7 гектаров на душу³⁵, у русских крестьян

32. Подробный анализ см.: George Demko. The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896-1916. Bloomington, Indiana, 1969, passim.

33. Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб, ЦСК МВД, 1907, с. 136.

34. Статистический ежегодник России. 1916 г. Вып. I. М., 1918, с. 57. В Европейской части России жило 190 487 калмыков: В.П. Шibaев. Этнический состав населения ввропейской части Союза СССР. Л., 1930, с. 16.

35. Расчёт наш по: Статистика землевладения..., с. 136; Л.М. Спирин.

Ставропольской губернии — по 3,5 гектара на душу³⁶, у астраханских казаков — 12,4 гектара на душу³⁷, если брать для сравнения только неплохо землеобеспеченных соседей калмыков.

Поскольку в среднем 5 000 взрослых работоспособных мужчин-калмыков уходило ежегодно на несельскохозяйственные работы в нефтепромышленности, на рыбные промыслы и т.д., а многие калмыцкие семьи совершенно оставили скотоводство и поселились в правобережья Нижней Волги и на северо-западном побережье Каспия, в Калмыцкой степи образовались большие излишки принадлежавшей калмыкам земли, и она сдавалась в аренду русским крестьянам — скотопромышленникам и овцеводам.³⁸ По некоторым данным, к 1917 году до 33% своей земли (то есть до 2,2 миллионов десятин) калмыки сдавали в аренду русским.³⁹ Благодаря высокому качеству земли и высокой стоимости тогдашней аренды, калмыки могли накопить большие капиталы, и по переписи 1916 года калмыки имели 850 343 головы скота⁴⁰, то есть до 20 голов скота на одно домохозяйство.

Февральскую революцию 1917 года калмыки встретили частью безразлично, частью сочувственно-выжидательно⁴¹, а в целом калмыки могли обойтись без всяких революций, так как, судя по всем имеющимся материалам, самая крупная претензия калмыков к центральному российскому правительству была — недостаточное снабжение Калмыцкой степи плиточным кирпичным чаем,⁴² все остальные проблемы были мельче и разрешались обычным порядком. В марте 1917 года в Астрахани состоялся 1 съезд представителей калмыцких улусов, на котором вступили в противоборство две линии: консервативная

Классы и партии в гражданской войне в России. 1917-1920 гг. М., 1968, с. 434.

36. Расчёт наш по: В.М. Краснов. Из воспоминаний о 1917-1920 гг. — "Архив русской революции". Том VIII. Берлин, 1923, с. 123.

37. Расчёт наш по источникам, указанным в примечании 35.

38. Очерки истории Калмыцкой АССР. Эпоха социализма. М., 1970, с. 8-10.

39. Там же, с. 8.

40. Там же, с. 90.

41. Б. Уланов. Донские калмыки. — ж. "Воля России". Прага, 1922, № 11, с. 22.

42. Очерки истории Калмыцкой АССР, с. 28.

и умеренно-либеральная (более левых представителей Калмыкия не выдвинула). Консерваторы во главе с Д.Д. Тундутовым стояли за конституционную монархию в России и за вступление калмыцкого народа в казачье сословие; но под влиянием калмыцкой интеллигенции и русских чиновников победила линия на поддержку Временного правительства и выделение Калмыцкой степи в отдельную губернскую область.⁴³ Однако после создания в апреле 1917 земельных комитетов и особенно после закона 29 июня 1917 об отмене свободного распоряжения землёй (см. в начале нашей статьи), калмыки повернули направо и мас-сой поддержали т.н. "казачью тенденцию". Закон 29 июня 1917 калмыки, несмотря на свой низкий образовательный ценз, правильно поняли как начало "уравнительной развёрстки земли"⁴⁴, то есть предстоящую конфискацию калмыцких земель. В июле 1917 года II съезд представителей калмыцких улусов принял решение "ходатайствовать о причислении калмыцкого народа к казачеству".⁴⁵ Однако в обстановке лета 1917, когда казачьи Войска подвергались ожесточенной идеологической травле, донские и астраханские руководители опасались расширять состав Войск и затягивали выполнение ходатайства калмыцкого съезда. После ареста Временным правительством генерала Л.Г. Корнилова обстановка прояснилась, места для маневров у казачьих руководителей больше не оставалось, и 29 сентября 1917 по совету Донского Атамана А.М. Каледина, Астраханское Войско приняло калмыцкий народ в казачество.⁴⁶ Теперь, — писали астраханцы в воззвании, —

43. Там же, с. 21.

44. Там же, с. 32.

45. Там же.

46. газ. "Астраханский листок". Астрахань, 1917, 30 сентября, с. 2 Следует отметить, что, вопреки распространённым представлениям, казачьи Войска были многонациональными и многорелигиозными образованиями, при православном большинстве и широкой веротерпимости. Поэтому буддийская вера и национальное своеобразие калмыков не представляло никакой проблемы при их принятии в казачество. В Оренбургском Войске было много мусульман-башкир; буддисты-буряты вступили в Забайкальское Войско, и Атаманом забайкальцев был бурят Г.М. Семёнов; в Уральское Войско были приняты инженеры-евреи, которые в годы борьбы против большевиков руководили техническим

”терцы, кубанцы, донцы не будут отделены от нас чужою Калмыцкою степью, и мы подадим руку уральцам и оренбуржцам”.⁴⁷

В конце октября 1917, после большевистского путча в Петрограде, казаки Донского, Кубанского, Терского, Уральского, Астраханского и Оренбургского Войск создали противокommунистический Юго-Восточный Союз, и Калмыцкий казачий Войсковой Круг, избрав Атаманом Д.Д. Тундутова, принял договор о вступлении калмыков в этот Союз.⁴⁸ Так началась антибольшевистская борьба калмыцкого народа, продолжавшаяся без перерывов 7 лет.⁴⁹

12 января 1918 началось казачье восстание против коммунистов в Астрахани, на помощь повстанцам Калмыцкое Войсковое правительство послало кавалерийскую сотню. Атаман Тундутов при отправке сказал:

”Они не посрамят великого звания казака-калмыка. С ними, с орлами будущего славного казачества, мы разобьем не одну большевистскую банду”.⁵⁰

Однако к 25 января 1918 восстание в Астрахани было кроваво подавлено,⁵¹ и в Калмыцкую степь посланы карательные коммунистические экспедиции⁵². С этого времени начался непрерывный террор против калмыков, отчёт о котором будет представлен несколько ниже.

Борьба калмыцкого народа продолжалась с весны 1918, на этот раз в составе более многочисленного Донского Войска (интересно отметить, что летом 1918, после расстрела коммунистами Астраханского Атамана Бирюкова, на эту должность

боеснабжением; в Терском Войске сражалось много казаков-чеченцев и ингушей, в Кубанском — казаки-черкесы и адыгейцы, в Сибирском — казаки из многих сибирских народов, прежде всего якуты.

47. газ. ”Астраханский листок”. Астрахань, 1917, 3 октября, с. 1.

48. И.К. Глухов. Очерки по истории революционного движения в Калмыкии. Астрахань, 1927, с. 23-24

49. Там же, с. 25-58. Очерки истории..., с. 107.

50. Там же, с. 27.

51. Подробный отчёт о восстании см.: ”Астрахань и Январские дни 1918 г.” Астрахань, 1925, с. 1-109.

52. И.К. Глухов. Ук. соч., с. 27. Очерки истории..., с. 41-46.

был избран калмык Тундутов).⁵³ В составе Донской армии калмыцкие войска вели в течение 1918 года боевые действия на царичинском направлении.⁵⁴ В это время на территории Калмыкии хозяйничали коммунисты (отчёт см. несколько ниже). В течение лета-осени 1918 они энергично пытались провести мобилизацию калмыков в Красную армию. Мобилизация полностью провалилась.⁵⁵ Вторичную насильственную мобилизацию калмыков коммунисты провели весной-летом 1919 года и набрали около 3 000 человек. Однако при первых же встречах с белыми казачьими войсками, калмыки полностью, целыми полками, перешли на сторону белых⁵⁶ и воевали в их рядах до самой Крымской эвакуации ноября 1920 года.⁵⁷

За всё время войны 1917-1920 годов коммунистам удалось из десятков тысяч взрослых калмыцких мужчин переманить на свою сторону и сформировать в кавалерийский отряд только 100 человек — отчаянную специальную конную сотню Джалыкова⁵⁸, из которой вышел знаменитый впоследствии показательной генерал-калмык Ока Городовиков. Но 100 человек — не в счёт. Отбрасывая их, можно сказать, что калмыцкий народ был, насколько нам известно, единственным народом России, из которого коммунистам даже террористическими мобилизациями не удалось набрать солдат в войну 1917-1920 годов.

На завоёванной коммунистами территории Калмыцкой степи одно за другим происходили народные восстания и шли непрерывные партизанские действия. Одно из самых крупных восстаний началось 4 декабря 1918 и охватило несколько улусов, в восстании единым фронтом участвовали калмыки и русские крестьяне, и на сторону повстанцев перешла Элистинская дивизия Красной армии. Красный Степной фронт был разгромлен с тыла, и коммунистам пришлось стягивать войска на подавление.⁵⁹

53. Очерки..., с. 54.

54. Там же, с. 55-61.

55. И.К. Глухов. Ук. соч., с. 36, 38.

56. Там же, с. 37-39.

57. Б. Уланов. Ук. соч. с. 22 - 23.

58. И.К. Глухов. Ук. соч., с. 37-39.

59. Очерки..., с. 68-69.

Весной-летом 1919 население Калмыцкой степи стало партизанским резервом, обеспечившим белой Кавказской армии генерала П.Н. Врангеля успешное наступление на Астрахань, завершившееся взятием Царицына.⁶⁰

В течение 1920 года повстанчество продолжалось в Калмыкии, и к концу 1920 приняло угрожающие для советской власти размеры.⁶¹

”К концу 1920 года область (Калмыкия — М.Б.) превратилась в новый плацдарм военных операций.”⁶²

Строго говоря, это повстанчество в Калмыкии было прямым продолжением разбитого белого движения, так как оно началось в конце лета 1919 силами разбитых калмыцких и русских частей белой Кавказской армии; разрозненные отряды насчитывали сотни и тысячи бойцов.⁶³ Например, у сражавшегося в течение 1919-1920 годов Дорджи Онкорова 1 300 солдат: 1 100 казаков-калмыков, 200 русских казаков, руководили русские офицеры.⁶⁴ Повстанческий отряд под командованием бывшего будёновца Дарагана (по-видимому, из упоминавшейся выше калмыцкой кавалерийской сотни) сражался в течение 1920-1922 годов.⁶⁵ В 1922 в Калмыкии действовало 6 крупных повстанческих групп, и, как указывалось в отчёте Калмыцкого обкома РКПб, партизанское движение и повстанчество было подавлено только к началу 1925 года.⁶⁶

Коммунистические террор и подавления, принявшие размеры геноцида калмыцкого народа, начались в Калмыцкой степи с первых недель 1918 года после разгрома Астраханского восстания (см. выше) и захвата коммунистами Дона. В нашем распоряжении имеются два независимых источника, взаимно дополняющих друг друга по этому вопросу. Один уникальный документ, принадлежащий перу эмигрировавшего калмыцкого

60. Там же, с. 76, 83. И.К. Глухов. Ук. соч., с. 31.

61. И.К. Глухов. Ук. соч., с. 48-56. Очерки..., с. 107.

62. И.К. Глухов. Ук. соч., с. 49.

63. Там же, с. 49-51.

64. Там же, с. 50.

65. Там же, с. 54.

66. Очерки..., с. 107.

автора, напечатан в эсеровском журнале и описывает события с донскими калмыками. Другой подробный отчёт, составленный бывшим министром южного белого правительства, освещает судьбу ставропольских калмыков. К сожалению, история гибели самой многочисленной части калмыцкого народа — астраханских калмыков, осталась ненаписанной, так как все свидетели и историографы пали вместе со своими согражданами. За недостатком места приводим имеющиеся отчёты с сокращениями.

”В начале 1918 года большевики захватили Дон. Первой жертвой калмыцкого народа пал популярный калмык — полковник Б. С. Мангапов. Вслед за ним большевики расстреляли единственную калмычку курсистку-медичку М. Курашеву. Так началась в отношении калмыцкого народа большевистская власть. Она несла с собою насилие, смерть и проклятие. В марте 1918 года... начались массовые аресты и расстрелы.

Не замедлило появиться и ”социальное законодательство” большевиков. Отменялась частная собственность и провозглашался коммунизм. Коммунисты принялись за расхищение достояния калмыцкого народа. Тихо и мирно, в поте лица трудившиеся люди неожиданно обратились в ’контрреволюционеров’... Применительно к психологии калмыцкого народа получилось невозможное: новым режимом, отменялись все устои личной, семейной, общественной, государственной, хозяйственной жизни, и до-революционные, и пореволюционные, и национальные — это в особенности. Всё, что считалось достойным уважения, внимания, почитания и хранения, — объявлялось или отмененным, или в лучшем случае подозрительным, опасным, неблагонадёжным, контрреволюционным. Психология калмыка не могла ни понять, ни переварить новое учение, законы большевизма. Общественная, моральная атмосфера создалась нестерпимая, оскорбительная и позорная. Всем здоровым основам национального бытия, жизни угрожала смертная опасность.

Народ задыхался.

Когда, после самоубийства атамана Каледина, восстало донское казачество, с ним и в первых рядах поднялись и калмыки. И с тех пор до самого падения Крыма вместе с казачеством и в составе его калмыки вели титаническую борьбу с большевиками. Настроение калмыцкого народа было цельно, определённно, от малого ребенка до старика, без различия пола, звания, положе-

ния. Восстание вызвало новые преследования 'контрреволюционеров'. Удары по хозяйству посыпались беспрерывно, неустанно. Жертвы росли.

А наряду с людьми, как мученики, гибли на кострах части станиц, дома, храмы, монастыри. Из 13 монастырей и храмов к 1 января 1920 года было сожжено 2 больших монастыря и 7 храмов ("сулие"). Громадные библиотеки монастырей (хурулов) пошли на разную потребу: цыгарки и пр. Немало листов ветром носило по степи. Редкостные, ценные и чтимые изображения разбивались, уродовались, увозились, расстреливались или шли на попоны и портянки красноармейцев.

Лишь от коммунистов познали калмыки впервые возможность такого безумного проявления надругательств над народными святынями...

Борьба казачества, восставших калмыков шла с переменным успехом, как пожар, разгораясь в одном месте, потухая в другом, как отлив и прилив моря. Пошады от врагов не было. Вот тогда-то и воскресли древние кочевки. Всё пришло в движение. Появились станицы на колесах. Кочующие. Весною 1920 года калмыкам пришлось покинуть пределы Дона. Пошли на Кубань. Здесь ведь тоже жили казаки... Народ таял, люди были наперечет.

...(Когда) началось памятное отступление от Орла (и) вал вражеских сил приближался к Сальскому округу, калмыцкий народ весь снялся с мест и тронулся на юг. Возы растянулись на десятки вёрст. Грузили в грязь. Ломались. Бросали. Мёрзли. Враги наступали, издеваясь, убивали. Но шли всё дальше, дальше. Это было зимою 1920 года. Этой зимы калмыкам не забыть. Казалось, пришел последний, смертный час. И нет сил описать пережитое...

(Революция) унесла драгоценнейшие для калмыцкого народа жизни... Где наша молодёжь — молодой рассадник будущих общественных и культурных деятелей?.. Где наша едва пробуждающаяся интеллигенция?.. Калмыцкий народ... не преодолел условий жизни, погибнет...

Перед нами пепелище знакомого буддийского храма. Там, где раздавалось священное пение — янг — так мощно, своеобразно играли "дунг, бюре, бишкюр, цанг, кармг, кенгерие" — раковина, трубы, флейты, тарелки, гонг, барабан, — откуда раздавалась умиряющая проповедь учения Милосердного Будды, — (там) уродливая, обгорелая яма, обожженные кирпичи, жечь и железо. Вдруг взгляд наш остановился на блестящей золотом статуе Будды. От пепелища поодаль к востоку с характерно сложенными

руками сидел золотой Будда. Молитвенно сложены Его руки. Пулями в нескольких местах была пробита грудь его. А на устах застыла по-прежнему кроткая улыбка... Расстрелянный вражескими пулями одиноко сияющий Будда с кроткой улыбкой — тяжкий символ мук и страдальческой судьбы мирного народа.”⁶⁷

Другой документ также начинает описание с первых недель 1918 года, но по Ставропольской губернии.

”Из города террор перекинулся на уездную территорию. Производившееся позднее обследование установило, что калмыцкая территория Больше-Дербетовского улуса, село Безопасное, Петровское и станция Карамык Прикумской железной дороги были очагами наиболее жестокого проявления его.

Объехав (в 1919 году — М.Б.) Больше-Дербетовский улус и ознакомившись с разрушениями, произведенными там в период владычества большевиков, я получил впечатление, что, *сознательно или инстинктивно, делалась определенная ставка на уничтожение этой народности.* (...)

Большевики со всей яростью обрушились на родовые калмыцкие хотоны (большесемейные и племенные посёлки — М.Б.), уничтожая и самое население, и то, что у населения было наиболее заветного, ценного.

В одном из родов, осквернив храм, уничтожив и залив нечистотами изваяния Будды, изображения на шелку Бурханов, священные книги и другие предметы культа, с таким трудом добываемые калмыками из Тибета, предводимая большевиками толпа, узнав, что в ограде храма покоится чтимый буддистами прах ламы, извлекла из могилы останки, разрубив и раздробив их, выбросила кости на дорогу, в могилу же зарыла зарубленную свинью. А потом предъявила к женщинам натуральную повинность, причём некоторым несчастным после изнасилования были вырезаны половые органы.

В другом месте я сфотографировал пепелище сожженного до тла со всею утварью и священными предметами храма.

Внешне уцелел наиболее богатый хурул (монастырский комплекс с собором — М.Б.) второго Багатуктунова рода... но внутри храм представлял усыпальницу богатого когда-то подбора изваянных перевоплощений Будды и шелковых полотнищ-икон,

67. Б. Уланов. Донские калмыки. — ж. ”Воля России”. Прага, 1922, № 11, с. 22-23.

изуродованных разрывными выстрелами, прикладами, сабельными и штыковыми ударами. Здесь же среди груды разбитого стекла валялись изрубленные церковные барабаны, маски, трубы и богослужебные книги, перемешанные с конским навозом.

Некоторые изваяния, после того, как на них было испробовано большевистское оружие, привязанные сзади подвод волоклись по дорогам мимо населённых пунктов, и затем были брошены в степи с обрубленными руками и изуродованными головами...

Но самую кровотокающую рану нанесло большевистское владычество самому калмыцкому народу, надругавшись над женщинами, квалифицированно жестоко казня духовных лиц, избивая население, уродуя подростков.

Ко мне приводили детишек с отрезанными ушами, с испорченным на всю жизнь слухом или зрением. Многие женщины после произведенных над ними насилий утратили возможность материнства, а некоторые из них остались калекками после произведенной над ними чудовишной операции".⁶⁸

Однако, разбирая систематически представленный имеющейся документацией калмыцкий исторический случай, следует отметить, что тот же самый комплекс воздействия на население применялся, как будет показано несколько ниже,

а. к русскому и мусульманскому населению Ставропольской губернии, то есть к небуддийским соседям калмыков;

б. совершенно другими коммунистическими исполнителями и в другие годы (1959-1960) к другому консервативному буддийскому народу — тибетцам. Обобщенно говоря, калмыцкий случай — это определённо законченный в себе калмыцкий случай, но одновременно — он не только калмыцкий, то есть является моделью, а не инцидентом.

В результате трёх лет коммунистического господства, хозяйственная основа самостоятельности и национальной жизни калмыцкого народа была разрушена, как явствует из следующей таблицы, составленной по материалам сельскохозяйственных переписей 1916, 1917 и 1920 годов.⁶⁹

68. В.М. Краснов. Из воспоминаний о 1917-1920 гг. — "Архив русской революции". Берлин, 1923, том VIII, с. 162-163.

69. О. Насунов. Голод и его последствия в Калмыцкой области. — ж. "Жизнь национальностей". М., 1923, кн. 3-4, с. 90.

Поголовье скота в Калмыкии

Год	Лошадей	Крупного рогатого скота	Овец	Коз	Свиней	Верблюдов	Всего
1916	82 749	225 737	501 694	20 857	1 393	16 424	848 854
1917	77 108	232 102	505 961	19 450	1 488	12 922	849 031
1920	4 522	48 492	64 910	4 347	179	3 661	126 111
1920 в % к							
1917	5,9	20,9	12,8	22,3	12,0	28,3	14,9

Как видно, несмотря на военную мобилизацию лошадей, общее количество скота в Калмыкии росло в 1916-1917 сельскохозяйственном году, причём поголовье крупного рогатого скота и овец — главных категорий скота в Калмыкии, — росло довольно существенно. В течение же 1917-1920 годов поголовье скота катастрофически сократилось почти в 7 раз. Важно при этом отметить, что сокращение поголовья было связано отнюдь не с использованием калмыцкого скота на нужды остального населения России, — нет, это было сознательное политическое истребление скота, чтобы оставить население Калмыки без средств пропитания. Об этом недвусмысленно свидетельствует уже цитированный документ:

“Имущество частных жилых помещений и сами последние так же безжалостно уничтожались и приводились в негодное состояние. Гурты красного калмыцкого скота, косяки лошадей, отары овец или сводились с территорий улусов, или уничтожались совершенно зря”.⁷⁰

Так был организован искусственный голод у скотоводческого населения — по той же схеме, по которой в те же 1918-1920 годы был организован искусственный голод на сельскохозяйственных территориях подкоммунистической России. В результате такой политики к 1921 году Калмыцкую степь охватил голод

70. В.М. Краснов. Ук. соч., с. 163.

колоссальных размеров.⁷¹ Он свирепствовал в течение 1921-1923 годов.⁷² Семьи калмыков-кочевников вымирали в степи, оседлое население вымирало в долинах.⁷³ Дети массами гибли от голода и сопровождавших его болезней.⁷⁴ Такой многолетний голод, как показывают антропологические исследования, всегда сопровождается и растягивается на демографическое развитие последующих лет *синдромом квашиоркора*: длительный недостаток белковой пищи у детей после окончания грудного кормления делает людей хроническими инвалидами, восприимчивыми к тяжёлым болезням и умирающими в раннем и молодом возрастах.⁷⁵

Коммунистический Наркомнац объявил калмыков в 1923 году

"вымирающим народом".⁷⁶

Калмыки, однако, выжили, но лишь затем, чтобы дожить до коллективизации, голода 1932-1934 годов и депортации во время 2 мировой войны.⁷⁷

Сравнительный анализ переписей 1897, 1916, 1917, 1920, 1923 и 1926 годов показывает, что самые большие демографические потери калмыцкого народа приходятся на первые послереволюционные годы — годы военного коммунизма, рассматриваемые в настоящей главе, — 1917-1920. Хотя численность национальностей, найденная переписью 1917 года, до сих пор удовлетворительно не опубликована, но она может быть исчислена, исходя из

71. И.К. Глухов. Ук. соч., с. 67.

Наркомнац РСФСР. "Шесть лет национальной политики советской власти и Наркомнац. 1917-1923 гг. Вместо отчёта". М., 1924, с. 100.

72. О. Насунов. Ук. соч., с. 88-90. "Шесть лет...", с. 99-100.

73. "Шесть лет", с. 100.

74. О. Насунов. Ук. соч., с. 90.

75. S. Davidson, R. Passmore, J.F. Brock. Human Nutrition and Dietetics. London, 1972, p. 254-256 ff. Prof. Scrimshaw. Lecture to the Chadwick Society. London, 1964, p. 8 ff. V.G. Wills, J.L. Waterlow. The death rate in the age group one to four years as an index of malnutrition. — "Journal of Tropical Paediatrics". vol. 3, 1958, p. 158 ff. A. Berg, R. Muscal. Nutrition and development in the view of the planner — "American Journal of Clinical Nutrition", vol. 25, 1972, pp. 186-209

76. О. Насунов. Ук.соч., с.90.

77. Подробный отчёт см.: А.М. Некрич. Наказанные народы. Нью Йорк, 1978, с.64-78.

данных текущей демографической статистики начала XX века и аналитических работ современных американских исследователей.

Численность калмыков по переписи 1897 года составляла 190 648 душ.⁷⁸ Естественный прирост на территории Калмыцкой степи в начале XX века был не намного выше общероссийского (1,65-1,70% в год), но структура его была иная. Калмыцкий баланс складывался из более высокой рождаемости и более высокой смертности по сравнению с другими территориями страны. Высокая рождаемость, характерная для обществ, не регулирующих рождаемость и не применяющих контрацепции, обуславливалась не только высокой плодовитостью (высоким отношением среднего ежегодного числа рождений к числу женщин плодovитого возраста 15-49 лет), но и высоким процентом замужних женщин плодovитого возраста от общей численности населения. Доля замужних женщин плодovитого возраста от всего населения на территории, покрывающей Калмыцкую степь, составляла 80,9% от максимума, зафиксированного в истории человечества, — соответствующего показателя у протестантской секты *гуттеритов*.⁷⁹ Практический максимум *естественной рождаемости*⁸⁰, зафиксированный у гуттеритов и применяемый в современной западной демографии как эталон для построения индексов плодовитости, составляет в год 375 рождений на 1 000 замужних женщин плодovитого возраста.⁸¹ На территории, покрывающей Калмыцкую степь, индекс брачной плодовитости показывает 70,4%, индекс общей плодовитости показывает 58,9% брачной плодовитости гуттеритов.⁸² Индекс общей плодовитости в среднем по Европейской России в начале XX века — 54,0%⁸³, то есть в

78. Статистический ежегодник России. 1916 г., с.57.

79. Ansley J. Coale, Barbara A. Anderson, Erna Harm. Human Fertility in Russia since the Nineteenth Century. Princeton, N.J., 1979, p.20.

80. L. Henry. Some data on Natural Fertility. — "Eugenics Quarterly", 1961, v.8, No.2, p.85 ff.

81. J.W. Eaton, A.J. Mayer. The Social Biology of Very High Fertility among the Hutterites: the Demography of a Unique Population. — "Human Biology". 1953, v.25, No.3, passim.

82. Ansley J. Coale and others. Op. cit., p.20.

83. Ibid., p. 21.

Калмыцкой степи на 5 пунктов выше. Легко, исходя из этих данных, рассчитать показатели плодovitости на территории, покрывавшей Калмыцкую степь: 264 рождений в год на 1 000 замужних женщин плодovitого возраста, 221 рождение в год на 1 000 всех женщин плодovitого возраста, 9,2 детей рождено средней замужней женщиной за жизнь, 7,7 детей рождено среднестатистической женщиной за жизнь. Учитывая низкую продолжительность жизни в России в начале XX века (20,81-33,98 лет — средняя продолжительность жизни женщины от рождения в 1907-1910 годах⁸⁴, надо признать, что это чрезвычайно высокие показатели, означающие непрерывную детородную деятельность женщин. В совокупности это даёт колоссальный коэффициент общей рождаемости, исчисляемый нами для Калмыцкой степи: 5,52%. Это очень редкая величина в истории человечества, приближающаяся к уровню естественной рождаемости (упрощенно говоря, 6% рождаемости, то есть 6 рождений на 100 человек обычного населения в год, считается границей биологического максимума, каковой всего на полпункта выше, чем коэффициент в Калмыцкой степи в начале XX века).

Найдя по исчисленным выше данным норму gross-репродукции (или брутто-коэффициент воспроизводства) в Калмыцкой степи в 3,779, и исходя из величины средней продолжительности жизни от рождения в 1907-1910 годах в 32,5 года для обоих полов, обратимся к однопараметровым модельным таблицам дожития Ансли Коула-Пола Демени, введя названные данные в стабильные населения модели "Восток".⁸⁵ Находим коэффициенты рождаемости: 5,21%-5,81%, смертности: 3,24%-3,36%, естественного прироста в год: 1,97%-2,46% для норм gross-репродукции 3,5 и 4,0, одинаково отстоящих в обе стороны от калмыцкой нормы. Как видно, оба найденных параметра коэффициентов рождаемости одинаково отстоят в обе стороны от эмпирически найденного нами выше, примерно в

84. С. А. Новосельский, В. В. Паевский. Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926-1927. Таблицы смертности. М.-Л., 1930, с. 130, 132.

85. Ansley J. Coale, Paul Demeny. Regional Model Life Tables and Stable Populations. Princeton, N.J., 1966, p. 520.

пределах размаха колебаний средней статистической ошибки.

Рассчитаем для сравнения эмпирические коэффициенты естественного прироста в год для всего населения Астраханской и Ставропольской губерний: соответственно 1,63% и 1,76%.⁸⁶ Как видно, калмыцкий коэффициент несколько выше, и это легко объяснимо разницей демографического поведения русско-украинско-казацкого и буддийско-калмыцкого населений.

Исходя из гипотезы роста населения по экспоненциальной кривой, найдём численность калмыков в 1917 году:

$190\ 648 \times e^{(060246) \times 20}$, где e — основание натуральных логарифмов. Получаем: от 282 712 до 311 821.

Взяв, в порядке презумпции на снижение, численность населения Калмыкии в 1917 году по нижней границе, и, для упрощения расчётов, условно приняв низкую норму естественного прироста в 1917-1920 годах за половину нижнего коэффициента из соответствующей таблицы А. Коула — П. Демени, найдём гипотетическую численность калмыков к осени 1920 года в случае реального снижения рождаемости и гипотетического сохранения естественной смертности (то есть не принимая во внимание и не причисляя к потерям населения дефицит рождений; и рассматривая рождаемость, как если бы революция и военный коммунизм были, а смертность — как если бы ни революции, ни военного коммунизма не было). Потенцируя, находим:

$$282\ 712 \times e^{0,0099 \times 3,67} = 293\ 109.$$

Таким могла бы найти численность калмыков переписи населения 28 августа 1920 года. Однако перепись обнаружила 139 968 калмыков,⁸⁷ или 47,8% императивного количества. Дефицит — 153 141 человек за 1917-1920 годы.

86. Рассчитано по: "Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, проведенной 28 января 1897 г." том 1. СПО, 1905, с.9, 11. И: Л. С. Гапоненко, В. М. Кубузан. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916-1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции. — ж. "История СССР". М., 1961, кн.6, с. 102-103.

87. "Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923 гг. За пять лет работы ЦСУ." — "труды ЦСУ" . М., 1924, том ХУШ, с.37.

Поскольку перепись 1920 года проведена в Крыму с задержкой, уже после белой эвакуации⁸⁸, постольку в дефицит попадают не только погибшие, но и эмигрировавшие. По советским статистическим данным, собранным к переписи 1926 года, эмигрировало после революции 100 человек калмыцкой национальности.⁸⁹ По данным калмыцкого историографа, эмигрировало несколько больше 3 000 калмыков.⁹⁰ Хотя последний показатель представляется нам преувеличенным, воспользуемся им в порядке презумпции снижения числа безвозвратных потерь. Тогда можно в итоге определить, что за 1917-1920 годы погибло 150 000 калмыков, или минимум 53,1% исходного предреволюционного калмыцкого населения, свыше половины нации.

Таков демографический итог калмыцкой исторической главы 1917-1920 годов.

5. Сравнения и выводы.

Как видно, мы имеем дело с сознательным и целенаправленным коммунистическим геноцидом калмыцкого народа, и вся совокупность произведенных над населением физических и психических насилий является составной частью геноцида. Геноцидный характер действий, произведенных коммунистами в отношении калмыцкого народа, с тем, чтобы убить его как духовную и *национально-биологическую единицу*, совершенно очевиден из цитированных документов. Автор одного из приведенных отчетов прямо формулирует, что, по его впечатлению,

"сознательно или инстинктивно, делалась определенная ставка на уничтожение этой (калмыцкой — М.Б.), народности."⁹¹

Однако мы избрали для специального подробного рассмотрения калмыцкий случай не потому, что он уникален, но

88. "Итоги переписи населения 1920 г. Населения по однолетним возрастам и возрастным группам." М., 1928, с.4.

89. "Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки". М. 1928, вып. IV, с. XXVI-XXVII.

90. Б. Уланов. Ук. соч., с. 23.

91. В. М. Краснов, Ук. соч., с. 162.

как раз потому, что он не уникален и является лишь прослеживаемой по имеющимся систематическим отчётам моделью демографической политики, примененной коммунистами ко многим нациям России. На калмыцком случае эта модель очевидна, и после рассмотрения её можно рассматривать приводившиеся выше многочисленные документы по другим территориям и народам России как не расположенные систематически элементы той же самой реконструируемой структуры. Просто по калмыкам источники рассказали нам структурнее, чем по другим народам.

Исследователь всегда зависит от состояния источников, а источники по советской истории всегда ограничены из-за недоступности архивов. Многое приходится реконструировать, что-то дополнять гипотезами. Но реконструкции и гипотезы часто оказываются более скромными, чем открывающаяся историческая действительность, так как исследователь исходит из презумпции невиновности. В конце концов, как приняли бы исследователя, который до окончания II мировой войны высказал бы в порядке реконструкции событий, что в европейской стране из человеческого жира делают мыло?

В ранее опубликованных работах мы показали, что по отношению к донскому казачеству проводилась зафиксированная официальными документами сознательная и целенаправленная политика геноцида, в ходе которой коммунистический режим истребил свыше трети населения Области Войска Донского и до 70% донского казачества.⁹² Однако мы, как и предшествующие исследователи, наивно полагали, что документы, декларирующие прямое истребление по социально-этническому признаку, относятся исключительно к казачеству Дона. После этого в СССР были опубликованы материалы, из которых мы узнали, что директива ЦК РКП(б) об истреблении казачества как социально-этнической единицы, направленная из центра на места в начале 1919 года, относится не к донскому казачеству специфически, а к казачеству вообще, и направлялась исполнителям в области Донского, Оренбургского и Уральского

92. М. С. Бернштам. В: "Вестник РХД". Париж, 1979, кн. 128, с. 300-319; 1980, кн. 131, с.317-318.

Казачьих Войск.⁹³

Тогда в несколько ином, проясненном свете предстаёт статистически устанавливаемый и исторически описанный источниками демографический факт, что от уральского казачества, насчитывавшего перед революцией 1917 года 235 202 человека⁹⁴, после нескольких лет революции едва осталось несколько сот человек.⁹⁵ Погиб, никем не замеченно, целый народ, стёрт с лица земли за три года. В современной ядерной физике это называется — нейтронная бомба, и к этой военно-политической концепции мы ещё вернёмся.

Но сначала кратко рассмотрим два момента, связанных с калмыцким случаем.

Один из использованных выше источников, подчёркивающий, что калмыки уничтожались как нация и как духовно-социально-этническая совокупность, подробно описывает при этом, что совершенно аналогичные действия применялись одновременно коммунистическим режимом и к русскому православному населению Ставропольской губернии, и к ногайскому мусульманскому населению Северного Кавказа. Перечень мероприятий характерен своей методичностью и повторяемостью: физическое истребление некоторого процента населения, уничтожение доли населения в каждом населённом пункте, зверские убийства значительного числа священнослужителей, кастрация арестованных мужчин, групповые изнасилования девушек школьного возраста, насилия над женщинами публично на глазах их детей, увечье подростков, всевозможные надругательства и коллективные истязания, поругание святынь, разрушение храмов и исторических памятников ритуальные издевательские действия над

93. Н. Ф. Бугай. Революционные комитеты Дона и Северного Кавказа. 1919-1921. М., 1979, с. 90.

94. "Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям". — "Труды ЦСУ". М., 1921, том у, выпуск I, с. 76.

95. Полковник М. И. Изоргин. Уральская катастрофа 1919 г. Константинополь, 1921, неопубликованная рукопись, часть 2, с.1-49. Архив ВМБ и ИНРИ. В. С. Толстов Ук. соч., с.104, 119, 119, 173, 299-301, 305-307. И. Г. Акулинин. Уральское казачье Войско..., с.142-147. Л. Масянов. Ук.соч., с. 138, 141-158.

религиозными традициями и национальными обычаями.⁹⁶

Заключение хроникёра:

"Наше время творит своею рукою, точно пророческие знамения Апокалипсиса, и в жизни людей, и в жизни народов загадочные, полные ужаса письмена, ни смысла, ни необходимости которых не поймёт человеческий ум.

Быть может, только отдаленные потомки наши поймут..."⁹⁷

Второй момент, связанный с калмыцким случаем, — его поразительное сходство с историей уничтожения и закабаления буддийского населения Тибета коммунистическим режимом так называемой "Китайской Народной Республики" в 1959-1960 годах. Систематическая история геноцида тибетцев, насколько нам известно, ещё не написана, и мы пользуемся кратким обобщённым отчётом проф. Френсиса Рэндалла. Мы не станем по пунктам и деталям отмечать сходство элементов тибетского случая с элементами показанных выше событий в Вологодской, Костромской, Смоленской, Тамбовской, Витебской, Орловской, Симбирской, Казанской, Воронежской, Нижегородской, Тверской, Псковской, Вятской, Рязанской, Ярославской, Калужской, Тульской, Ставропольской губерниях, в Башкирии и в Калмыкии, — так как это заставило бы нас повторяться. Можно просто брать многочисленные цитированные выше случаи, сравнить их в любом порядке с идущим ниже тибетским описанием и наблюдать сходство составляющих элементов структуры коммунистической политики в отношении населения.

"Сквозь 1950-е годы китайские коммунистические чиновники и армейцы и в китайских провинциях Тибета, и на Тибете Далай-Ламы, захватывали монастырские земли, преследовали монашество, надругались над святынями, зверски расправлялись с народом, наводняли земли переселенцами, сознательно провоцировали повстанчество.

Безнадёжное восстание вспыхнуло в 1952-1953 и началось снова в 1956 среди кочевников Хамба, распространилось на север в район Амдо, и на запад, и в 1958 году стало движением сопротивления большинства тибетского народа. В марте 1959

96. В. М. Краснов. Ук. соч., с. 163-164.

97. Там же, с.165.

коммунистические воинские подразделения в Лхасе пытались похитить Далай-Ламу, затем закупили его в его резиденции, но он убежал через Гималаи в Индию, где он возглавляет по сей день правительство в изгнании.

Коммунистическая армия вступила в Тибет, разрушила десятки городов и сотни деревень, убила сотни тысяч мужчин и мальчиков, изнасиловала сотни тысяч их жен и матерей и принудила их к замужеству за солдатами; выгнала монахов, священников-лам и монахинь из монастырей на расстрел, в концентрационные лагеря и в браки-изнасилования, осквернила святыни, сожгла произведения искусства, и произвела огромные усилия по полному уничтожению Тибетской буддийской религии и культуры.

Далее, пока был жив Мао, на Тибете больше не было монастырей, не было действующих монахов и монахинь. Ни один человек не мог открыто и законно исполнять буддийские обряды, совершать молитвы, или просто произнести 'Ом Мани Падме Хум'. Сотни тысяч выживших бежали, с тяжелыми жертвами от коммунистических обстрелов и бомбёжек, через Гималаи в Индию, Пакистан, Непал, Сикким и Бутан. Их родная земля была насильственно населена китайскими переселенцами, которые в условиях Тибета мерли как мухи; коммунисты признают, что от них осталось только 120 000 - (от 1 500 000-2 000 000 — М.Б.).

После смерти Мао, Дэн Сяопин частично ослабил анти-буддийскую политику, но не коммунистический контроль над Тибетом. Из когда-то 2 464 монастырей на Тибете, сейчас там 10. Численность монахов уменьшилась с 20% населения (с 360 000-400 000 — М.Б.) до 2 000, и ни одному человеку не разрешалось стать монахом с 1959 года.

Таков был тибетский геноцид."⁹⁸

Фрэнсис Рэндалл в ходе своего исследования посетил посёлки тибетских беженцев в Непале и приводит много знакомых нам по предыдущим российским описаниям свидетельств:

"Комунисты убили почти всех в нашей деревне".

"Сначала они убили всех монашествующих, а затем остальных".

"Солдат изнасиловал мою жену и заставил выйти за него. Я не

98. Francis B. Randall. A Walk to Tibet. — "National Review". New York, 1980 vol. XXXII, No.14, pp.844-845.

видал её с тех пор и должен был спастись бегством”.

“Они постреляли всех мальчиков в нашей школе. Я был ранен и потерял сознание, они бросили меня умирать”. И т.д. и т.п.⁹⁹

Тибетцев было до 3 000 000 в Китае и намного более 1 800 000 в самом Тибете, значительный процент погиб, и сколько осталось — неизвестно. Тибетские женщины рассеяны по Китаю, так что нация прекратила существование.¹⁰⁰

Российские буддисты-калмыки, поскольку они, несмотря ни на что, всё-таки сохранились, — просто дешево отделались по сравнению с тибетцами. Не скажешь этого про казачество. Не только казахи Войска исчезли как этно-социальные образования, но и их физический состав погиб. Выше сказано про Донское и Уральское казачества. Так же исчезло практически без следа многочисленное Оренбургское казачество — до революции 573 855 человек¹⁰¹ к 1921 году осталось примерно 10 000-15 000 ушедших в степь беженцев¹⁰² и неизвестное, но известно, что резко сократившееся количество на бывшей казачьей земле Оренбуржья.¹⁰³

Рассматривая все эти разнообразные, совершившиеся в разное время и на разных территориях (плюс Камбоджа, плюс Эритрея, плюс Афганистан плюс... плюс...), но такие однообразные случаи, мы обнаруживаем некоторые требующие разрешения противоречия. С одной стороны, население целенаправленно и сознательно истребляют; с другой стороны, далеко не всегда уничтожают сыше 10-30-50%, совсем редко 70-90%, и практически совсем никогда не истребляют или, во всяком случае, не имеют цели истребить все 100%, а доходят в самых максимальных случаях до уничтожения двух третей, трёх

99. Ibid., p. 845.

100. Ibid., p. 844.

101. Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России. 1917-1920 гг. М., 1968, с.434.

102. И. Еловский, Голодный поход Оренбургской армии. Пекин, 1921, с.2-24. И. И. Серооренников. Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий. 1919-1923. Харбин, 1936, с. 35, 42.

103. “Сельское хозяйство Киргизской советской социалистической республики в 1923 году. По итогам сельскохозяйственной переписи 1923 г. Выпуск 1. Западная Киргизия.” Оренбург, 1924, с.13-21.

четвертей и т.д., остальных рассеивают и утилизируют, то есть всё-таки оставляют жить.

Выход из указанного противоречия видится один: ведя войну против населения, коммунизм ведёт её не за территорию, не за "жизненное пространство", не за землю и богатства недр, не за прочие материальные ценности, а ведёт войну за население. Против старого населения, чтобы оно стало новым населением и работало на коммунизм. Достаточно в последней фразе заменить по-бытовому звучащее слово "население" на демографическо-биологический термин "*популяция*", и тогда открывается исторический и метаисторический смысл коммунистической политики. Коммунизм предстаёт не просто как строительство общества нового типа, но шире — как строительство популяции нового типа, для чего тот или иной процент популяции старого типа уничтожается.

Уже по цитированным в собственно-русской главе нашей работы документам проступало, что все описанные в них насилия, истязания и террор являются частью сознательной, хотя и не формулируемой документами, целенаправленной политики тотального надругательства над человеком, над человеческой природой, над популяцией как духовно-национальной целостностью, политики доведения популяции до животного состояния рабочего скота. По материалам калмыцкой главы было видно, что это чистый геноцид со сложным демографическим заданием на полное уничтожение основ религиозно-национального бытия. Всё это повторяется и в тибетском, и в камбоджийском, и в других случаях коммунистической политики.

Можно разметить прослеживаемые по разобранным документам составные черты проведения этой политики:

1. большой или меньший, но всегда значительный процент популяции должен быть физически истреблён в порядке социально-демографической развёрстки;
2. костяк нации — взрослые мужчины — должны быть разбиты и рассеяны;
3. женщины должны быть изнасилованы и перераспределены;
4. подростки физически и психически изуродованы;

5. всё население должно быть подвергнуто той или иной форме циничного ритуального надругательства, чтобы произвести физиологический и психологический шок;

примечание: форма надругательства зависит от традиций, и применяется то, что будет воспринято большее в духе этих традиций: русских крестьян порют, на Тибете публично насилуют монахинь; шок есть часть цели;

6. собственность, религия, семья в традиционной форме должны быть уничтожены (классическая триединая формула социализма, установленная И.Р. Шафаревичем);

7. национальные целостности должны быть уничтожены.

Таким образом, мы действительно имеем здесь дело с чем-то подобным нейтронной бомбе, но гораздо более тонким инструментарием: уничтожается популяция, но сохраняется и даже *создаётся* человеческий рабочий скот, который при определённых условиях может и воспроизводиться.

Если перевести размеченные выше элементы с анализа *популяции* на анализ *специ* — *человека* как биологического вида, — можно предложить следующее членение:

1. уничтожение духовных основ и национальных традиций есть обруб генеалогии, демографических генеративных корней, человек оказывается как бы новорожденным или после полной амнезии (потери памяти), голый человек на голой земле; нет родственников — они убиты; нет семьи — она распалась;

2. физическое и физиологическое надругательство даёт в итоге новое соотношение между телесным и душевным в человеке; истязания и страх перед ними порождают новые инстинкты, новые рефлексы, новые психо-физиологические связи; в старинных терминах: тело перестаёт быть сосудом, в котором помещается душа;

3. психологический и психический слом приводит к психической перестройке; старая психика, "прежняя душа", исчезает, а опустевшее место заполняется античеловеческой идеологией;

4. в итоге — тотальная перестройка человека, подмена и замена человека, создание нового — уже не человеческого или

послечеловеческого — биологического вида.

В связи со всем сказанным остаётся для дальнейшего изучения важный вопрос: насколько практически возможно окончательное, законченное проведение описанной операции; иначе говоря, в какой степени коммунизму удалось и удаётся сделать то, что он делает; и если сделано не до конца, то в какой степени обратимо и необратимо то, что уже сделано.

Этот вопрос важен потому, что, по понятиям современной биологии, степень *необратимости* эволюционных процессов очень высока, если не абсолютна.¹⁰⁴ Причём если некий вид в определённый период играл доминирующую роль на Земле (как человек до того или иного десятилетия XX века), а затем его существование и роль изменились, тогда он может продолжать своё земное существование в новой функции в течение неопределённого времени, но уже как

”живущее ископаемое”.¹⁰⁵

Биологический вид есть целостность, замкнутая на себя. Промежуточных форм в мире растительных и животных видов не установлено. Как отмечал ещё Ч. Дарвин,

”группа, однажды исчезнувшая, никогда не появляется вновь”.¹⁰⁶

Это относится и к человеческой популяции, и к человечеству как биологическому роду.

М. С. Бернштам

104. Sir Julian Huxley. The Human Crisis. Seattle, 1963, p.5.

105. Ibid., p. 13.

106. Цит по: И. И. Шмальгаузен. Проблемы дарвинизма. Л., 1969, с.438.

КОНСТАНТИН ЭДУАРДОВИЧ ЦИОЛКОВСКИЙ

УЧЁНЫЙ, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ, ФИЛОСОФ

Человек воспринимает свою Землю и её жизнь всё еще по-птоломеевски — Земля-центр его, человека, жизни. Солнце "всходит" и "заходит", далёкие мерцающие звёзды только искорки на "его" небе, в лучшем случае имеющие некое мистически-астрологическое значение и Земля — "его Вселенная". Коперник и Галилей уже давно опровергли примитивы Птолемея, аппараты запущенные с земли присылают компьютеризированные фотографии Марса, Юпитера и Сатурна, человек побывал на поверхности Луны, но грандиозность Космоса не воспринимается человеком... Слишком большая разница масштабов.

"Человек думает, как муравей", — говорит Циолковский... Муравей занят своим делом, он не знает и не может осознать обстановку, окружающую его муравейную кучу — его "Вселенную" — и если эта его "Вселенная" вдруг оказалась бы в зоне военных действий, то до того момента, пока случайно в эту "муравьиную Вселенную" не попадёт снаряд или через неё не прокатится танк, для муравья этих военных действий не существует и... он продолжает заниматься своим муравьиным делом в независимости от разрушений и смертей...

Циолковский не мог думать по-муравьиному. Он видел не звёздное небо, а безграничный Космос, Вселенную. Мысли его

определялись световыми годами или миллионами их, а не минутами жизни человека на земле, и религиозность его также была космических масштабов.

При своём выступлении в аудитории Киевского университета, кажется, зимой 1930-го года с лекцией на тему о строении Космоса, на замечание одного слушателя-студента: "Какая материя умная, оказывается!" Циолковский резко ответил: "Вот именно! Умная! Я категорически отрицаю хаотичность материи. Всё, что мы знаем о микрокосмосе и макрокосмосе, только подтверждает то, что в природе вся материя подчинена строжайшим математическим законам, а не случайному стечению обстоятельств, и эти законы не могли возникнуть сами по себе, но они созданы! Когда, кем, как и почему, человек никогда не узнает и не поймёт!"

Интересно, что почти в эти же годы, другой знаменитый учёный, немецкий физик Макс Планк, высказал параллельную мысль: "Там, где кончаются пределы возможности человеческого мышления, начинается Бог!"

Именно эта "космическая" религиозность Циолковского и привела его к мыслям, оформленным в небольшой книжке под названием "Монизм Вселенной", вышедшей сперва в Калуге в 1925-м году, а потом переизданной автором в Москве в 1933-м.

По всем данным, эта работа "Монизм Вселенной" была написана ещё в 1915 - 1917 гг., а многие мысли, высказываемые в ней, можно встретить и в более ранних его работах таких, как "Грёзы о Земле и Небе", 1895 г. или в "Нирване", 1909 г. Само слово "Монизм", Циолковский понимает как "динство". Он говорит: "Мы проповедуем монизм Вселенной, монизм научно обусловлен самим строением Космоса".

Проповедуем! Эта маленькая книжка в 92 страницы именно и является "проповедью"! И написана она в несвойственном для Циолковского тоне, с нескрываемым пафосом и "оракульством". Предисловие начинается словами: "В мои годы люди умирают, и я боюсь, что вы уйдёте из этой жизни с горестью в сердце, не узнав от меня, от чистого источника знания, что вас ожидает непрерывная радость!" А саму книжку он начинает заявлением: "Я — чистейший материалист. Ничего не признаю, кроме материи. В физике, химии и биологии я вижу одну меха-

нику". Но это заявление очень скоро теряет свою категоричность в дальнейших рассуждениях, где Циолковский не материализует психику и духовность человека, а наоборот, одухотворяет материю. Он говорит: "В 'Монизме' доказываю, что жизнь в общем совершенна и разумна. Земная жизнь — печальное исключение и, покончив с ней, вы неизбежно погрузитесь в нескончаемую и блаженную жизнь Космоса. Величайший Разум господствует во Вселенной и ничего несовершенного в ней не допускается".

Первое впечатление от этой работы Циолковского, — некоторая неясность, назойливая категоричность и повторяемость, но вчитавшись и продумав прочитанное, становится ясной основная мысль.

Вселенная, комплекс трёх понятий — времени, пространства и силы — бесконечна и беспредельна. Она всегда была и всегда будет. Материя существует только при наличии этих трёх основ, но и эти три основных понятия — время, пространство и сила — сами по себе понятия абстрактные, без присутствия материи. Материя во Вселенной также безгранична и бессмертна, как и три понятия её обуславливающие. Высшие комбинации атомов, составляющих всякую материю, разумны, и они организуют всю материальную часть Вселенной. Всякое живое существо, включая и человека, также есть комбинация атомов, простейшие комбинации образуют тело, а более совершенные и сложные составляют мозг, мыслящее и руководящее начало всякого организма, и все атомы практически бессмертны. Атомы мигрируют из одной материальной сущности в другую, из состояния камня в живую материю растения, в мозговое вещество человека или в нервные клетки высших существ где-то в Космосе, но это всё те же атомы. Они живут какое-то сравнительно короткое время напряжённой жизнью мозговых клеток, но на многие миллионы лет они как бы засыпают, попадая в неживые материальные объекты; эти длительные промежутки небытия абстрактны и неощутимы для живой материи. И Циолковский иллюстрирует свою мысль: "Представьте, что вся наша жизнь состоит из ряда радостных снов. Проснулся человек, подумал о своём прекрасном сне и снова погрузился в блаженство следующего сна. И в каждом следующем сне он другой, новый и

неповторимый... Что же вам надо? — восклицает Циолковский. — Вы непрерывно счастливы, все ваши сны прекрасны, они доставляют вам радость бытия и они никогда не прекращаются...”

В этой маленькой книжке Циолковский с пафосом проповедника и убеждённого фанатика не рассуждает, а вешает. Он не говорит о теоретических возможностях своих теорем, которые с научной точки зрения возможны или проблематичны, а категорически утверждает их как аксиомы и в конце своей книжки, в резюме, он двадцать раз заявляет: “Нельзя отрицать, что...” и снова приводит одну из своих “аксиом”.

Человек есть комбинация атомов, и как таковая он — часть Вселенной. Циолковский пишет: “Во Вселенной господствовал, господствует и всегда будет господствовать Разум и высшие общественные Организации. Разум есть то, что ведет к вечному благосостоянию каждого атома. Разум есть высший или истинный Эгоизм”. И дальше: “Атом всегда жив и всегда счастлив, несмотря на абсолютно громадные промежутки небытия или состояния его в неорганическом веществе...” “...смерть прекращает все страдания данной комбинации атомов и, суля новое воплощение их, субъективно дает немедленное счастье...”

Можно ли находить “счастье” в безусловно правильном утверждении, что атомы материи, из которых состоит человеческое тело, кровь и мозговое вещество, обладают бесконечно длительными промежутками жизни, переходя из одного молекулярного соединения в другое во времени и пространстве, это конечно, вопрос очень спорный. Также верно, что только единственная уникальная и неповторимая комбинация атомов объединенных в молекулы, в свою очередь уникальных и неповторимых, создает опять-таки уникальное и неповторимое “Я” человека. Рассыпятся эти атомные комбинации, возможно включатся во что-то новое, но “Я” исчезнет навсегда, и человек, как таковой, только до тех пор является частью Вселенной, пока создавшая его комбинация материи сохраняется. Основные религии, признавая и утверждая наличие души как нематериальной категории и только временно существующей в материальной оболочке индивидуума, значительно больше дают пищи для ощущения радости.

"Монизм Вселенной", книга, написанная 3/4 века тому назад, во многом уже просто устарела, но она долго еще сохранит свой интерес, как философская попытка "одушевления материи".

Если отдельные частные науки получают свои "космические" приставки и названия, как "космическая физика", "космическая биология", "космическая механика" и т. д., то и понятия "космическая философия" и "космическая социология" вполне оправданы и логичны. Циолковский сам вводит в обиход эти термины. В своей работе "Свободное пространство" (1897) он пишет: "Человечество входит в космическую эру, и для движения вперед необходимо принять космическую философию мышления".

Циолковский даже в своих ранних работах рассматривал Пространство не в астрономическом аспекте, а как среду для распространения человечества в будущем, он смотрит в небо не созерцательным взором, но глазами утилизатора-инженера с мыслью использования его для прямых нужд человечества. Он говорил: "Нельзя судить о жизни растений, животных и человека, основываясь только на познании Земли. Это слишком узкая точка зрения, и она приводит ко многим неверным выводам". И дальше в этой же работе, названной "Необходимость космической точки зрения", изданной в 1922 г., он продолжал: "Человек есть материя, одухотворенная, высшая, но материя и судьба его, как материального существа, зависит от судьбы Вселенной". Это уже полностью негеоцентрическая позиция, начало которой было заложено еще Николаем Коперником, и антропокосмизм есть дальнейшее развитие этой позиции.

Этот антропокосмизм Циолковского был основной осью всей его научной работы и этим же принципом руководствуется современное человечество, посылая свои пространственные корабли в просторы Вселенной. Термин "антропокосмизм" не следует сужать первой частью слова, происходящего от греческого "антропос" — человека, т.к. сам Циолковский включал в это понятие не только земного человека, но и его "братьев по разуму", во множестве существующих на "островах" цивилизаций в Космосе.

И до, и после Циолковского многие учёные также выражали

"космические" точки зрения, но хотя космические познания человечества и представляют собой единый процесс, этот процесс имеет различные стороны и направления. Так, например, если современнику Циолковского В.И. Вернадскому было свойственно исследование влияния Космоса на Землю и представление всех земных явлений в качестве звеньев единого космического процесса, то космическая направленность Циолковского заключалась в стремлении выхода человека в Космос и к контакту с "Разумом неземного происхождения", и это главная тема его двух последовательных работ "Разум Космоса и разум его существ", изданной в 1932 г., и "Существа выше Человека", написанной в 1933 г. Он писал: "На основании всех моих работ и изысканий, я твёрдо верю в осуществимость космических путешествий, соприкосновение с разумными мирами Вселенной и расселение земного человечества в её просторах".

Выход человечества в космические просторы для Циолковского представляется абсолютной неизбежностью. Он писал: "Сейчас люди ещё слабы, но и то начинают преобразовывать поверхность Земли, в далёком будущем могущество Человека усилится до того, что он будет изменять поверхность нашей планеты, её океаны, атмосферу, погоду, растения, животный мир и самого себя. Люди будут путешествовать и за пределами нашей солнечной системы, достигнут иных солнц, используют энергию и материю космоса для своих нужд и целей". В развитии идеи эволюционного совершенствования Циолковский усматривает что: "Прогресс организмов идёт непрерывно, и он не может остановиться на таком сравнительно мало совершенном существе, как земной человек", по его мнению, человек по своему развитию ближе к простейшим животным, чем к существам, населяющим космос. Он строит гипотезы о этих сверхсуществах и о предположительных неизбежных контактах с ними, но подчёркивает, что человечество ещё не созрело для этого.

"Мы, братья земляне, затеваем войны, убиваем друг друга... Как же мы отнесёмся к совершенно чуждым нам существам? Но сочтём ли мы их за врагов и соперников по обладанию Землёй и не погубим ли мы себя в неравной борьбе с пришельцами?"

Циолковский, глядя в возможно, очень ещё отдалённое будущее Земли, полагает, что когда-то для человечества возникнет

необходимость частичного, а возможно, и полного переселения с планеты-колыбели в новые места в космических даях. То ли эта необходимость появится в результате перенаселения Земли, то ли в результате иссякания земных ресурсов, необходимых для поддержания жизни, или в результате глобальных катастроф, но она появится. Против искусственного организованного метода приостановления роста населения Земли Циолковский категорически восставал, считая подобные взгляды неприемлемыми и с моральной, и с социальной точки зрения. Интересна его мысль, что увеличение населения земли, помогает человечеству бороться с природными стихиями, он даже вывел математическую зависимость: "Успешность борьбы с природой пропорциональна квадратному корню из величины населения".

Населенность Вселенной разумными существами в великом множестве для Циолковского не подлежит сомнению: "Одно из двух: или конечность, или бесконечность. Ограниченность никакой величины — допустить нельзя, поэтому остается только одно — бесконечность, — рассуждает он. — Прежде думали, что Земля единственна, но сейчас и ребенку ясно, что Земля это только первая для нас, землян, ступень бесконечности, наша Солнечная система — вторая ступень, наша галактика Млечный Путь — третья. Но галактик тоже бесконечное множество, и это четвертая ступень бесконечности, или то, что я называю "Эфирный остров". Логика подсказывает, что существуют и следующие ступени в общем строении Вселенной, 5-я, 6-я, 7-я и так далее без конца". И, развивая эту мысль, Циолковский утверждает, что на каждого живущего на земле человека приходится миллионы миров, физически подобных нашей Земле, с условиями, благоприятствующими для органической жизни. "И мой вывод таков: большинство планет среднего размера, с газовыми оболочками и средним перепадом температур в солнечных системах Вселенной — были, есть в настоящее время или когда-то будут обитаемы."

Только бесконечность расстояний в Космосе и чрезвычайная ограниченность длительности жизни земных существ и даже цивилизаций их, является главным препятствием в осуществлении контактов с инопланетянами.

Естественным продолжением "космической философии"

Циолковского являются его мысли о "космической социологии" или, как это принято называть в наше время, "астро-социологии". Он говорил: "Если бы жизнь не распространялась по всей Вселенной, если бы она была привязана только к своей планете, то эта жизнь была бы несовершенной и подверженной печальному концу с концом жизни самой планеты", но это не так, и Циолковский утверждает: "В Космосе, без сомнения есть жизнь и цивилизации, во много раз превосходящие по своему развитию нашу земную. Человек на Земле ещё младенец и только начинает пробовать стать на слабые ещё свои ножки". Развивая последовательно свою мысль о наличии "совершенных цивилизаций" в просторах Вселенной, он, пожалуй, первый высказал мысль, что "низшие существа приспособляются к условиям природы, а высшие преобразуют природу для своих нужд и по своей воле". И поэтому совершенная жизнь во Вселенной не обязательно находится там, где по нашим земным понятиям существуют благоприятные физические и биологические условия для неё, а возможна там, где для нас она кажется невероятной. И для Циолковского при его рассуждениях о "внеземной жизни" главным является не наличие или отсутствие благоприятных, по земному пониманию, условий жизни, а достигнутый общественным организмом уровень научного познания природных условий.

Несмотря на то, что Циолковский считал, что "совершенные разумные цивилизации Космоса" могли достичь технического совершенства только при условии такого же совершенства в их общественной и моральной жизни, всё же у него возникает вопрос: "А что, если земным шаром овладеют эти совершенные космические существа? Не воспользуются ли они своим совершенством, чтобы уничтожить человечество и самим колонизировать землю?"

Этот вопрос и сейчас дебатруется, в свете довольно большой работы, проводимой в ряде стран в стремлении обнаружить очаги жизни в пространстве, или дать знать нашим "соседям" о нашем существовании. Можно ли предпринимать подобные акции вслепую? Не заложено ли в этом стремлении к контактам с неизвестностью зерно смертельной опасности для человечества?

В представлении Циолковского "представители неземных

цивилизаций не дают о себе знать не потому, что их не существует, а потому, что жители Земли в массе своей ещё не подготовлены к этому, и получение информационных сигналов от иных разумных существ космоса и тем более непосредственное появление их, может вызвать немалые социальные коллизии и потрясения в нашем сегодняшнем мире, принеся больше вреда, чем пользы”.

Но высокоразвитые цивилизации, по мнению Циолковского, “могут, должны и безусловно ведут систематическое негласное наблюдение за несозревшими для социальных контактов обществами, подобными нашему земному, с целью определения момента, когда такой контакт сможет принести положительные результаты”.

Читая эти строки, нельзя не сопоставить их с разными сообщениями, появляющимися от времени до времени в разных странах, о феномене “неизвестных летающих объектов”. Верить этому не хочется, а абсолютно не верить этому нельзя. И Циолковский говорит: “Мы с трудом представляем себе что-нибудь выше и совершеннее земных существ по своим качествам и технологии находящейся в их распоряжении, вот почему, при таком узком кругозоре, мы не допускаем и не представляем себе возможности вмешательства иных существ в наши земные дела”.

В другом месте (“Монизм Вселенной”) Циолковский, рассуждая о будущем Земли и человечества, уже соприкоснувшегося “с высшими неземными цивилизациями”, рисует такие картины: “Путем подбора и скрещивания будут созданы полезные для человека растения, утилизирующие не 2/100 % солнечной энергии, а 20-30% ее, и, соответственно, питательность этих продуктов увеличится во много раз”. Таким образом условия на Земле изменятся и “человечество будет усиленно размножаться, но не все будут иметь право производить детей, это будет правом только лучших особей. Все будут иметь жен и жить счастливо с ними, но размножение будет контролироваться”. А дальше уже совсем, как выдержка из известной книги А. Хукслей “Храбрый новый мир”:

“Женщины будут рожать, но без страданий, как родят высшие существа. Зародыши, производимые ими, будут продолжать свое развитие в особой обстановке, заменяющей утробу

матери”, и т.к. человек будет создаваться под контролем общества, то ”человечество будет настолько же выше теперешнего человека, насколько последний сейчас выше обезьяны. Исчезнут из характера человека все низшие, животные инстинкты”.

Начиная с конца 1931 года Циолковский всё чаще и чаще болеет и подолгу вынужден оставаться в постели в своём калужском доме. Ему много раз и довольно настойчиво предлагали переселиться в Москву, чтобы он был поближе к центральным научным учреждениям и мог бы пользоваться врачебной помощью лучших медицинских сил столицы, но Циолковский не захотел этого переезда и оставался в Калуге: ”Здесь мне легче думать, творить и жить... я и умереть хочу здесь, в этом городе, ставшим для меня родным и любимым”, — писал он в Москву.

Эти последние годы своей жизни Константин Эдуардович уже не может работать так, как он работал, у него обнаружен рак неизлечимой формы. Постоянное недомогание и сильные боли делают его почти полным инвалидом, но все же за 1933 и 34 годы он пишет 16 статей в разные журналы на разнообразные темы, в основном популяризационного характера, на большее уже у него сил не было.

Заслуженный деятель науки, дважды награжденный орденом Трудового Красного знамени, окруженный заботой и вниманием, под постоянным надзором двух врачей Циолковский умирал. Умирал долго, медленно и мучительно. Две операции не дали обнадеживающих результатов, а наоборот, подтвердили близость конца.

Он знает, что дни его сочтены, но все же старается что-то писать, что-то делать... За два месяца до своей смерти Константин Эдуардович заявил о своем желании прочитать лекцию в калужском Аэроклубе его имени, где он и раньше часто читал лекции для студентов, пилотов.

”Удрал от докторов”, — сказал он, войдя в аудиторию. Вид у него был очень нездоровый, он едва держался на ногах, но на уговоры аннулировать лекцию он не согласился. Он передал рукопись лекции одному из слушателей и сказал: ”Пусть он читает, а я посижу и, если что непонятно будет, объясню”, а затем, помолчав, добавил: ”Мне здесь легче, чем в постели”. Это

было последнее публичное появление ученого.

В последние дни своей жизни Циолковский написал два письма, создавшие ему скверную славу за пределами Советского Союза. Одно, написанное 9-го сентября, адресовано на имя Сталина, там есть такие строчки:

"До революции моя мечта не могла осуществиться. Лишь Октябрь принес признание трудам самоучки..." В письме много похвальных слов советскому правительству, коммунистической партии и самому Сталину. Второе письмо-завещание подписано 13-м сентября, т.е. за шесть дней до смерти. Это последнее письмо обычно приводится во всех книжках о жизни и творчестве ученого, выпущенных в СССР: "... Все мои труды по авиации, ракетоплаванию и междупланетным сообщениям передаю партии большевиков и советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что они успешно закончат эти труды. Всей душой и мыслями ваш, с последним и искренним приветом всегда ваш, К. Циолковский".

Профессор Цветиков очень скептически относился к тексту обоих этих писем; он рассказывал о своей последней встрече с Циолковским, когда он приехал в Калугу ранней весной 1935 года навестить умирающего. Цветиков указывал, что уже тогда Циолковский принимал большие дозы болеутоляющих средств, и ему часто делали впрыскивания морфия.

"Он был в очень плохом состоянии, память его сильно ослабела и ему было трудно разговаривать... а эти письма были якобы им написаны за несколько дней до смерти..." А потом, посмотрев еще раз на факсимиле, приведенное в одной из книг, добавил: "Рука, конечно, его, я сравнивал с его личными письмами ко мне... но стиль... чисто газетный и Константину Эдуардовичу безусловно несвойственный... кто-то диктовал умирающему..."

Профессор через некоторое время снова вернулся к этому же вопросу о предсмертных письмах Циолковского:

"Но логика в этих письмах есть. Ведь действительно Циолковский сделался Циолковским только уже при советской власти... да и кому же ему было завещать свои работы?.. Узорчики и цветочки кто-то добавил для политики, и все эти "ура товарищу Сталину"... это не Циолковский!"

Умер Константин Эдуардович Циолковский 19-го сентября 1935 года, прожив 78 лет и два дня.

Похороны его были государственные, траурная процессия, оркестры, исполняющие траурные марши, делегации от разных учреждений и организаций Калуги и Москвы, речи над могилой, венки и цветы...

В загородном парке над его могилой поставлен обелиск с барельефным портретом ученого, под которым высечены на граните слова его:

"Человечество не останется вечно на Земле, но в погоне за светом и пространством, сперва робко проникнет за пределы земной атмосферы, а затем завоюет себе все околосолнечное пространство и устремится в космические дали".

В центральном сквере города Калуги в 1938 году установлен большой памятник русскому ученому, пионеру ракетоплавания Константину Эдуардовичу Циолковскому.

П. Н. Палий

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

СУДЬБА БАХМЕТЕВСКОГО АРХИВА — РАПОРТ РУССКОМУ ЗАРУБЕЖЬЮ

(письмо в редакцию)

Со времени опубликования моего первого рапорта прошел год, и вновь со всех концов зарубежья меня спрашивают, что же происходит в Нью-Йоркском архиве, созданном русской эмиграцией при Колумбийском университете после гибели в 1945 г. Пражского архива. Отвечаю опубликованием второго рапорта.

1. К сожалению, по-прежнему эмигрантские деньги русского эмигранта Б. А. Бахметева, предназначенные на русские эмигрантские начинания и антибольшевицкий архив, расходуются без участия Эмигрантского Попечительного Комитета, облеченного доверием Русского Зарубежья. Образование такого комитета было много раз обещано — устно и письменно — но обещания остались не выполненными.

2. Архив, содержимый на эмигрантские деньги, по-прежнему не имеет собственного, полностью отдельного помещения с соответствующим обозначением (как это было до мая 1977).

3. Архив лишен и прежнего характера автономного учреждения *sui generis*. Он превращен в простую часть библиотеки со всеми вытекающими последствиями.

4. Несмотря на все обращения, призывы, просьбы, архив по сей день НЕ возвращен в компетентные русские руки, а со времени моего устранения в мае 1977 г. находится в руках людей с недостаточным знанием русского языка и исторического происхождения материалов. Имена всех тех, кто с мая 1977 г. рылся и продолжает сейчас рыться в архивных фондах, упорно скрываются и до сих пор, несмотря на все требования, не объявлены эмиграции. Таким образом, впервые за все

время своего существования архив оказался в руках некомпетентных людей, не известных эмиграции и не облеченных ее доверием. Отсутствие у администрации заботы о таком доверии, конечно, является неслыханным до сих пор и грубым нарушением джентльменского соглашения 1951 г. при основании Архива (президентом университета тогда был ген. Айзенхауэр.)

5. Наиболее неблагоприятным сейчас является то, что мои предложения — не трогать без меня те многочисленные материалы, для которых я лично был определен попечителем (с правом назначения преемника), не были приняты к руководству. Трудно представить себе худшее отношение к людям, которые на основе доверия ко мне лично 26 лет наполняли архив ценными историческими материалами. Казалось бы, их воля должна быть обязательной и непререкаемой, а ею просто пренебрегли. Вскрываются картонные ящики с моей надписью "секретно — не вскрывать", а содержание их читается. Даются сведения из моей абсолютно секретной переписки. Должен предупредить, что я известил об этом вкладчиков, и прикасающиеся к таким материалам без моего разрешения — как служащие университета, так и исследователи — могут быть привлечены к судебной ответственности.

6. При создавшемся в архиве положении вещей нужные исследователям материалы не могут быть отысканы, а необходимые им советы и указания, какие раньше давались в изобилии, теперь не могут быть ими получены. Исследователи вынуждены обращаться за помощью ко мне, но я при всем моем знании и желании не могу им помочь до восстановления в архиве нормального положения в согласии с джентльменским соглашением 1951 г.

7. Основатели архива с 1951 г. давали вкладчикам заверения, что если они пожелают, они могут в любое время взять свои материалы назад (например, для опубликования и т. д.). После моего устранения в мае 1977 г. на просьбу о возвращении материалов вкладчикам посылаются высокомерные отказы по народной поговорке — "Что с воза упало, то пропало..." Обращайтесь-де, в суд. Только подумать, что такие рекомендации даются людям, поверившим, что джентльменское соглашение 1951 г. будет строго соблюдаться! Знай вкладчики о возможности печальных событий 1977 г., они никогда не отдали бы своих материалов в архив. А сейчас, естественно, вкладчики переживают чувства горькой обиды и неза заслуженного оскорбления. Нынешние вершители судеб архива явно не разобрались в делопроиз-

водстве архива — ведь, там лежат бумаги, в которых черным по белому говорится, что материалы передаются **НА ХРАНЕНИЕ**, а не в собственность.

8. О прежнем непрерывном и обильном притоке материалов со всех концов Зарубежья в этот единственный в мире антибольшевицкий архив не может быть теперь и речи. До моего внезапного устранения в мае 1977 г., фонды архива считались наиболее полно отражающими события последних десятилетий Империи и всю антибольшевицкую борьбу с 1917 г. во всем ее многообразии. Это понятное всем назначение архива было в мае 1977 г. подорвано: потерявшие доверие эмигранты перестали передавать свои часто ценнейшие! материалы. Продолжается это уже три года и, несомненно, такая нарочито созданная порочная ситуация нанесла большой (а в некоторых случаях и непоправимый) ущерб правдивой истории и будущему объективному исследованию. Радоваться тут может только КГБ, восхищаясь предельной услужливостью, проявленной при осуществлении "реформы в архиве". Университет, видимо, не заинтересован в новых поступлениях — иначе архив был бы возвращен в компетентные русские руки, а Эмигрантский Попечительный Комитет давно бы действовал. Теперь же русские эмигранты и их организации не только отказались передавать материалы, но не будут оказывать никакой помощи, а также призовут и американских друзей русской культуры не совершать пожертвований учреждению, которое **НЕ** соблюдает своего слова.

9. В наше время строжайшей экономии очень важно отметить, что я 26 лет создавал архив **ОДИН** при нищенском бюджете из года в год, а с мая 1977 г. в нем ворошит материалы (как я уже описал выше) целый ряд лиц, чуждых архиву, но оплачиваемых из бахметевских денег.

10. Есть нечто иррациональное в упорном нежелании восстановить добрые отношения с эмиграцией. Объяснить это просто невозможно. Обращения и протесты вкладчиков, друзей архива и общественных организаций — или остаются без ответа, или же им посылаются бюрократические отписки, не содержащие прямых ответов по существу дела. Кому и зачем нужно так оскорблять людей и сеять неприязнь, которой никогда не было раньше?

11. Дело архива за эти годы стало международно известным. Особенно за его развитием следят в университетах, имеющих отделы руссиеведения. Оно останется в истории этих лет. Вычеркнуть его из нее уже никак нельзя — слишком много сказано и напечатано. Тем, кто

намеренно затягивают благополучное разрешение этого никому не нужного конфликта и помогают его продолжению, придется уже нести ответственность перед международной культурной общественностью и, конечно, перед историей. Сильный жестоко обидел слабого и отнял у него его национально-культурное достояние.

12. Если прошлая администрация университета, вынужденная как-либо признать огромный жертвенный вклад Русского Зарубежья в дело создания архива, думала, что назначением проф. Раева почетным куратором, она успокоит русскую эмиграцию, то теперь ясно видно, что этот результат не был достигнут. Эмиграция знает, что проф. Раев никогда не имел никакого отношения к созданию и организации архива. И, конечно, никакие титулы не могут ничего изменить в этом факте. Отовсюду спрашивают, за какие именно заслуги перед архивом профессору Раеву был присвоен титул почетного куратора?

13. Как пишется в обращениях к президенту университета, эмиграция не прекратит своих требований, не откажется от своего национального достояния — архива и не допустит, чтобы еще одно русское начинание — на глазах всего цивилизованного мира — ушло из русских рук, было силой выхвачено из них. Нельзя также забывать, что сейчас законодатели и правительство США призывают всех к самому бережному отношению к национальным культурным ценностям каждой этнической части населения. Неужели Колумбийский университет может отвергнуть и это?

14. В довершение всего в университетском журнале за октябрь 1980 г. была напечатана заметка о Бахметевском архиве. В ней нет упоминания ни о великом генерале Айзенхауэре, которому Нью-Йоркский архив эмиграции обязан своим возникновением, ни о незабвенном великом друге русской культуры проф. Филиппе Артуровиче Мозли, память которого мы все чтим и почитаем, ни о джентльменском соглашении 1951 г. О Б. А. Бахметеве говорится мимоходом, как о случайной фигуре в архиве, без надлежащего указания на его заслуги и перед университетом (он был его профессором), и при создании архива как автономного учреждения *suū generis*. Архиву дана совсем новая характеристика: скрыта его антибольшевицкая сущность, совсем исключены и не отмечены материалы Белого Движения, составляющие около 80% всех фондов; не указана ни одна коллекция вождей и участников антибольшевицкой борьбы с 1917 г. во всем ее многообразии. Опубликование этого нарочитого "кривого

зеркала” не может не оскорбить — глубоко оскорбить — каждого русского антибольшевика. Из заметки выходит, что архив упал с неба — совсем не сказано, что его жертвенно создала русская эмиграция, как памятник Империи и антибольшевицкой борьбы с самого ее начала. Но во всех университетах свободного мира это знают, и, конечно, такая препарированная публикация никого обмануть не может. Она только лишний раз подтверждает, что после моего устранения в 1977 г. архив полностью утратил свою автономию и влит в библиотеку с целью совсем изменить его подлинное назначение.

15. Положение вещей создалось трагическое, но в эти дни появился “светлый луч в темном царстве”. В *New York Times*'е от 28-го сентября с. г. напечатана пространная статья о тяжелом наследстве, доставшемся новому президенту университета, и о совершенной необходимости для него пересмотреть прошлое и принять самостоятельные новые решения по многим делам. Из этого моего рапорта видно, что, конечно, архив должен быть одним из таких дел.

Обращение от организаций и отдельных лиц к новому президенту университета (Dr. M. I. Sovern, President, Columbia University, New York, N. Y. 10025), несомненно, поможет ему лично разобраться в деле архива и восстановит прежние добрые отношения с эмиграцией по джентльменскому соглашению 1951 г.

Он, конечно, знает, что одним росчерком административного пера и в один день нынешнее ненормальное положение может быть устранено и архив возвращен в компетентные русские руки. Пишущий эти горькие, но искренние строки готов оказать свое полное содействие любому благоразумному мероприятию, которое положит конец тягостному (и никому не нужному) конфликту Колумбийского университета с Русским Зарубежьем. Ведь, 26 лет — до мая 1977 г. — отношения были безоблачными и для обеих сторон исключительно плодотворными. Они могут быть в один день восстановлены, если только президент Соверн пожелает.

Лев Магеровский, куратор — основатель
Бахметевского архива (1951-1977)

ОТ РЕДАКЦИИ

Редактор "Нов. Русс. Слова" Андрей Седых в номере от 2 июня с. г. поместил статью "Судьба Бахметевского Архива", в которой он поддерживает решение Конгресса Русских Американцев о кампании по упорядочению дел с Бахметевским архивом. Известно, что теперешняя администрация Колумб. У-та нарушила "джентльменское соглашение" быв. президента Университета ген. Айзенхауера с основателями Бахметевского архива, проф. Ф. А. Мозли и куратором архива Л. Ф. Магеровским, превратив этот ценнейший русский архив в придаток к собственной библиотеке У-та, устранив от его заведывания русских. Русская Академическая Группа в США, так же как и "НРС", поддерживает инициативу Конгресса Русских Американцев. Редакция "Нового Журнала" вполне разделяет инициативу Конгресса Русских Американцев, считая, что Администрация Колумб. У-та провела это присоединение Архива русской эмиграции к своей библиотеке неким захватническим и недостойным путем. Мы считаем, что Бахметевский Архив, созданный русской эмиграцией, должен быть возвращен в русские руки. Упорство администрации Колумб. У-та в этом вопросе чрезвычайно странно. Мы полагаем, что в крайнем случае Конгресс Русских Американцев — при поддержке множества русских эмигрантских организаций, как в США, так и в других странах, — должен довести это дело до суда. Русский Бахметевский архив, созданный на русские деньги и трудами и жертвенностью русских эмигрантов, должен быть возвращен русской эмиграции, как это и предусматривалось "джентльменским соглашением" ген. Айзенхауера с создателями этого исключительного архива.

Роман Гуль

БИБЛИОГРАФИЯ

TO HO OR NIKOLAY ANDREYEV: ESSAYS ON THE OCCASION OF HIS SEVENTIETH BIRTHDAY.

Edited by W. Harrison and A. Pyman. *Canadian-American Slavic Studies*, vol. 13, nos. 1-2. Arizona State University, Tempe, 1979. 234 pp. \$15.00.

Уже свыше тридцати лет ученая и преподавательская деятельность Николая Ефремовича Андреева связана с Кембриджским университетом. Без него развитие русских исследований в Англии и создание кадров не одного поколения британских славистов были бы заметно уменьшены. Н. К. Гудзий, знаменитый московский литературовед, заметил однажды, что "есть школа Андреева, отличающаяся непредвзятостью точки зрения, строгой фактичностью, критичностью в оценке источников и осторожностью в выводах исследования." Николай Ефремович производит большое впечатление на своих учеников, среди которых находятся и редакторы этого сборника и пишущий эту рецензию, — для последнего встреча с Николаем Ефремовичем была первым общением с русским, с Россией. Из его непосредственных учеников больше тридцати стали университетскими преподавателями в Великобритании, в странах британского Содружества наций и в США.

Но хотя ученые интересы и университетские курсы и семинары Николая Ефремовича были чрезвычайно разнообразны (от истории древних славян до диссидентской литературы), международную известность он получил за работы по допетровской Руси. Именно поэтому рецензируемый сборник (Фестшриффт — Праздничное издание) собрал ученых из десяти стран: Австрия, Болгария, Великобритания, Израиль, Норвегия, Польша, СССР, США, ФРГ, Франция. Сборник содержит семнадцать исследовательских статей. Так как все они, несомненно, представляют собой большой научный интерес, было бы несправедливо уделить больше внимания одним работам, чем другим.

Все-таки нельзя обойти молчанием исследование, написанное бывшей ученицей Николая Ефремовича, Линдсей Хьюз, на тему "Московская Оружейная Палата и новшества в московском искусстве семнадцатого века". Ярко просвечивает здесь благотворное влияние Николая Ефремовича на молодое поколение английских историков, занимающихся проблемами развития русской культуры. Необычен факт включения работ трех выдающихся советских историков: Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье и Р. Г. Скрынникова — весьма редко советская наука соглашается признать заслуги зарубежного независимого исследователя.

Здесь нет места, чтобы привести, хотя бы вкратце, содержание всех исследований, сделанных Николаем Ефремовичем за полвека его научной работы. Всех интересующихся можно отослать к тщательному и яркому, написанному самими редакторами, обзору жизни и научной тематики Николая Ефремовича. Редакторы также составили библиографию его печатных трудов, включая его прозу и литературоведческие статьи. Библиография эта, как составители сами признаются, еще неполная: Николай Ефремович продолжает энергично писать, а многие ранние его публикации спрятаны в малодоступных изданиях 20-х и 30-х годов. Все же профессор Гаррисон и доктор Пайман обещают более полную версию библиографии во втором томе сборника в честь Н. Е. Андреева, который будет касаться не истории, а литературы, и включит исследовательские работы лишь его английских учеников. Читатель должен быть благодарен редакторам за огромную работу по составлению библиографии, по сбору статей для сборника и за перевод некоторых из них на английский язык. Им удалось собрать статьи ученых, которые как нельзя лучше перекликаются с многосторонней тематикой Николая Ефремовича, как историка допетровской Руси. Здесь представлены и история искусства, и история древней литературы, и история древней русской мысли, а также эпизоды политической истории.

Каким образом сложился подход Николая Ефремовича к историческому исследованию? Сам он называет три имени: великий русский исследователь византийских и славянских древностей Н. П. Кондаков, блестящий историк Византии Г. А. Острогорский, и осторожный археолог и проникательный иконовед Н. П. Толль, — всем им и обязан Николай Ефремович в развитии его систематического, всегда с учетом специфики эпохи, кропотливого в своей точности, и критически

взвешивающего факты подхода к разбираемым им историческим явлениям. Таким образом Николай Ефремович, вооруженный для научной работы, вел ее в рамках Института имени Н. П. Кондакова в Праге, получая личную стипендию от президента Чехословакии. С финансовой поддержкой знаменитого американского летчика полковника Линдберга Николай Ефремович провел два сезона в Псково-Печерском монастыре. В результате появился ряд его работ, по-новому осветивший проблемы православия на Псковщине, который завершен важным детальным исследованием "О характере Третьей Псковской летописи" в сборнике в честь о. Георгия Флоровского (1975). Исследовательская работа на "живых" памятниках была прервана войной, но Николаю Ефремовичу удалось отстоять интернациональный характер Кондаковского института настолько успешно, что немецкие оккупанты сочли нецелесообразным институт ликвидировать.* После прихода советских войск последовал арест. Позднее этот период своей жизни Николай Ефремович называл "вторым университетом", познакомившим его с советской системой в "натуральную величину". Затем последовал крутой поворот судьбы, который привел его в виднейший из английских университетов. И жизнь из исследовательской стала жизнью преподавательской, но тем не менее Николай Ефремович продолжал интенсивно писать на множество тем. Когда-то Н. П. Кондаков сказал о научной работе: "Вся жизнь для анализа, один день — для синтеза". Теперь после освобождения Николая Ефремовича от преподавательской нагрузки, будем надеяться, что у него найдется время для подобного синтеза, т. е. обобщающего труда по истории России.

Редингский университет

Джемс Дингли

*В этом помог Н. Е. Андрееву князь Карл Шварценберг.

АНДРЕЙ СЕДЫХ. "ПУТИ, ДОРОГИ". Нью-Йорк, 1980

"Леди и джентльмены, — возвращает нас к действительности гид, прошел уже час, а мы еще не видели Гойи!"

Фраза взята мной из главы "Прогулки по Мадриду" — чтобы показать один из главных творческих приемов автора, рассказывающего о своих путешествиях: это не гид, а сам автор возвращает читателя к осмотру Прадо после авторского отступления по поводу полотен Греко. В отступлении — экскурс в историю испанской живописи (Греко, Рибера, Мурильо), перемежаемый сопоставлениями, оценками и авторской экспрессией ("Никогда больше в испанской истории не повторится этот "Золотой век", как в России не повторятся одновременно Пушкин, Лермонтов, Гоголь"...)

Эти отступления, лучше сказать: авторские опосредствования виденного, искусствоведческие, литературные (см., например, "В стране Дон Кихота", "Два Дон Жуана", "В городе Ромео и Джульеты"), исторические ("Защитники Альказара") и жанровые, всегда содержат живость и теплоту личного авторского "я", будь то юмор или лирическая приподнятость, и это создает ту особую доверительную тональность повествования, которая полонит читателя, — он, читатель, от автора ни на шаг по местам, по которым его ведут, хотя бы и были они ему знакомы, и в главке "Бой быков в Мадриде" не пропустит ни строчки, хотя бы и читал хемингуэвскую "Фиесту".

Ко всему этому — живописная сила автора в передаче образов и впечатлений. Ее подчеркивал И. А. Бунии в предисловии к книге "Звездочеты с Босфора": "Я тринадцать раз был в Константинополе и могу сказать безошибочно, как живо дал мне почувствовать Андрей Седых в своих "Звездочетах" то трудно передаваемое, что присуще Константинополю; я хорошо знаю Крым, Черное море (...) — тоже могу сказать об искусстве Андрея Седых и в этом случае"...

Хороша экспрессия жанровых и батальных картин (танец гитаны в "Гранаде", осада Альказара), неосложненная метафорика пейзажа:

"В порту было сонно и тихо. Струился горячий прозрачный воздух. Пахло смолой и мокрыми канатами. Небо неправдоподобной синевы сливалось где-то на горизонте с такой же синевой моря" ("От Севильи до Гранады").

Есть что-то от Бабеля в красках и саморастворенности автора в пейзажных зарисовках:

“Через час я сидел в вагоне. Горячий воздух бил в окно, и большое красное солнце медленно умирало над древними Сиракузами, оставшимися уже далеко позади. Какая-то необыкновенная печаль была разлита по пустынному побережью Атлантов, по всей этой навеки мертвой земле” (“Сиракузы”)

Эти черты авторского творческого почерка, как мне кажется, особенно выразительны в первой части книги, озаглавленной “Там, где была Россия”; тема встречи с родиной рассказана без нажимов, но с той скрытой взволнованностью, которая создает климат целого. Сам перечень очерков: “Умиравший Двинск”, “На границе СССР”, “В Псковско-Печерском монастыре” и др. заставляет биться чаще пульс зарубежного читателя. Вот, на самой границе”:

— Перешагните и вы — в России...

Восемь лет я не был в России. Теперь снова стою на родной земле.

Немного кружится голова. Приятно... Отхожу в сторону, делаю несколько шагов по полю. С латвийской стороны кричат:

— Торопитесь... Нагрянет пограничник — плохо будет!

В кармане у меня припасена бумажная торба. Всыпаю в нее пригоршни жирной, мягкой земли”... (“На родной земле”).

Авторский рассказ щедр красками и перемежающимися стилевыми формами: сцены, зарисовки, диалоги: “Вы уж нас в Парижу не забудьте. Напишите за нас, может, облегчение какое выйдет! И покорно вас благодарим, господин Сядой”, — говорят русские старообрядцы в Латвии.

Живописна “Печерская ярмарка”. Или вот, из “В древнем Изборске”:

“...Холмы прятали от нас берега совсем близкого Чудского озера, туман скрывал горизонт. Но потом разорвалась легкая туманная завеса, и как далекий призрачный мираж, как невидимый град Китеж, стал подниматься из тумана Псков. Сначала обрисовалась высокая колокольня с зеленой крышей, потом еще одна церковь...

Рядом со мной, на крепостной стене, стояла пожилая, усталая женщина. Она приехала в Печерский монастырь на богомолье, случайно попала в Изборск, случайно увидела призрака России. Смотрела долго и тихо, беззвучно плакала”...

Подытоживая свой отклик, скажу: эта книга Андрея Седых для меня маленькое читательское чудо. Кое-что о рассказанном случилось слышать раньше, кое-что повидал сам, а главное — нет у меня склонности к чтению путешествий и путевых записей. А вот с книгой "Пути, дороги" как вошел вместе с автором на борт "Виргинии", идущей в Прибалтику, так и сопровождал его до конца. Шаг в шаг. Прекрасно читается книга!

Л. Ржевский

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ В РУССКОМ ИСКУССТВЕ 12 — начала 20 века. Составители Л. В. Мочалов и Н. А. Барабанова. Издательство "Аврора". Ленинград. 1974.

Только недавно в мои руки попала книга — альбом "Женский портрет в русском искусстве" изд. 1974 года. Среди лекций по вопросам русского искусства, которые мне приходилось читать за последние годы в Соед. Штатах и в Канаде, была лекция на тему "Русские женщины по изображениям русских художников". Эта лекция в переработанном виде была опубликована в 1967 г. в изд-ве В. Камкина в виде небольшой брошюры с чёрно-белыми репродукциями.

На сходную тему появилась в издательстве "Аврора" роскошная книга с 80 красочными репродукциями, с вступительной статьей Л. В. Мочалова. Текст дан английский и русский. При всем внешнем богатстве издания — меловой бумаге, изящном переплете и отличных красочных репродукциях — сам выбор иллюстраций вызывает полное недоумение. Десять первых репродукций посвящены... иконам Богоматери! Представлять иконы Владимирской, Тульской, Донской Божьей Матери, как портреты, совершенно бессмысленно. Иконы выросли совсем из других побуждений. В подборе иллюстраций сказывается полное непонимание сущности иконы и задач портрета. Возможно, что желание трактовать иконы Божьей Матери, как русские женские портреты, одобрено по "идеологической" линии.

Если уж начинать с глубокой древности, то надо было бы дать изображение дочерей Ярослава Мудрого по фрескам Софийского Собора в Киеве, или показать княжескую семью из "Изборника" Святослава 1073 г. Можно было бы показать и жену боярина Кузьмина по иконе 15-го века, а также жену царя Алексея Михайловича,

изображенную Симоном Ушаковым на иконе "Насаждение древа Государства Российского" в 1668 году. Это были попытки изображений русских женщин, а показывать икону Владимирской Божьей Матери, к тому же и написанную в Византии, как образец русского женского портрета, совершенно бессмысленно.

Кроме того удивляет и дальнейший выбор иллюстраций. Репин представлен только одним портретом, а Петров-Водкин семью работами (но среди них нет портрета Анны Ахматовой), Серебрякова — пятью. Подобная диспропорция материала вредит цельности издания, ибо не показывать "Портрет дочери" Левицкого, или "Неизвестную" Крамского, или "Портрет кн. Орловой" Серова, или портреты Кругликовой и Мухиной работы Нестерова, — всё это не дает целостного показа русских женских портретов.

И еще некоторые замечания: в картине Венецианова "На жатве. Лето" главное внимание уделено пейзажу и назвать это портретами крестьянок невозможно. Также и у Сурикова в картине "Боярыня Морозова" группа женщин смотрящих на Морозову не самостоятельные портреты, а только часть общей картины, в которой индивидуальные черты каждой из женщин подчинены идее картины. Совсем не подходит под понятие портрета картина Врубеля "Сирень", как и его картина "Царевна Лебедь", в которой портретная задача преодолена сказочным мифом. В картине Нестерова "Великий постриг" облики монахинь написаны безусловно с натуры, но настолько преобразены художником, что об их портретности нельзя и говорить. Подобные замечания можно сделать и по отношению к работам Рябушкина.

Поражает в данном издании огромное число опечаток. В советских изданиях отмечают обычно на последней странице количество тиража и типография, где печаталась книга, но в данной книге нет этих указаний. Подобная маскировка довольно наивна. По всем признакам (даже по количеству опечаток) книга напечатана вне Советского Союза и рассчитана на иностранный рынок. Издательство "Аврора" предпочитает не называть типографии и прикрывается фразой: издано в СССР.

Е. Климов

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

РОМАН ГУЛЬ

” Я У Н Е С Р О С С И Ю ”

АПОЛОГИЯ ЭМИГРАЦИИ

ТОМ I. ”РОССИЯ В ГЕРМАНИИ”

В книге 365 стр., много фотографий. Цена — 10 долл.

Заказы направлять в ”Новый Журнал”:

**THE NEW REVIEW, 2700 BROADWAY
NEW YORK, N.Y. 10025**

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией

РОМАНА ГУЛЯ
и
Е. Л. МАГЕРОВСКОГО

В 1981 году выйдут ЧЕТЫРЕ КНИГИ

Подписная цена на 1981 год 24 доллара
(за 4 книги)

Цена одной книги — 7 долларов
Во Франции — 25 франков

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В КОНТОРУ
«НОВОГО ЖУРНАЛА»

THE NEW REVIEW, 2700 BROADWAY
NEW YORK, N.Y. 10025

Телефон редакции и конторы: 666-1692

Прием по делам редакции и конторы — ежедневно, кроме
праздников и суббот, от 10-ти до 12-ти час. дня
